

Тексты к докладу

Интерсубъективность и адаптация к объективному миропорядку в античной философской этике

I.

A.

<p>1) Cumberland, Intr., 24, 276 ...no Right whatsoever, <u>no Virtue, can be fully explain'd, without respect had to the State of all rational Beings</u>, or of the whole intellectual System."</p>	<p>Ни одно право или <u>добродетель</u> не может быть <u>полностью объяснена вне отношения к состоянию всех разумных существ</u> или интеллектуальной системы в целом</p>
<p>2) Cumberland, VI, 2, 652 It seems to have given <i>Occasion</i> to many <i>Errors</i>, "That <u>some believ'd it the whole business of Ethicks, to instruct Man consider'd in a solitary State, without any respect to others</u>"; whereas <u>universal Justice, which is the Summary of all the Moral Virtues, almost wholly relates to others</u>: Nay, if the Matter be throughly examin'd, it is <i>evident</i>, "That true <i>Ethicks</i> instructs Men to enter into, and keep up, the most enlarg'd Society with God and all Men."</p>	<p>По-видимому, повод для множества заблуждений был дан тем, что <u>некоторые полагали, будто вся задача этики состоит в наставлении человека, рассматриваемого в его одиноком состоянии, вне какого-либо отношения к другим</u>; в то время как <u>всеобщая справедливость, которая есть суть всех моральных добродетелей, почти целиком относится к другим</u>; более того, если основательно исследовать этот предмет, очевидно, что истинная этика наставляет людей вступать в предельно широкое сообщество с Богом и всеми людьми и поддерживать его.</p>
<p>3) Cumberland, VIII, 11, 700 I have thus briefly consider'd all the Virtues, and made it <i>appear</i>, "That in each of them is contain'd some respect to the Common Good of Rational Beings," (which I take leave to call the City, or Kingdom, of God in the largest Sense;) "and that, <u>whether they more immediately concern Others, or Our-selves, the greatest Good of all is always ultimately intended</u>."</p>	<p>Таким образом, я вкратце рассмотрел все добродетели и показал, что в каждой из них содержится некоторое отношение к общему благу разумных существ (которое я позволю назвать себе градом или царством Божиим в самом широком смысле) и что, <u>касаются ли более непосредственным образом других или нас самих, в конечном счете всегда имеется в виду величайшее благо всех</u></p>
<p>4) I, 7, 297 According to this Pattern are other practical Arts to be modell'd, and this we have endeavour'd to attain, in delivering the Principles of Morality, <u>by reducing to one general Name [Benevolence], all those voluntary Actions, which fall under the Direction of Moral Philosophy...</u></p>	<p>С этим образцом следует соотносить все прочие практические искусства, и этого мы постарались достичь в формулировке <u>принципов нравственности, сводя к одному общему термину [благожелательности] все те добровольные действия, которые подпадают под руководство нравственной философии...</u></p>
<p>5) I, 27, 337 we think, that the Foundation of <u>universal Justice, and consequently of all Virtue</u>, is establish'd by our Doctrine</p>	<p>Мы полагаем, что нашим учением устанавливается основание <u>всеобщей справедливости и, следовательно, всей добродетели</u></p>
<p>6) I, 33, 355 ...whether... it be manifest to Men, from such Knowledge of the Nature of God and other Men as is easily attainable, that they shall <i>better</i> consult the Happiness and Security of all, and of themselves in particular, by <i>universal Benevolence</i>, (which</p>	<p>... является ли... очевидным для людей из такого знания о природе Бога и других людей, которое легко достижимо, что им лучше заботиться о счастье и безопасности всех и, в частности, их самих, посредством всеобщей благожелательности (которая включает невинность, верность,</p>

<p>includes <i>Innocence, Fidelity, Gratitude, and all the other Virtues.</i>)</p>	<p>благодарность и все остальные добродетели)</p>
<p>7) II, 22, 422 But the <i>Pursuit of the common Good</i> comprehends all <i>Virtues</i>, and thence only is procur'd the <i>Praise of good Men</i>.</p>	<p>Но стремление к общему благу включает в себя все добродетели, и только этим обеспечивается похвала добрых людей</p>
<p>8) Хатчесон, Исследование, 2,2,1 –Every Action, which we apprehend as <u>either morally good or evil</u>, is always suppos'd to flow <u>from some Affection toward rational Agents</u>; and <u>whatever we call Virtue or Vice, is either some such Affection, or some Action consequent upon it.</u></p>	<p>Предполагается, что каждое действие, которое мы воспринимаем как морально доброе или злое, всегда вытекает из какой-либо эмоции в отношении мыслящих агентов; и все, что мы называем добродетелью или пороком, вытекает либо из какой-то подобной эмоции, либо из какого-то действия, являющегося ее следствием.</p>
<p>9) Voltaire, (Garnier, vol. 20, 572; Dictionnaire philosophique, s.v. Vertu) « Je suis très-vertueux, dit cet excrément de théologie, car j'ai les quatre vertus cardinales, et les trois théologiques. » Un honnête homme lui demande : « Qu'est-ce que vertu cardinale ? » L'autre répond : « C'est force, prudence, tempérance, et justice. »</p> <p>L'HONNÊTE HOMME. Si tu es juste, tu as tout dit ; ta force, ta prudence, ta tempérance, sont des qualités utiles. Si tu les as, tant mieux pour toi ; mais si tu es juste, tant mieux pour les autres. Ce n'est pas encore assez d'être juste, il faut être bienfaisant : voilà ce qui est véritablement cardinal. Et tes théologiques, qui sont-elles ?</p> <p>L'EXCRÉMENT. Foi, espérance, charité. L'HONNÊTE HOMME. Est-ce vertu de croire ? Ou ce que tu crois te semble vrai, et en cas il n'y a nul mérite à le croire ; ou il le semble faux, et alors il est impossible que tu le croies.</p> <p>L'espérance ne saurait être plus vertu que la crainte : on craint et on espère, selon qu'on nous promet ou qu'on nous menace. Pour la charité, n'est-ce pas ce que les Grecs et les Romains entendaient par humanité, amour du prochain ? Cet amour n'est rien s'il n'est agissant : la bienfaisance est donc la seule vraie vertu.</p>	<p>«Я очень добродетелен, говорит этот отброс богословия, ибо у меня есть четыре кардинальных добродетели и три теологических». Порядочный человек спрашивает его: «Что такое кардинальная добродетель?». Тот отвечает: «Это сила, благоразумие, умеренность и справедливость» ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК Если ты справедлив, то этим все сказано; твоя сила, твое благоразумие, твоя умеренность – это полезные качества. Если они у тебя есть, тем лучше для тебя; но если ты справедлив, тем лучше для других. Быть справедливым еще недостаточно, следует быть благодетельным: вот что действительно кардинально. А твои теологические [добродетели], каковы они? ОТБРОС Вера, надежда, любовь. ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК Верить – это добродетель? Либо то, во что ты веришь, кажется тебе истинным, и в этом случае в вере нет никакой заслуги; или оно кажется тебе ложным, и тогда тебе невозможно в это верить. Надежда вряд ли могла бы быть добродетелью в большей степени, чем страх: мы страшимся и надеемся в зависимости от того, что нам обещают или чем угрожают. Что касается любви, не то ли это самое, что греки и римляни понимали под человечностью, любовью к ближнему? Эта любовь – ничто, если она не действительна: благодетельность есть, стало быть, единственная истинная добродетель.</p>
<p>10) Ibid., 573 Qu'est-ce que vertu ? Bienfaisance envers le prochain. Puis-je appeler vertu autre chose que ce qui me fait du bien ? Je suis indigent, tu es libéral ; je suis en danger, tu me secours ; on me trompe, tu me dis la vérité ; on me néglige, tu me consoles ; je suis ignorant, tu m'instruis ; je t'appellerai sans difficulté vertueux. Mais que deviendront les vertus cardinales et théologiques ? Quelques-unes resteront dans les écoles.</p>	<p>Что такое добродетель? Благодетельность по отношению к ближнему. Могу ли я назвать добродетелью что-либо, кроме того, что приносит мне благо? Я ниимущ, ты щедр; я в опасности, ты мне помогаешь; меня обманывают, ты говоришь мне правду; мною пренебрегают, ты меня утешаешь; я невежественен, ты меня просвещаешь; я без труда назыву тебя добродетельным. Но что станется с кардинальными и теологическими добродетелями? Некоторые останутся в школах. Что мне с того, что умеренен? Это предписание для</p>

<p><u>Que m'importe que tu sois tempérant ? C'est un précepte de santé que tu observes : tu t'en porteras mieux, et je t'en félicite. Tu as la foi et l'espérance, et je t'en félicite encore davantage : elles te procureront la vie éternelle. Tes vertus théologiques sont des dons célestes : tes cardinales sont d'excellentes qualités qui servent à te conduire ; mais elles ne sont point vertus par rapport à ton prochain. Le prudent se fait du bien, le vertueux en fait aux hommes. Saint Paul a eu raison de le dire que la charité l'emporte sur la foi, sur l'espérance.</u></p>	<p>здоровья, и ты его соблюдаешь: от этого ты будешь лучше себя чувствовать, и я тебя с этим поздравляю. У тебя есть вера и надежда, и я поздравляю тебя еще больше: они обеспечивают тебе вечную жизнь. <u>Твои теологические добродетели – дары небес, а кардинальные – превосходные качества, служащие для того, чтобы направлять тебя; но они не добродетели по отношению к твоему ближнему. Благоразумный делает благо себе, добродетельный делает его людям.</u> Святой Павел был прав, говоря, что любовь важнее веры и надежды.</p>
<p>11) Шопенгауэр, с.423 (204) Об основе морали, 3, 16 ...можно предположить в качестве последней движущей пружины поступка все, что угодно; все-таки окажется, что тем или иным окольным путем действительным импульсом служит в конце концов собственное благополучие и страдание поступающего, значит, поступок эгоистичен, следовательно – он лишен моральной ценности. Существует только один случай, где этого нет, именно когда <u>последнее движущее основание к совершению или несвершению поступка прямо и исключительно имеет в виду единственно благополучие и страдание другого, играющего при этом пассивную роль...</u> Только эта цель налагает на поступок или воздержание от него печать моральной ценности, которая поэтому основана исключительно на том, что поступок совершается или не совершается просто на пользу и во благо другому лицу</p>	<p>Man setze zum letzten Beweggrund einer Handlung, was man wolle; immer wird sich ergeben, dass auf irgendeinem Umwege zuletzt das eigene Wohl und Wehe des Handelnden die eigentliche Triebfeder, mithin die Handlung egoistisch, folglich ohne moralischen Werth ist. Nur einen einzigen Fall gibt es, in welchem dies nicht Statt hat: <u>naemlich wenn der letzte Beweggrund zu einer Handlung oder Unterlassung, geradezu und ausschliesslich im Wohl und Wehe irgendeines dabei passive beteiligten Andern liegt...</u> Dieser Zweck allein drueckt einer Handlung oder Unterlassung den Stempel des moralischen Werthes auf; welcher demnach ausschliesslich darauf beruht, dass die Handlung bloss zu Nutz und Frommen eines Andern geschehe, oder unterbleibe.</p>

B.

<p>1) Хатчесон, Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели, II, 2, 1 Ask, for instance, the most abstemious Hermit, <u>if Temperance of itself would be morally good, supposing it shew'd no Obedience toward the Deity, made us no fitter for Devotion, or the Service of Mankind, or the Search after Truth, than Luxury; and he will easily grant, that it would be no moral Good, tho still it might be naturally good or advantageous to Health: And mere Courage, or Contempt of Danger, if we conceive it to have no regard to the Defence of the Innocent, or repairing of Wrongs, or Self-Interest, wou'd only entitle its Possessor to Bedlam...</u></p> <p><u>...four Qualitys, commonly call'd Cardinal Virtues, obtain that Name, because they are Dispositions universally necessary to promote publick Good, and denote Affections toward rational Agents; otherwise there would appear no Virtue in them.</u></p>	<p>Например, спросите самого воздержного отшельника, является ли воздержание само по себе морально добрым, если предположить, что оно не свидетельствует ни о каком послушании в отношении божества и делает нас более пригодными к служению богу или людям или к поискам истины не в большей мере, чем роскошь; и он легко признает, что такое воздержание не будет морально добрым, хотя оно все же может быть естественно добрым или полезным для здоровья. И просто мужество, или презрение к опасности, если мы представим себе, что оно не связано с защитой невинных, исправлением несправедливости или собственным интересом, лишь обеспечило бы его обладателю место в Бедламе...</p> <p><u>...четыре качества, обычно называемые главными добродетелями, получили свое название потому, что являются склонностями духа, повсеместно необходимыми для содействия общему благу, и обозначают эмоции в отношении мыслящих агентов; в противном случае в них не было бы никакой добродетели.</u></p>
--	--

2) Cumberland, VIII, 7, 695

I, certainly, would not call him Temperate, that is, Virtuous. “Who most diligently observ’d all the Precepts of the Physician relating to the Preservation of Health, without any regard to the Laws providing for the Common Good, and, consequently, to the End propos’d by them.” **It is, however, sufficient to make Actions Virtuous, “If the Mind of the Agent has a general Inclination to do those Things, which are acceptable to God, and to all Men, proceeding from an habitual Intention to promote this End,** and, consequently, from an Assent formerly given to such Practical Propositions and Laws...

VIII, 8, 695-696

Temperance may, therefore, be defin’d, Justice towards our-selves, employ’d in taking Care of our Body, in order to the Common Good. If “any one, while he indulges his Body, is so far forgetful of his Mind, as to drown, or lessen its Powers, and render himself less qualified for Things Divine, or Human, Civil, or Domestick; altho’ this may sometimes be done consistently with Health, and, consequently, with the Rules of the Physicians,” **he is Intemperate.** For Instance, if any one breaks a Religious Fast, which may, consistently with Health, be either observ’d, or neglected; or fares so Luxuriously, but without loss of Health, as to waste his Fortune, and become unable to pay the Publick Taxes, he is certainly guilty of Intemperance. But “they who impair their Health by their pursuit of Pleasures, do not prejudice themselves only, but, in some measure, both their Friends and their Country, so far as their want of Health renders them less qualified to do Good to others.”

Я, конечно, не назвал бы умеренным, то есть добродетельным, того, кто тщательнейшим образом соблюдает все предписания врача, касающиеся сохранения здоровья, вне всякого отношения к законам, обеспечивающим общее благо, и, следовательно, к предполагаемой ими цели. **Однако, для того, чтобы сделать действия добродетельными, достаточно, если в уме деятеля есть общая склонность делать те вещи, которые приемлемы для Бога и всех людей, происходящая из привычного намерения способствовать этой цели и,** следовательно, из предварительно данного согласия на такие практические положения и законы...

Умеренность поэтому может быть определена как справедливость по отношению к нам самим, применяемая в заботе о нашем теле, ради общего блага. Если кто-нибудь, потворствуя своему телу, настолько забывает о своем уме, что притупляет или уменьшает его силы и делает самого себя менее пригодным для дел божественных или человеческих, гражданских или домашних, то, хотя иногда это может делаться без противоречия со здоровьем и, следовательно, с правилами врачей, он неумерен. Например, если кто-нибудь нарушает религиозный пост, который может без противоречия со здоровьем как соблюдаться, так и нарушаться, или живет так роскошно, но без ущерба для здоровья, что проматывает свое состояние и становится неспособен платить общественные налоги, он, конечно, повинен в неумеренности. Но те, кто вредят своему здоровью, стремясь к удовольствиям, причиняют вред не только себе самим, но в некоторой мере и своим друзьям, и своей стране, в той степени, в какой недостаток здоровья делает их менее пригодными для того, чтобы приносить благо другим.

C.

1) Voltaire, (Garnier, vol. 20, 574; Dictionnaire philosophique, s.v. Vertu)

Mais quoi, n’admettra-t-on de vertus que celles qui sont utiles au prochain ? Eh ! comment puis-je en admettre d’autres ? Nous vivons en société ; il n’y a donc de véritablement bon pour nous que ce qui fait le bien de la société. Un solitaire sera sobre, pieux, il sera revêtu d’un cilice : eh bien, il sera saint ; mais je ne l’appellerai vertueux que quand il aura fait quelque acte de vertu dont les autres hommes auront profité. Tant qu’il est seul, il n’est ni bienfaisant ni malfaisant ; il n’est rien pour nous. Si saint Bruno a mis la paix dans les familles, s’il a secouru l’indigence, il a été vertueux ; s’il a jeûné, prié dans la solitude, il a été un saint. La vertu entre les hommes est un commerce de bienfaits ; celui qui n’a nulle part à ce commerce ne doit point être compté. Si ce saint était dans le monde, il ferait du bien sans doute ; mais tant qu’il n’y sera pas, le monde aura raison de ne lui pas donner le nom de vertueux : il sera bon pour lui, et non pour nous.

Но что же, допустим ли мы только те добродетели, которые полезны ближнему? А как я мог бы допустить другие? Мы живем в обществе; стало быть, для нас нет ничего истинно благого, кроме того, что причиняет благо обществу. Отшельник будет воздержным, благочестивым, он облачится во власяницу: ну что ж, он будет святым; но я назову его добродетельным лишь тогда, когда он совершит какое-нибудь добродетельное действие, от которого получают пользу другие люди. Пока он один, он не причиняет ни блага, ни зла; он ничто для нас. Если святой Бруно приносил мир в семьи, если он приходил на помощь нищете, он был добродетелен; если он постился, молился в уединении, он был святым. Добродетель среди людей есть оборот благодетений; тот, кто никак не причастен к этому обороту, не должен идти в счет. Если бы этот святой жил в мире, он, вероятно,

<p><u>Mais, me dites-vous, si un solitaire est gourmand, ivrogne, livré à une débauche secrète avec lui-même, il est vicieux : il est donc vertueux s'il a les qualités contraires. C'est de quoi je ne puis convenir : c'est un très-vilain homme s'il a les défauts dont vous parlez ; mais il n'est point vicieux, méchant, punissable par rapport à la société, à qui ses infamies ne font aucun mal.</u> Il est à présumer que s'il rentre dans la société il y fera du mal, qu'il y sera très-vicieux ; et il est même bien plus probable que ce sera un méchant homme qu'il n'est sûr que l'autre solitaire tempérant et chaste sera un homme de bien : car dans la société les défauts augmentent, et les bonnes qualités diminuent.</p>	<p>приносил бы благо: но до тех пор, пока его там не будет, мир будет прав, не давая ему имени добродетельного: оно будет хорошим для него, а не для нас.</p> <p><u>Но, скажете мне вы, если отшельник – чревоугодник, пьяница, предается тайному разврату с самим собой, то он порочен: стало быть, он добродетелен, если у него есть противоположные качества. С этим я не могу согласиться: он очень скверный человек, если у него есть недостатки, о которых вы говорите; но он вовсе не порочен, не зол и не наказуем по отношению к обществу, которому все эти гнусности не причиняют зла.</u> Можно допустить, что, если он войдет в общество, он будет творить в нем зло, что он будет там очень порочен; и даже гораздо более вероятно, что он будет злым человеком, чем несомненно, что другой отшельник, умеренный и целомудренный, будет добрым человеком: ибо в обществе недостатки усиливаются, а хорошие качества слабеют.</p>
--	---

D.

<p>1) Diderot, Suite de l'apologie de M. abbé de Prades, XII, 1-2</p> <p>On peut donc assurer, sans danger, <u>qu'il n'y a aucune notion morale qui soit innée, et que la connaissance du bien et du mal découle, ainsi que toutes les autres, de l'exercice de nos facultés corporelles.</u> « Mais comment et en quel temps cette connaissance se forme-t-elle en nous? »...</p> <p>Quant à la manière dont elle se forme, je crois que c'est <u>une induction assez immédiate du bien et du mal physique. L'homme ne peut être susceptible de sensations agréables et fâcheuses, et converser longtemps avec des êtres semblables à lui y pensants, et libres de lui procurer les unes ou les autres, sans les avoir éprouvées, sans avoir réfléchi sur les circonstances de ses expériences, et sans passer assez rapidement de l'examen de ces circonstances à la notion abstraite d'injure et de bienfait...</u></p> <p>M. l'évêque d'Auxerre ne veut pas que la notion de la vertu nous vienne du vice, et, dans le système des idées innées, je crois qu'il a raison ; mais dans le système opposé, tout aussi catholique et plus vrai, <u>il est inconcevable qu'un homme sans besoins, sans passion, sans sensations agréables et pénibles, sans aucun soupçon de bien ou de mal physique, put jamais parvenir à la connaissance du bien ou du mal moral.</u></p>	<p>Можно, следовательно, не подвергая себя опасности, утверждать, что <u>нет ни одного врожденного морального понятия и познанием добра и зла, как и всеми другими познаниями, мы обязаны упражнению наших телесных способностей.</u> «Но как и в какое время формируется в нас это познание?»...</p> <p>Что же касается способа, которым оно формируется, то я думаю, что <u>это довольно непосредственное обобщение физического добра и зла. Будучи восприимчив к приятным и неприятным ощущениям, человек не может долгое время общаться с подобными ему существами, способными мыслить и доставлять ему как первые, так и вторые по своему усмотрению, не испытывая того и другого, не размышляя над обстоятельствами своего опыта и не переходя тотчас же от рассмотрения обстоятельств к абстрактному понятию вреда и благодетяния...</u></p> <p>Господин епископ не может согласиться, что понятие добродетели дается нам через понятие порока, и я думаю, что в системе врожденных идей это правильно; но в границах противоположной ей системы — столь же согласной с католической верой, но более истинной — <u>непостижимо, как человек без потребностей, без страдания, без приятных или болезненных ощущений, без малейшего представления о физическом добре и эле может когда-либо подняться до познания морального добра и зла.</u></p>
<p>2) Spencer, Principles of ethics, VI, 33, 83</p> <p>We found it was <u>no more possible to frame ethical conceptions from which the consciousness of pleasure, of some kind, at some time, to some being, is absent, than it is possible to frame the</u></p>	<p>Мы нашли, что <u>образовать ЭТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ, в которых отсутствует сознание УДОВОЛЬСТВИЯ какого-то рода, в какое-то время, для какого-нибудь существа, не более возможно, чем возможно</u></p>

<p>conception of an object from which the consciousness of space is absent.</p>	<p>образовать понятие объекта, в котором отсутствовало бы сознание пространства.</p>
<p>3) Spencer, Principles of ethics, XV, 99, 259 As implied in foregoing chapters, <u>right and wrong</u> as conceived by us can exist only in relation to the actions of <u>creatures capable of pleasures and pains</u>; seeing that analysis carries us back to <u>pleasures and pains</u> as the elements out of which the conceptions are framed.</p>	<p>Согласно предшествующим главам, <u>добро и зло</u>, как мы их понимаем, могут существовать только в отношении к действиям <u>созданий, способных к удовольствиям и страданиям</u>; с учетом того, что анализ отсылает нас к <u>удовольствиям и страданиям</u> как элементам, из которых образованы эти понятия.</p>
<p>4) Spencer, Principles of ethics, III, 10, 28 there is no escape from the admission that in calling good the conduct which subserves life, and bad the conduct which hinders or destroys it, and in so implying that life is a blessing and not a curse, we are inevitably asserting that <u>conduct is good or bad according as its total effects are pleasurable or painful</u>.</p>	<p>Невозможно избежать допущения, что, называя хорошим поведение, которое содействует жизни, и плохим поведение, которое препятствует ей или уничтожает ее, и таким образом подразумевая, что жизнь – благословение, а не проклятие, мы неизбежно утверждаем, что <u>поведение является хорошим или плохим в зависимости от того, приятны или болезненны его последствия в целом</u></p>
<p>5) Spencer, Principles of ethics, XV, 101, 261-262 If, as was shown in an early chapter, the conception of <u>good conduct</u> always proves, when analyzed, to be the conception of a <u>conduct which produces a surplus of pleasure somewhere</u> ; while, conversely, <u>the conduct conceived as bad</u> proves always to be <u>that which inflicts somewhere a surplus of either positive or negative pain</u> ; <u>then the absolutely good, the absolutely right, in conduct, can be that only which produces pure pleasure—pleasure unalloyed with pain anywhere</u>. By implication, <u>conduct which has any concomitant of pain, or any painful consequence, is partially wrong</u> ; and the highest claim to be made for such conduct is, that it is the least wrong which, under the conditions, is possible—the relatively right.</p>	<p>Если, как было показано в одной из предыдущих глав, понятие <u>хорошего поведения</u> всегда оказывается, если его проанализировать, понятием о <u>поведении, которое где-нибудь производит избыток удовольствия</u>; в то время как, напротив, поведение, понимаемое как <u>дурное</u> всегда оказывается таким, которое где-то причиняет <u>избыток либо позитивной, либо негативной боли</u>; тогда <u>абсолютное благо, абсолютное добро в поведении может быть только тем, что производит чистое удовольствие – удовольствие без примеси боли где бы то ни было</u>. Соответственно, поведение, сопровождающееся какой-либо болью или каким-либо болезненным последствием, <u>частично дурно</u>; и самое большое, на что такое поведение может претендовать, - это что оно наименее дурное из возможных при этих условиях – относительно правильное.</p>
<p>6) Spencer, Principles of ethics, III, 13, 37-38 <u>If virtue is primordial and independent, no reason can be given why there should be any correspondence between virtuous conduct and conduct that is pleasure-giving in its total effects on self, or others, or both; and if there is not a necessary correspondence, it is conceivable that the conduct classed as virtuous should be pain-giving in its total effects...</u> Unless it is asserted that <u>courage and chastity</u> could still be thought of as virtues though thus productive of misery, it must be admitted that <u>the conception of virtue cannot be separated from the conception of happiness-producing conduct; and that as this holds of all the virtues, however otherwise unlike, it is from their conduciveness to</u></p>	<p><u>Если добродетель первична и независима, то нельзя представить никакого основания, почему должно существовать какое-нибудь соответствие между добродетельным поведением и поведением, в общем и целом приносящим удовольствие самому деятелю, другим или и ему, и им; а если здесь нет необходимого соответствия, то можно представить себе, что поведение, классифицируемое как добродетельное, может быть в общем и целом приносящим боль...</u> Если только не утверждается, что <u>мужество и целомудрие</u> по-прежнему могут рассматриваться как добродетели, хотя бы они и приводили указанным образом к несчастью, то необходимо допустить, что <u>понятие добродетели не может быть отделено от понятия поведения, приносящего счастье; и что, поскольку это касается всех добродетелей, как бы они ни различались в другом отношении, они</u></p>

<u>happiness, that they come to be classed as virtues.</u>	зачисляются в разряд добродетелей именно на том основании, что способствуют счастью
--	---

Е.

<p>1) Лейбниц, Теодицея, 1,26: ... <u>le mal moral n'est un si grand mal, que parce qu'il est une source de maux physiques</u>, qui se trouve dans une creature des plus puissantes et des plus capables d'en faire...Un mauvais homme se plaît à faire souffrir et à detruire, et il n'en trouve que trop d'occasions.</p>	<p>...<u>моральное зло является столь великим злом только потому, что оно есть источник физических зол</u>, который находится в одном из наиболее могущественных и наиболее способных причинять их созданий... Злому человеку нравится причинять страдание и разрушать, и он находит очень много поводов к этому.</p>
<p>2) Замечания на книгу о начале зла, изданную недавно в Англии, 3: Nostre auteur avoit dit de belles choses sur l'origine et sur les raisons des maux naturels: il n'avoit qu'à appliquer les mêmes principes au <u>mal moral</u>, d'autant qu'il juge luy même que <u>le mal moral devient un mal par les maux physiques qu'il cause ou tend à causer</u>.</p>	<p>Наш автор высказывает прекрасные мысли о начале и причинах природного зла; и ему надо было только применить те же начала и к <u>моральному злу</u>, тем более что он сам думает, что <u>моральное зло становится злом вследствие физических зол, которые оно причиняет или стремится причинить</u>.</p>
<p>3) Voltaire, (Garnier, vol. 17, 579-580; Dictionnaire philosophique, s.v. Bien) <u>Le mal moral</u>, sur lequel on a écrit tant de volumes, <u>n'est au fond que le mal physique. Ce mal moral n'est qu'un sentiment douloureux qu'un être organisé cause à un autre être organisé. Les rapines, les outrages, etc., ne sont un mal qu'autant qu'ils en causent</u>. Or, comme nous ne pouvons assurément faire aucun mal à Dieu, il est clair, par les lumières de la raison (indépendamment de la foi, qui est tout autre chose), qu'il n'y a point de mal moral par rapport à l'Être suprême.</p>	<p><u>Моральное зло</u>, о котором написано столько томов, <u>в сущности есть не что иное, как физическое зло. Это моральное зло есть не что иное, как мучительное ощущение, которое одно органическое существо причиняет другому органическому существу. Грабежи, причиняемые обиды и т.п. являются злом лишь в той степени, в какой они его причиняют</u>. Поскольку же мы, конечно, не можем причинить никакого зла Богу, ясно, - посредством света разума (независимо от веры, которая – совсем другое дело), что нет морального зла в отношении к высшему Существо.</p>
<p>4) Cumberland, III, 1, 463 ...<u>natural Good... is distinguish'd</u>, by its greater Extensiveness, from that <u>Good, which is called Moral</u>, which is ascrib'd only to such <u>Actions and Habits of rational Agents, as are agreeable to Laws, whether Natural or Civil, and is ultimately resolv'd into the natural common Good</u>, to the Preservation and Increase of which alone all the Laws of Nature, and all just civil Laws, do direct us.</p>	<p>...естественное благо... <u>различается</u> своей большей распространенностью от <u>того блага, которое называется моральным</u>, которое приписывается только таким действиям и нравам разумных деятелей, что согласуются с законами, будь то естественными или гражданскими, и в конечном счете сводятся к <u>естественному общему благу</u>, к сохранению и увеличению которого, и только его, направляют нас все законы природы и все справедливые гражданские законы</p>
<p>5) Хатчесон, Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели, 2,3,1. If we examine all the Actions which are counted amiable anywhere, and enquire into the <u>Grounds upon which they are approv'd</u>, we shall find, that in the Opinion of the Person who approves them, <u>they always appear as Benevolent, or flowing from Love of others, and a Study of their Happiness</u>, whether the Approver be one of the Persons belov'd, or</p>	<p>«Если мы изучим все действия, к-рые считаются приятными где бы то ни было, и исследуем <u>те основания, к-рые дают право их одобрять</u>, мы обнаружим, что по мнению того лица, к-рое их одобряет, <u>они всегда кажутся благожелательными, или вытекающими из любви к другим и заботы об их счастье</u>.</p>

<p>profited, or not;</p> <p>so that all <u>those kind Affections which incline us to make others happy, and all Actions suppos'd to flow from such Affections, appear morally Good</u>, if while they are benevolent to ward some <u>Persons, they be not pernicious to others.</u></p> <p>Nor shall we find any thing amiable in any Action whatsoever, where there is no Benevolence imagin'd; nor in any Disposition, or Capacity, which is not suppos'd applicable to, and design'd for benevolent Purposes.</p>	<p>независимо от того, входит ли тот, кто одобряет, в число лиц любимых или получающих выгоду или нет; <u>так что все те добрые эмоции, к-рые склоняют нас к тому, чтобы делать других счастливыми, и все действия, к-рые, как полагают, вытекают из таких эмоций, представляются морально добрыми</u>, если, будучи благожелательными в отношении одних лиц, они не будут вредными в отношении других. Мы не обнаружим также ничего приятного ни в одном каком бы то ни было действии, если в нем нельзя представить себе никакой благожелательности, ни в одной склонности или способности, к-рую, как полагают, нельзя применить в благожелательных целях и к-рая для них не предназначена».</p>
<p>6) Гольбах, Общественная система, т.1, Si... l'on doit nommer <u>vertus</u>, les <u>dispositions utiles a la Societe</u>, on doit appeller <u>vices toutes celles qui</u>, soit immediatement, soit par leur suites necessaires, <u>repugnent au bien-etre de l'espece humaine</u>. Or il est des actions et des dispositions qui par leur nature ou leur essence sont utiles et plaisent aux hommes, tandis que d'autres leur nuisent et les affligent. Ainsi pretendre que les mots de <u>vice</u> et de <u>vertu</u> ne sont que des mots de conventions, c'est dire que le <u>plaisir</u> et la <u>douleur</u> sont des mots de conventions...</p>	<p><u>Если добродетелями следует называть склонности, полезные для общества, то пороками следует называть все те [склонности], которые – непосредственно или через свои необходимые следствия – противоречат благополучию человеческого рода.</u> Итак, [добродетели] это действия и склонности, которые по своей природе или своей сущности полезны и приятны для людей, тогда как другие им вредят и их огорчают. Таким образом утверждать, что слова <u>порок</u> и <u>добродетель</u> – всего-навсего условные обозначения, значит говорить, что <u>удовольствие</u> и <u>страдание</u> суть условные обозначения.</p>
<p>7) Гольбах, Всеобщая мораль, т.1, ч.2, гл.3: <u>la vertu en général est une disposition ou volonté habituelle et permanente de contribuer à la félicité constante des êtres avec lesquels nous vivons en société.</u></p>	<p><u>Добродетель в целом есть привычная и постоянная склонность или воля способствовать устойчивому счастью существ, с которыми мы живем в обществе</u></p>
<p>8) Гольбах, Всеобщая мораль, Ч.3, гл.1 Si... <u>la vertu est l'habitude de contribuer au bien-être de la vie sociale, le vice doit être défini, l'habitude de nuire au bonheur de la société</u>, dont étant nous-mêmes les membres, nous éprouvons la réaction nécessaire.</p>	<p>Если... <u>добродетель есть привычка способствовать благополучию общественной жизни, порок должен быть определен как привычка вредить счастьем общества</u>, необходимую реакцию которого мы испытываем, сами являясь его членами.</p>
<p>9) Spencer, Principles of ethics, III, 11, 31 Suppose that gashes and bruises caused agreeable sensations, and brought in their train increased power of doing work and receiving enjoyment ; should we regard assault in the same manner as at present ? Or suppose that selfmutilation, say by cutting off a hand, was both intrinsically pleasant and furthered performance of the processes by which personal welfare and the welfare of dependents is achieved ; should we hold as now, that deliberate injury to one's own body is to be reprobated ? Or again, suppose that picking a man's pocket excited in him joyful emotions, by brightening his prospects ; would theft be counted among crimes, as in existing law-books and moral codes ?</p>	<p>Предположим, что раны и ушибы доставляли бы приятные ощущения и приносили бы среди своих последствий увеличение способности к выполнению работы и получению наслаждения; должны ли мы были бы рассматривать нападение точно таким же образом как сейчас? Или предположим, что самоизувечивание путем, скажем, отсечения руки было бы и внутренне приятно, и способствовало бы осуществлению тех процессов, которыми достигается личное благополучие и благополучие зависимых лиц; должны ли мы были бы считать, как теперь, что намеренное повреждение собственному телу следует порицать? Или опять же, предположим, что кража из чьего-то кармана</p>

<p>In these extreme cases, no one can deny that what we call the badness of actions is ascribed to them solely for the reason that they entail pain, immediate or remote, and would not be so ascribed did they entail pleasure...</p> <p>Imagine that ministering to a sick person always increased the pains of illness. Imagine that an orphan's relatives who took charge of it, thereby necessarily brought miseries upon it. Imagine that liquidating another man's pecuniary claims on you redounded to his disadvantage.</p> <p>Imagine that crediting a man with noble behaviour hindered his social welfare and consequent gratification. What should we say to these acts which now fall into the class we call praiseworthy ? Should we not contrariwise class them as blameworthy ? Using, then, as our tests, these most pronounced forms of good and bad conduct, we find it unquestionable that our ideas of their goodness and badness really originate from our consciousness of the certainty or probability that they will produce pleasures or pains somewhere.</p>	<p>вызывала бы в человеке радостные эмоции, улучшая его виды на будущее; причислялось ли бы тогда воровство к преступлениям, как в существующих сводах законов и моральных кодексах? В этих крайних случаях никто не может отрицать, что то, что мы называем порочностью действий, приписывается им только на том основании, что они влекут за собой боль, непосредственно или опосредованно, и не приписывалось бы им, если бы они влекли за собой удовольствие...</p> <p>32</p> <p>Представим, что уход за больным человеком всегда увеличивал бы страдания от болезни. Представим, что родственники сироты, взявшие на себя заботу о нем, тем самым с необходимостью ввергали бы его в несчастья. Представим, что удовлетворение чьих-то денежных претензий к вам, оборачивалось бы невыгодой для этого человека. Представим, что приписывание человеку благородного поведения препятствовало бы общественному благополучию и последующему удовлетворению. Что мы должны были бы сказать об этих действиях, которые ныне относятся к классу, называемому нами похвальным? Не должны ли были бы мы, напротив, классифицировать их как заслуживающие порицания? Используя, следовательно, в качестве нашего мерилы эти наиболее выраженные формы хорошего и дурного поведения, мы находим неоспоримым, что наши представления об их благодати или порочности в действительности берут начало из нашего сознания несомненности или вероятности того, что где-нибудь они произведут удовольствия или страдания.</p>
--	--

II.

A.

<p>1) Plat. Apol., 30cd εὖ γὰρ ἴστε, ἐάν με ἀποκτείνητε τοιοῦτον ὄντα οἷον ἐγὼ λέγω, οὐκ ἐμὲ μείζω βλάψετε ἢ ὑμᾶς αὐτούς· ἐμὲ μὲν γὰρ οὐδὲν ἂν βλάψειεν οὔτε Μέλητος οὔτε Ἄνυτος—οὐδὲ γὰρ ἂν δύναιτο—οὐ γὰρ οἶομαι θεμιτὸν εἶναι ἀμείνονι ἀνδρὶ ὑπὸ χεῖρονος βλάπτεσθαι. ἀποκτείνειε μεντὰν ἴσως ἢ ἐξελάσειεν ἢ ἀτιμώσειεν· ἀλλὰ ταῦτα οὗτος μὲν ἴσως οἶεται καὶ ἄλλος τις που μεγάλα κακά, ἐγὼ δ' οὐκ οἶομαι, ἀλλὰ πολὺ μᾶλλον ποιεῖν ἢ οὗτοσι νῦν ποιεῖ, ἄνδρα ἀδίκως ἐπιχειρεῖν ἀποκτείνουαι.</p>	<p>Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могли бы [мне повредить], потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть.</p>
<p>2) Plat. Apol., 41d οὐκ ἔστιν ἀνδρὶ ἀγαθῷ κακὸν οὐδὲν οὔτε ζῶντι οὔτε τελευτήσαντι, οὐδὲ ἀμελεῖται ὑπὸ θεῶν τὰ τοῦτου πράγματα· οὐδὲ τὰ ἐμὰ νῦν ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου γέγονεν, ἀλλὰ μοι δῆλόν</p>	<p>с хорошим человеком не бывает никакого зла ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему и знамение ни</p>

<p>ἔστι τοῦτο, ὅτι ἤδη τεθάναι καὶ ἀπηλλάχθαι πραγμάτων βέλτιον ἦν μοι. διὰ τοῦτο καὶ ἐμὲ οὐδαμοῦ ἀπέτρεψεν τὸ σημεῖον, καὶ ἔγωγε τοῖς καταψηφισαμένοις μου καὶ τοῖς κατηγοροῖς οὐ πάνυ χαλεπαίνω. καίτοι οὐ ταύτη τῇ διανοίᾳ κατεψηφίζοντό μου καὶ κατηγοροῦν, ἀλλ' οἰόμενοι βλάπτειν τοῦτο αὐτοῖς ἄξιον μέμφεσθαι.</p>	<p>разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает порицания.</p>
<p>3) SVF III, 578 Stobaeus eclog. II 7 p. 110 W. Λέγουσι δ καὶ τὸν <u>σοφὸν ἀνύβριστον εἶναι· οὐθ' ὑβρίζεσθαι γὰρ οὐθ' ὑβρίζειν διὰ τὸ τὴν ὑβρίν ἀδικίαν εἶναι καταισχύνουσαν καὶ βλάβην· μήτε δ ἀδικεῖσθαι μήτε βλάπτεσθαι τὸν σπουδαῖον· ἀδικητικῶς μέντοι γέ τινας αὐτῶ προσφέρεσθαι καὶ ὑβριστικῶς καὶ κατὰ τοῦτο ἀδικοπραγεῖν</u>. Πρὸς τούτῳ μὴδ <τῆν> τυχοῦσαν ἀδικίαν εἶναι τὴν ὑβρίν, ἀλλὰ <τῆν> καταισχύνουσαν καὶ ὑβριστικὴν οὖσαν. Ἀπερίπτωτον δ' ὑπάρχειν τὸν νοῦν ἔχοντα τούτοις καὶ μηδαμῶς καταισχύνεσθαι· ἐν ἑαυτῶ γὰρ ἔχειν τὸ ἀγαθὸν καὶ τὴν θείαν ἀρετὴν, δι' ὃ καὶ πάσης ἀπηλλάχθαι κακίας καὶ βλάβης.</p>	<p>Они утверждают, что <u>мудрецу нельзя нанести оскорбление</u>. Он недоступен оскорблению и сам никого не оскорбляет, <u>ибо оскорбление - это причинение человеку несправедливости и вреда, унижающее его, а мудрец недоступен несправедливости и вреду</u>. А те, кто обходятся с мудрецом несправедливо и дерзко, <u>поступают дурно</u>. Кроме того, оскорбление - это не случайная несправедливость, а совершенная с намерением унижить и обидеть. Но мудрец недоступен подобным вещам и вообще не может быть унижен. Ведь он имеет благо и божественную добродетель в себе самом и поэтому <u>отстранен ото всякого зла и вреда</u>.</p>
<p>4) SVF III, 579 Plutarchus de Stoic. repugn. cp. 20 p. 1044a. <u>ἀδικεῖται γὰρ οὐδεὶς μὴ βλαπτόμενος· ὅθεν μὴ ἀδικεῖσθαι τὸν σοφὸν ἐν ἄλλοις ἀποφηνάμενος (scil. Chrysippus) ἐνταῦθά φησιν (scil. ἐν τῷ πρώτῳ περὶ βίων) ἀδικημὰ τι τὸν τόπον ἐπιδέχεσθαι</u>.</p>	<p>Ведь <u>никто не терпит несправедливости, если ему не причиняют вреда</u>. И Хрисипп, который на этом основании всюду заявляет, что <u>мудрец недоступен несправедливости</u>, здесь <u>говорит, что может иметь место несправедливое действие</u>.</p>
<p>5) Sen. Benef. 2, 35, 2 = SVF III, 580 A consuetudine quaedam, quae dicimus, abhorrent, deinde alia via ad consuetudinem redeunt: negamus iniuriam accipere sapientem, tamen, qui illum pugno percusserit, iniuriarum damnabitur; negamus stulti quidquam esse, et tamen eum, qui rem aliquam stulto subripuit, furti condemnabimus; insanire omnes dicimus, nec omnes curamus elleboro; his ipsis, quos vocamus insanos, et suffragium et iuris dictionem committimus.</p>	<p>Некоторые из высказанных нами мнений, по-видимому, не согласны с общепринятыми обычаями, но они опять будут согласовываться с этими обычаями, если рассматривать их с другой точки зрения. Мы отрицаем, что для мудреца нет обиды; и однако ж, кто ударит его кулаком, будет обвиняться в нанесении обиды. Мы утверждаем, что глупый не может иметь никакой собственности, и, однако, похитившего у глупца какую-нибудь вещь мы будем обвинять в краже. Мы говорим, что все беснуются; однако не лечим всех чемерицей; и даже тем самым, которых называем безумными, мы даем право голоса в собраниях и право судебной юрисдикции.</p>

B.

<p>1) Plot., Enn., 3, 2, 13, 1-15 Ἐπεὶ οὐδὲ ἐκεῖνον ἀποβλητέον τὸν λόγον, ὃς οὐ πρὸς τὸ παρὸν ἐκάστοτέ φησι βλέπειν, ἀλλὰ πρὸς τὰς πρόσθεν περιόδους καὶ αὖ τὸ μέλλον, ὥστε ἐκεῖθεν τάττειν τὴν ἀξίαν καὶ μετατιθέναι ἐκ δεσποτῶν τῶν πρόσθεν δούλους ποιοῦντα, εἰ ἐγένοντο κακοὶ δεσπότες, καὶ ὅτι σύμφορον αὐτοῖς οὕτω, καὶ εἰ κακῶς ἐχρήσαντο πλούτῳ, πένητας – καὶ ἀγαθοῖς οὐκ ἀσύμφορον πένησιν</p>	<p>Ибо не стоит отвергать и тот довод, который гласит, что в каждом отдельном случае [Логос] смотрит не на настоящее, но на предшествующие времена и, с другой стороны, на будущее, дабы исходя из этого установить заслугу [человека] и изменить [его участь], делая рабов из прежних господ, если они были дурными господами и потому что так им полезно, а если они дурно пользовались богатством – [делая из них] бедняков, - и хорошим бесполезно</p>
--	--

<p>εἶναι – καὶ φονεύσαντας ἀδίκως φονευθῆναι ἀδίκως μὲν τῷ ποιήσαντι, αὐτῷ δὲ δικαίως τῷ παθόντι, καὶ τὸ πεισόμενον συναγαγεῖν εἰς τὸ αὐτὸ τῷ ἐπιτηδεῖω ποιῆσαι, ἃ παθεῖν ἐχρῆν ἐκείνον. Μὴ γὰρ δὴ κατὰ συντυχίαν δούλον μὴδὲ αἰχμάλωτον ὡς ἔτυχε μὴδὲ ὑβρισθῆναι εἰς σῶμα εἰκῆ, ἀλλ' ἦν ποτε ταῦτα ποιήσας, ἃ νῦν ἐστὶ πάσχων· καὶ μητέρα τις ἀνελὼν ὑπὸ παιδὸς ἀναιρεθῆσεται γενόμενος γυνή, καὶ βιασάμενος γυναῖκα ἔσται, ἵνα βιασθῆ.</p>	<p>быть бедными, - и [делая так, чтобы] несправедливо убившие были убиты несправедливо, если иметь в виду совершившего [убийство], но справедливо для самого претерпевшего, и [Логос] сводит вместе того, кому предстоит пострадать, с пригодным сделать то, что первому подобало претерпеть. Ибо не в силу случая [человек становится] рабом, и не как попало – пленником, и не наобум терпит телесное насилие, но некогда он делал то, что теперь претерпевает; и убивший мать, став женщиной, будет убит [своим] ребенком, и насильник станет женщиной, чтобы быть изнасилованным.</p>
<p>2) Plot., Enn., 4, 3, 16, 17-25 Καὶ τὸ ἄδικον δὴ τὸ παρ' ἄλλου εἰς ἄλλον αὐτῷ μὲν τῷ ποιήσαντι ἄδικον, καὶ οὐκ ἀφείθη αἰτίας ὁ δράσας, συντεταγμένον δ' ἐν τῷ παντὶ οὐκ ἄδικον ἐν ἐκείνῳ οὐδ' εἰς τὸν παθόντα, ἀλλ' οὕτως ἐχρῆν. Εἰ δ' ἀγαθὸς ὁ παθὼν, εἰς ἀγαθὸν ἢ τελευτῆ τούτων. Δεῖ γὰρ τήνδε τὴν σύνταξιν οὐκ ἄθει οὐδὲ ἄδικον, ἀλλ' ἀκριβῆ εἰς τὴν τοῦ προσήκοντος ἀπόδοσιν νομίζουσιν, ἀδήλους δὲ ἔχειν τὰς αἰτίας καὶ τοῖς οὐκ εἰδόσι παρέχειν μέμψεως αἰτίας.</p>	<p>И несправедливость одного в отношении другого, если иметь в виду самого совершившего – несправедливость, и сделавший не освобожден от обвинения, но как встроенная во вселенную она не есть несправедливость в ней или в отношении претерпевшего, но так было нужно. Если же претерпевший добродетелен, то исход этого [будет ему] во благо. Ибо этот [вселенский] порядок не следует считать ни безбожным, ни несправедливым, но точным в воздаянии надлежащего, хотя он держит причины в тайне и предоставляет несведущим поводы к порицанию.</p>
<p>3) Olymp. In Plat. Gorg. 17, 2, 20-28 τρίτος ἄθλιός ἐστιν ὁ ἀδίκως φονεούμενος. ἰστέον γὰρ ὅτι οὐκ ἔστιν ἐν τῷ παντὶ ἀταξία, ἀλλὰ πρόνοια τὰ πάντα ὀραῖ, ὥστε κἂν δοκῆ ἀδίκως φονεῦσθαι, ὁ δημιουργὸς οἶδεν τὴν τάξιν αὐτοῦ· ἐπεὶ οὖν ἐπεπλημμέλητο αὐτῷ ἐν τῇ προβοιῇ, διὰ τοῦτο ἀπεκτάνθη. ὥστε ὁ μὲν φονεύσας αὐτὸν κακῶς ἐποίησεν ἀδίκως φονεύσας, οὗτος δὲ κατ' ἀξίαν τέθνηκεν. τρίτος δ' ἐστὶν ἐπειδὴ ἀδίκως δοκεῖ φονεῦσθαι·</p>	<p>Третий по степени несчастья – это несправедливо убиваемый. Следует знать, что во вселенной нет беспорядка, но за всем надзирает провидение, так что, если и кажется, что кого-то убивают несправедливо, творец знает его место [в общем порядке]: поскольку им было совершено прегрешение в предшествующей жизни, поэтому он и был убит [в этой]. Таким образом тот, кто его убил, совершил зло, убив несправедливо, сам же он умер по заслугам. И он – третий по степени несчастья, потому что кажется убитым несправедливо.</p>
<p>4) Nemesius, De natura hominis, 42, 327-352 πῶς οὖν ἄνδρες ὅσοι πικροῖς περιπίπτουσι θανάτοις καὶ σφαγαῖς ἀναιτίοις; εἰ μὲν γὰρ ἀδίκως, διὰ τί μὴ ἐκόλυσεν ἢ δικαία πρόνοια τὸν φόνον; εἰ δὲ δικαίως, ἀναιτίοι πάντως οἱ φονεύσαντες. πρὸς ταῦτα ἐροῦμεν ὅτι καὶ ὁ φονεὺν ἀδίκως φονεῦει καὶ ὁ φονεόμενος ἢ δικαίως φονεῦεται ἢ συμφερόντως· δικαίως μὲν ἔσθ' ὅτε διὰ πράξεις ἀτόπους ἡμῖν δ' ἀδήλους· συμφερόντως δ' προκαταλαμβάνουσης τῆς προνοίας τὰς μελλούσας ἔσεσθαι παρ' αὐτοῦ κακουργίας καὶ ὅτι καλὸν αὐτῷ μέχρι τούτου σῆναι τὴν ζωὴν, ὡς Σωκράτει καὶ τοῖς ἁγίοις. ὁ δ' φονεύσας ἀδίκως ἐφόνευσεν· οὐ γὰρ διὰ τοῦτο οὐδὲ ἐξὸν αὐτῷ, ἀλλὰ διὰ κέρδος καὶ ληστείαν ἐκούσιως... ὁ μὲντοι φονεύσας κακῶς ἐφόνευσεν· ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν δικαίως φονεομένων εἰς τὴν τῶν δημίων ἑαυτὸν κατέταξε μοῖραν, ἐπὶ δὲ τῶν συμφερόντως εἰς τὴν τῶν μιαιφόνων καὶ</p>	<p>Итак, почему же благочестивые мужи подвергаются жестокой смерти и незаслуженным убийствам? Если – несправедливо, то почему справедливое Провидение не препятствует убийству? Если же справедливо, то убийцы совершенно невинны. На это мы скажем, что убивающий убивает несправедливо, а убиваемый — убивается или по справедливости, или для пользы: по справедливости иногда — за постыдные действия, нам неизвестные, — для пользы — когда Провидение предупреждает будущие его злодеяния и — потому, что лучше прекратить ему жизнь до этого, — {как было с Сократом и святыми}. Но убийца убивает несправедливо, ведь [делает это] не по вышеуказанной причине, и это не было ему позволено, но произвольно — из-за корысти и грабежа... Во всяком случае, убийца поступает порочно. Ведь по отношению к тем, которые убиваются по справедливости, он ставит себя на место палача, а по отношению к тем, которые – для пользы, на место убийц и преступников. То же самое [относится] и к противникам, которые убивают и захватывают в</p>

<p>ἐναγῶν. τὰ αὐτὰ καὶ ἐπὶ πολεμίων φονευόντων καὶ αἰχμαλωτιζόντων καὶ πᾶσαν κακίαν ἐργαζομένων κατὰ τῶν αἰχμαλώτων. τὰ αὐτὰ καὶ ἐπὶ τῶν πλεονεκτούντων καὶ ἀρμαζόντων χοήματα· καὶ γὰρ τοῖς ἀφαιρουμένοις ὡς εἰκὸς συμφέροι μὴ κεκτῆσθαι, καὶ οἱ πλεονεκτήσαντες ἄδικοι, διὰ γὰρ πλεονεξίαν, οὐχὶ διὰ τὸ συμφέρειν ἐκείνοις ἀφείλοντο.</p>	<p>плен [друг друга] и творят всяческие злодеяния над пленниками. <u>То же самое – и к корыстолюбивым и грабящим имущество. Ведь и для тех, у кого оно отнято, вероятно, полезно им не обладать, и проявившие корыстолюбие несправедливы, ибо отняли его из корыстолюбия, а не потому что это было полезно тем [т.е. их жертвам].</u></p>
<p>5) Aeneas, Theophrastus, 25, 7-19 <u>Ὅστε ἂν ἀδικήσῃ μὲν τὸν ἀγαθὸν ὁ φαῦλος, αὐτὸς ἐξ ἀλογίας παρωξυμμένος, Θεὸς ἀναίτιος· ἀδικήσῃ δὲ τὸν προσπεσόντα, οἷον τοξότου βάλλοντος ἀνάγκη τὸν προστυχόντα τραθῆναι, ὁποῖός ποτ' ἂν ἦ... Ὅστε τὸ γιγνόμενον ἀδίκημα τῷ μὲν ποιήσαντι κακὸν καὶ ἀδίκημα καὶ οὐκ ἂν ἀφεθεῖ τῆς αἰτίας ὁ δράσας οὐδὲ ἀποδιδράσκει τὴν δίκην· τῷ δὲ παθόντι οὐ κακὸν ἀλλὰ χρήσιμον, εἴγε προσθήκην εὐδαιμονίας αὐτῷ τὸ πάθος προὔξενησε καὶ εἰς ὄφελος τῷ κοινῷ συντάττεται, ἐπεὶ παράκλησις ἱκανὴ τοῖς εὐφρονούσι πρὸς ἀρετὴν τὸ μὴ φόβῳ θανάτου τὸν ἀγαθὸν φεύγειν ἀρετὴν.</u></p>	<p>Так что дурной причинит несправедливость хорошему, сам ожесточившись от неразумия, а Бог невиновен; причинит же он несправедливость тому, кто попадется под руку, подобно тому, как, если лучник выстрелил, необходимо, чтобы подвернувшийся [под стрелу] был ранен, каков бы он ни был... Так что <u>имевшая место несправедливость для совершившего – зло и несправедливость и сделавший не освобождается от обвинения и не избегает суда; для претерпевшего же она – не зло, но выгода</u>, если, конечно, страдание обеспечило ему увеличение счастья и оказывается пользой для общества, поскольку то, что хороший человек не избегает добродетели из страха смерти, есть достаточное побуждение к добродетели для правильно мыслящих.</p>
<p>6) Aeneas, Theophrastus, 26, 14-18 Εἰ δέ τις ἀδικῶν ἄλλον παρ' ἄλλου πάθει κακῶς, αὐτὸς μὲν πέπονθε δικαίως, ὁ δὲ δράσας ἀδίκως ἐπέθετο καὶ οὐ μὴ ποτε ἐκφύγοι. Θεὸς δὲ ἀμφότερα συνέταξε καὶ τὸν πεισόμενον τῷ ἐπιτηδεῖω ποιῆσαι τοῦτο ὃ παθεῖν ἐχοῖν ἐκείνον εἰς ταῦτόν συνήγαγε...</p>	<p>Если же кто, причиняя несправедливость другому, претерпит от другого зло, сам он претерпел справедливо, но сделавший [это зло] причинил [его] несправедливо и уже не избежит [наказания]. Бог же сочетал и то, и другое, и <u>свел вместе того, кто пострадает, с тем, кто пригоден сделать то, что первому подобало претерпеть...</u></p>

С.

<p>возможность интерсубъективности</p>	
<p>1) Marc. Aur. 9, 1, 1-4 <u>Ὁ ἀδικῶν ἀσεβεῖ· τῆς γὰρ τῶν ὅλων φύσεως κατεσκευακίας τὰ λογικὰ ζῶα ἔνεκεν ἀλλήλων, ὥστε ὠφελεῖν μὲν ἀλλήλα κατ' ἀξίαν βλάπτειν δὲ μηδαμῶς, ὁ τὸ βούλημα ταύτης παραβαίνων ἀσεβεῖ δηλονότι εἰς τὴν πρεσβυτάτην τῶν θεῶν...</u></p>	<p><u>Несправедливый</u> нечестив. Потому что раз природа целого устроила разумные существа друг ради друга, <u>чтобы они приносили пользу друг другу сообразно достоинству и никоим образом не вредили</u>, то всякий преступающий ее волю нечестив, понятно, перед природой, старшим из божеств.</p>
<p>2) 7, 73 <u>Ὅταν σὺ εὖ πεποιηκῶς ἦς καὶ ἄλλος εὖ πεπονθῶς, τί ἔτι ζητεῖς τρίτον παρὰ ταῦτα, ὥσπερ οἱ μωροί, τὸ καὶ δόξαί εὖ πεποιηκέναι ἢ τὸ ἀμοιβῆς τυχεῖν;</u></p>	<p>Ты сделал добро, другому - сделано добро. Что же ты, как безумец, ищешь что-то третье сверх этого? чтобы еще и знали, как хорошо ты сделал, или чтобы возмещение получить?</p>
<p>невозможность интерсубъективности</p>	
<p>3) 8, 55 <u>Γενικῶς μὲν ἡ κακία οὐδὲν βλάπτει τὸν κόσμον, ἡ δὲ κατὰ μέρος οὐδὲν βλάπτει τὸν ἕτερον, μόνῳ δὲ βλαβερά ἐστι τούτῳ ᾧ</u></p>	<p><u>Порок</u> вообще миру никак не вредит, а в частности <u>никак другому не вредит</u>, и вреден только тому, кому позволено и удалиться от него, чуть только он этого пожелает.</p>

ἐπιτέτραπται καὶ ἀπηλλάχθαι αὐτῆς, ὅποταν πρῶτον αὐτὸς θελήσῃ.	
за неморальный альтруизм	
4) 1, 17, 8 τὸ ὅσακις ἐβουλήθην ἐπικουρῆσαί τινι πενομένῳ ἢ εἰς ἄλλο τι χρῆζοντι, μηδέποτε ἀκοῦσαί με ὅτι οὐκ ἔστι μοι χρήματα, ὅθεν γένηται, καὶ τὸ αὐτῷ ἐμοὶ χρεῖαν ὁμοίαν, ὡς παρ' ἑτέρου μεταλαβεῖν, μὴ συμπεσεῖν·	Что всякий раз, когда я хотел поддержать бедствующего или нуждающегося в чем-нибудь, никогда я не слышал, что у меня нет средств для этого; и что самому мне не выпадала надобность у другого что-нибудь брать.
5) 3, 11, 3 διὸ δεῖ ἐφ' ἑκάστου λέγειν· τοῦτο μὲν παρὰ θεοῦ ἦκει, τοῦτο δὲ κατὰ τὴν σύλληξιν καὶ τὴν συμηροομένην σύγκλωσιν καὶ τὴν τοιαύτην σύντευξιν τε καὶ τύχην, τοῦτο δὲ παρὰ τοῦ συμφύλου καὶ συγγενοῦς καὶ κοινωνοῦ, ἀγνοοῦντος μέντοι ὅ τι αὐτῷ κατὰ φύσιν ἐστίν. ἀλλ' ἐγὼ οὐκ ἀγνοῶ διὰ τοῦτο· χρῶμαι αὐτῷ κατὰ τὸν τῆς κοινωνίας φυσικὸν νόμον εὖνως καὶ δικαίως, ἅμα μέντοι τοῦ κατ' ἀξίαν ἐν τοῖς μέσοις συστοχάζομαι.	Вот почему всякий раз надо себе говорить: это идет от бога, а это по жребию и вплетено в общую такнь, а это так получается или случай, а это – от единоплеменника, родственника и сотоварища, не ведающего только, что тут ему по природе. А я вот ведаю и потому отнесусь к нему и преданно, и справедливо по естественному закону нашей общности, одновременно в средних (= безразличных) вещах стремясь вместе с ним к тому, что соответствует достоинству.
6) 5, 36 Μὴ ὀλοσχερῶς τῇ φαντασίᾳ συναρπάζεσθαι, ἀλλὰ βοηθεῖν μὲν κατὰ δύναμιν καὶ κατ' ἀξίαν, κἂν εἰς τὰ μέσα ἐλαττώνται, μὴ μέντοι βλάβην αὐτὸ φαντάζεσθαι · κακὸν γὰρ ἔθος.	Не увлекаться безраздельно представлением [чужого страдания], но хоть и помогать по возможности и по заслугам, даже если они ущемляются в средних [= безразличных] вещах, однако не воображать, будто это – вред; ведь это плохая привычка. Don't let the impression of other people's grief carry you away indiscriminately. Help them, yes, as best you can and as the case deserves, even if their grief is for the loss of something indifferent: but do not imagine their loss as any real harm - that is the wrong way of thinking.
7) 6, 45 Ὅσα ἐκάστῳ συμβαίνει, ταῦτα τῷ ὅλῳ συμφέρει· ἦκει τοῦτο. ἀλλ' ἔτι ἐκείνο ὡς ἐπίπαν ὄψει παραφυλάξας, ὅσα ἀνθρώπῳ, καὶ ἑτέροις ἀνθρώποις. κοινότερον δὲ νῦν τὸ συμφέρον ἐπὶ τῶν μέσων λαμβανέσθω.	Все, что случается с каждым, полезно для целого. Этого было бы довольно. Но при внимательном рассмотрении ты по большей части увидишь еще и следующее: все, что [полезно?] человеку, [полезно] и другим людям. Пусть «полезное» будет здесь взято в более распространенном [значении] применительно к средним вещам. All that happens to the individual is to the benefit of the Whole. So far, so clear. But if you look more closely you will also see as a general rule that what benefits one person benefits other people too - though here 'benefit' should be taken in its popular application to things which are in fact indifferent.
8) 9, 11 Εἰ μὴ δύνασαι, μεταδίδασκε· εἰ δὲ μή, μέμνησο ὅτι πρὸς τοῦτο ἢ εὐμένειά σοι δέδοται. καὶ οἱ θεοὶ δὲ εὐμενεῖς τοῖς τοιούτοις εἰσίν, εἰς ἓνια δὲ καὶ συνεργοῦσιν, εἰς ὑγίειαν, εἰς πλοῦτον, εἰς δόξαν· οὕτως εἰσὶ χρηστοί. ἔξεστι δὲ καὶ σοί· ἢ εἰπέ, τίς ὁ κωλύων;	Можешь - переучивай их, не можешь - помни, что на то и дана тебе благожелательность. Боги, те тоже благожелательны к таким, в чем-то там даже помогают - в здоровье, богатстве, славе. Видишь, какие хорошие - и тебе так можно. Или скажи, кто тебе мешает?
9) 9, 27 Ὅταν ἄλλος ψέγῃ σε ἢ μισῇ ἢ τοιαῦτά τινα ἐκφωνῶσιν, ἔρχου ἐπὶ τὰ ψυχάρια αὐτῶν,	Если другой поносит тебя или ненавидит, если они что-то там выкрикивают, подойди к их душам, пройди внутрь и взгляни, каково у них там.

<p>διέλθε ἔσω καὶ ἴδε ποιοὶ τινές εἰσιν. ὄψει ὅτι οὐ δεῖ σε σπᾶσθαι, ἵνα τούτοις τί ποτε περὶ σοῦ δοκῇ. εὐνοεῖν μέντοι αὐτοῖς δεῖ· φύσει γὰρ φίλοι, καὶ οἱ θεοὶ δὲ παντοίως αὐτοῖς βοηθοῦσι, δι' ὀνειρώων, διὰ μαντειῶν, πρὸς ταῦτα μέντοι, πρὸς ἃ ἐκεῖνοι διαφέρονται.</p>	<p>Увидишь, что не стоит напрягаться, чтобы таким думалось о тебе что бы то ни было. Другое дело преданность им - друзья по природе. И боги им помогают всячески - снами, пророчествами; в том, разумеется, к чему те не безразличны.</p>
<p>10) 9, 42, 4 ὁ ἄνθρωπος εὐεργετικὸς πεφυκῶς, <u>ὅποταν τι εὐεργετικὸν ἢ ἄλλως εἰς τὰ μέσα συνεργητικὸν πράξη</u>, πεποιήκε πρὸς ὃ κατεσκεύασται, καὶ ἔχει τὸ ἑαυτοῦ.</p>	<p>...человек, от природы благодетель, когда благодетельствует или в средних вещах содействует, сделав то, ради чего он устроен, свое получает.</p>
<p>НЕВОЗМОЖНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА</p>	
<p>11) 2, 1 Ἔωθεν προλέγειν ἑαυτῷ· συντεύξομαι περιέργῳ, ἀχαρίστῳ, ὑβριστῇ, δολερῷ, βασκάνῳ, ἀκοινωνήτῳ· πάντα ταῦτα συμβέβηκεν ἐκείνοις παρὰ τὴν ἄγνοιαν τῶν ἀγαθῶν καὶ κακῶν. ἐγὼ δὲ τεθεωρηκῶς τὴν φύσιν τοῦ ἀγαθοῦ ὅτι καλόν, καὶ τοῦ κακοῦ ὅτι αἰσχρόν, καὶ τὴν αὐτοῦ τοῦ ἀμαρτάνοντος φύσιν ὅτι μοι συγγενής. οὐχὶ αἵματος ἢ σπέρματος τοῦ αὐτοῦ ἀλλὰ νοῦ καὶ θείας ἀπομοίρας μέτοχος, οὔτε βλαβῆναι ὑπὸ τινος αὐτῶν δύναμαι· αἰσχροῦ γὰρ με οὐδεὶς περιβαλεῖ· οὔτε ὀργίζεσθαι τῷ συγγενεῖ δύναμαι οὔτε ἀπέχεσθαι αὐτῷ. γεγόναμεν γὰρ πρὸς συνεργίαν ὡς πόδες, ὡς χεῖρες, ὡς βλέφαρα, ὡς οἱ στοῖχοι τῶν ἄνω καὶ τῶν κάτω ὀδόντων. τὸ οὖν ἀντιπράσσειν ἀλλήλοις παρὰ φύσιν· ἀντιπρακτικὸν δὲ τὸ ἀγανακτεῖν καὶ ἀποστρέφεσθαι.</p>	<p>С утра говорить себе наперед: встречу с суетным, с неблагодарным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным. <u>Все это произошло с ними по неведению добра и зла. А я усмотрел в природе добра, что оно прекрасно, а в природе зла, что оно постыдно, а еще в природе погрешающего, что он родствен мне</u> - не по крови и семени, а причастностью к разуму и божественному наделу. И что ни от кого из них не могу я потерпеть вреда - ведь в постыдное никто меня не ввергает. а на родственного не могу же я сердиться или держаться в стороне от него, раз мы родились для общего дела, как ноги и руки, как ресницы, как верхний ряд зубов и ряд нижний. Так вот: противодействовать другому противно природе, а негодовать и отвращаться - это противодействие.</p>
<p>12) 5, 34 Δύνασαι αἰεὶ εὐροεῖν, εἴ γε καὶ εὐοδοεῖν, εἴ γε καὶ ὀδῶ ὑπολαμβάνειν καὶ πράσσειν. δύο ταῦτα κοινὰ τῇ τε τοῦ θεοῦ καὶ τῇ τοῦ ἀνθρώπου καὶ παντὸς λογικοῦ ζῶου ψυχῇ· τὸ μὴ ἐμποδίζεσθαι ὑπ' ἄλλου καὶ τὸ ἐν τῇ δικαίῃ διαθέσει καὶ πράξει ἔχειν τὸ ἀγαθὸν καὶ ἐνταῦθα τὴν ὄρεξιν ἀπολήγειν.</p>	<p>В любой час можно обрести благое течение, раз уж можно идти благим путем, раз уж можно путем признавать и действовать. Две вещи общие душе бога, и человека, и всякого разумного существа: не знать помехи от другого, а еще то, чтобы видеть благо в душевном складе и деянии правдолюбца и на этом завершать желание.</p>
<p>13) 8, 56 Τῷ ἐμῷ προαιρετικῷ τὸ τοῦ πλησίον προαιρετικὸν ἐπίσης ἀδιάφορόν ἐστιν, ὡς καὶ τὸ πνευμάτιον αὐτοῦ καὶ τὸ σαρκίδιον. καὶ γὰρ εἰ ὅτι μάλιστα ἀλλήλων ἕνεκεν γεγόναμεν, ὅμως τὰ ἡγεμονικὰ ἡμῶν ἕκαστον τὴν ἰδίαν κυρίαν ἔχει· ἐπεὶ τοι ἔμελλεν ἢ τοῦ πλησίον κακία ἐμοῦ κακὸν εἶναι, ὅπερ οὐκ ἔδοξε τῷ θεῷ, ἵνα μὴ ἐπ' ἄλλῳ ἢ τὸ ἐμὲ ἀτυχεῖν.</p>	<p>Для моей воли воля ближнего столь же безразлична, как тело его и дыхание. Ибо хотя мы явились на свет прежде всего друг ради друга, однако ведущее каждого само за себя в ответе. Иначе порок ближнего был бы злом для меня, а не угодно было богу, чтобы я мог быть несчастлив от кого-либо, кроме себя самого.</p>
<p>14) 9, 42, 2 τί δὲ καὶ βέβλαψαι; εὐρήσεις γὰρ μηδένα τούτων, πρὸς οὓς παροξύνῃ, πεποιηκότα τι τοιοῦτον ἐξ οὗ ἢ διάνοιά σου χείρων ἔμελλε γενήσεσθαι· τὸ δὲ κακὸν σου καὶ τὸ</p>	<p>Да и какой тебе вред? ты же среди тех, против кого ожесточился, ни одного не найдешь, кто бы что-нибудь сделал такое, от чего бы стало хуже твое разумение, а зло и вредное для тебя существует только там.</p>

βλαβερόν ἐνταύθα πᾶσαν τὴν ὑπόστασιν ἔχει.	
моральная польза и вред самому себе	
15) 7, 74 Οὐδείς κάμνει ὠφελούμενος, ὠφέλεια δὲ πράξις κατὰ φύσιν· μὴ οὖν κάμνε ὠφελούμενος, ἐν ᾧ ὠφελεῖς.	Благодетельствуемый не устаёт. Благодеяние есть деяние, согласное с природой. Так не уставай же, благодетельствуя, благодетельствовать себе.
16) 9, 4 Ὁ ἁμαρτάνων ἑαυτῷ ἁμαρτάνει· ὁ ἀδικῶν ἑαυτὸν ἀδικεῖ, ἑαυτὸν κακὸν ποιῶν.	Погрешающий погрешает против себя; несправедливый причиняет несправедливость себе, делая дурным себя самого.
17) 11, 4 Πεποίηκά τι κοινωνικῶς; οὐκοῦν ὠφέλημαι. τοῦτο ἵνα ἀεὶ πρόχειρον ἀπαντᾷ καὶ μηδαμοῦ παύου.	Сделал я что-нибудь для общества - сам же и выгадал. Пусть это будет у тебя под рукой и всякий раз является; и не прекращай никогда.
18) 11, 18, 4 Ἔνατον, ὅτι τὸ εὐμενὲς ἀνίκητον, ἐὰν γνήσιον ἦ καὶ μὴ σεσηρὸς μηδὲ ὑπόκρισις. τί γάρ σοι ποιήσει ὁ ὑβριστικώτατος, ἐὰν διατελῆς εὐμενῆς αὐτῷ καί, εἰ οὕτως ἔτυχε, πράως παραινῆς καὶ μεταδιδάσκης εὐσκολῶν παρ' αὐτὸν ἐκεῖνον τὸν καιρὸν ὅτε κακοποιεῖν σε ἐπιχειρεῖ. “μή, τέκνον· πρὸς ἄλλο πεφύκαμεν· ἐγὼ μὲν οὐ μὴ βλαβῶ, σὺ δὲ βλάπτῃ, τέκνον.”	Девятое: что благожелательность непобедима, когда неподдельна, когда без улыбки и лицедейства. Ну что самый злостный тебе сделает, если будешь неизменно благожелателен к нему, и раз уж так случилось, станешь тихо увещать и переучивать его мягко в то самое время, когда он собирается сделать тебе зло: Нет, милый, не на то мы родились; мне-то вреда не будет, а тебе, милый, вред.

D.

<p>1) Cumberland, V, 5, 508 Upon this head, <u>the Stoicks are to be reprehended, who affirm'd, “nothing to be Good, but Virtue: nothing Evil, but Vice.”</u> 19 For, whilst they endeavour to establish the transcendent Goodness of Virtue, and the egregious Evil of Vice, they, incautiously, intirely take away the only reason, why Virtue is Good, and Vice, Evil. For Virtue is therefore Good, (and in truth it is the greatest Good,) because it determines Human Actions to such effects, as are principal parts of the Publick Natural Good;</p> <p>and, consequently, tends to improve in all Men the Natural perfections, both of Mind and Body, and to promote, as much as possible, the Honour of God, by imitating the Divine Beneficence. Further, seeing one part of Universal Justice (which is Virtue it-self conspicuous among Men) consists in Innocence, that is, in restraining Murder, Theft,&c. it is manifest, “That they can give no reason of the Law prohibiting such Injuries, unless they acknowledge, that such actions, as the robbing an Innocent person of his Life or Goods, (by which Life is preserv'd,) are Evil, or hurtful to one or more, antecedently to all Laws, and, consequently, without respect to Virtue, which consists in paying obedience to Law.”</p>	<p>В этом отношении <u>заслуживают порицания стоики, которые утверждали, что нет никакого блага, помимо добродетели, никакого зла, помимо порока.</u> Ибо, пытаясь обосновать исключительную благость добродетели и вопиющее зло порока, они по необдуманности полностью устраняют единственное основание, в силу которого добродетель есть благо, а порок – зло. Ибо добродетель есть благо потому (и она поистине есть величайшее благо), что она определяет человеческие действия к таким результатам, которые суть главные части общественного естественного блага; и, следовательно, тяготеет к тому, чтобы улучшать во всех людях естественные совершенства как ума, так и тела, и поддерживать, насколько только возможно, славу Божию, подражая божественной благоделательности. Далее, с учетом того, что одна из частей всеобщей справедливости (которая есть сама добродетель, наблюдаемая среди людей) состоит в невинности, то есть в обуздании убийства, воровства и т.п., очевидно, что они не могут как-либо обосновать закон, запрещающий такие несправедливости, если только они не признают, что такие действия, которые похищают у невинного человека его жизнь или блага (посредством которых сохраняется жизнь), суть зло, или что они вредны одному или</p>
---	--

	_____ еще до существования всех законов и, следовательно, безотносительно к добродетели, которая состоит в подчинении закону
--	--

III.

A.

1) Archil. Fr. 128, 6-7 ἀλλὰ χαρτοῖσιν τε χαῖρε καὶ κακοῖσιν ἀσχάλα μὴ λίην, γίνωσκε δ' οἷος ρυσμὸς ἀνθρώπους ἔχει.	В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй. Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.
2) Theogn., 591-594 Τολμᾶν χρῆ, τὰ διδοῦσι θεοὶ θνητοῖσι βροτοῖσιν, _____οηδίως δὲ φέρειν ἀμφοτέρων τὸ λάχος, μῆτε κακοῖσιν ἀσῶντα λίην φρένα, μῆτ' ἀγαθοῖσιν τερφθῆις ἐξαπίνης, πρὶν τέλος ἄκρον ἰδεῖν.	<u>Ровно следует принимать, что дают смертным боги.</u> <u>И легко любую сносить долю.</u> Ни бедами не отравляйся слишком, ни радостью вдруг Не упиваясь, пока не виден предел последний.
3) Theogn., 657-658 Μηδὲν ἄγαν χαλεποῖσιν ἀσῶ φρένα μηδ' ἀγαθοῖσιν χαῖρ', ἐπεὶ ἔστ' ἀνδρὸς πάντα φέρειν ἀγαθοῦ.	Слишком не растревляй душу бедой и удаче Не радуйся – <u>муж добрый</u>, кто сносит все
4) Plat. Menex. 247c-248a Πατέρας δὲ ἡμῶν, οἷς εἰσὶ, καὶ μητέρας αἰεὶ χρῆ παρα- μυθεῖσθαι ὡς ρᾶστα φέρειν τὴν συμφορὰν, ἔαν ἄρα συμβῆ γενέσθαι, καὶ μὴ συνοδύρεσθαι— οὐ γὰρ τοῦ λυπήσοντος προσδεήσονται ἰκανῆ γὰρ ἔσται καὶ ἡ γενομένη τύχη τοῦτο πορίζειν— ἀλλ' ἰωμένους καὶ πραῦνοντας ἀναμιμνήσκειν αὐτοὺς ὅτι ὦν ἤρχοντο τὰ μέγιστα αὐτοῖς οἱ θεοὶ ἐπήκοοι γεγονάσιν. οὐ γὰρ ἀθανάτους σφίσι παῖδας ἤρχοντο γενέσθαι ἀλλ' ἀγαθοὺς καὶ εὐκλειεῖς, ὧν ἔτυχον, μεγίστων ἀγαθῶν ὄντων· πάντα δὲ οὐ ράδιον θνητῶ ἀνδρὶ κατὰ νοῦν ἐν τῷ ἑαυτοῦ βίῳ ἐκβαίνειν... πάλαι γὰρ δὴ τὸ Μηδὲν ἄγαν λεγόμενον καλῶς δοκεῖ λέγεσθαι· τῷ γὰρ ὄντι εὐ λέγεται. <u>ὅτω γὰρ ἀνδρὶ εἰς ἑαυτὸν ἀνήρηται πάντα τὰ πρὸς εὐδαιμονίαν φέροντα ἢ ἐγγὺς τούτου, καὶ μὴ ἐν ἄλλοις ἀνθρώποις αἰωρεῖται ἐξ ὧν ἢ εὐ ἢ κακῶς πραξάντων πλανᾶσθαι ἠνάγκασται καὶ τὰ ἐκείνου, τούτῳ ἄριστα παρεσκεύασται ζῆν, οὗτός ἐστιν ὁ σώφρων καὶ οὗτος ὁ ἀνδρεῖος καὶ φρόνιμος· οὗτος γιγνομένων χρημάτων καὶ παίδων καὶ διαφθειρομένων μάλιστα πείσεται τῆ παροιμία· οὔτε γὰρ χαίρων οὔτε λυπούμενος ἄγαν φανήσεται διὰ τὸ αὐτῷ πεποικθῆναι.</u>	Что касается наших отцов – у кого они еще есть – и наших матерей, то надо постоянно их убеждать как можно легче перенести несчастье , если оно надвинется, и не причитать вместе с ними, ибо <u>не надо ничего добавлять к их печали (она и так будет у них достаточно велика из-за выпавшей на их долю судьбы)</u> , а, наоборот, следует ее исцелять и смягчать, напоминая им, что боги благосклонно вняли их мольбе и даровали самое великое ее исполнение. Ведь молили они богов не о том, чтобы дети их стали бессмертными, но о том, чтобы они были доблестными и славными, и они обрели эти блага – величайшие из всех. (<u>А чтобы у смертного мужа все в его жизни получалось согласно его желанию – это нелегкая вещь</u>)... Древняя пословица “ <u>ничего сверх меры</u> ” представляется прекрасной, ведь это в самом деле очень хорошо сказано. <u>Муж, у которого всё приносящее счастье зависит полностью или почти полностью от него самого и который не перекладывает это на плечи других, удача или неудача коих делает неустойчивой и его собственную судьбу, тем самым уготавливает себе наилучший удел и оказывается мудрым, разумным и мужественным. Когда на его долю выпадают имущество или дети или когда он то и другое теряет, эта пословица в высшей степени обретает для него вес: он не радуется чрезмерно и не печалится слишком, ибо полагается на себя самого.</u>
5) Plat. Leg. 732cd διὸ δὴ γελῶτων τε εἰργεσθαι χρῆ τῶν ἐξαισίων καὶ δακρῶν, παραγγέλλειν δὲ παντὶ πάντ' ἀνδρα, καὶ ὅλην περιχάρειαν	Так вот, следует удерживаться от излишнего смеха и слез, надо советовать друг другу скрывать любую чрезмерную радость и страдание и стараться сохранять благообразие. К

<p>πάσαν ἀποκρυπτόμενον καὶ περιωδυνίαν εὐσχημονεῖν πειραῖσθαι, κατὰ τε εὐπραγίας ἰσταμένου τοῦ δαίμονος ἑκάστου, καὶ κατὰ τύχας οἶον πρὸς ὑψηλὰ καὶ ἀνάντη δαιμόνων ἀνθισταμένων τισὶν πράξειςιν, <u>ἐλπίζειν δ' αἰεὶ τοῖς γε ἀγαθοῖσι τὸν θεὸν ἂν δωρεῖται πόνων μὲν ἐπιπιπτόντων ἀντὶ μείζονων ἐλάττους ποιήσειν τῶν τ' αὖ νῦν παρόντων ἐπὶ τὸ βέλτιον μεταβολάς, περὶ δὲ τὰ ἀγαθὰ τὰ ἐναντία τούτων αἰεὶ πάντ' αὐτοῖς παραγενήσεσθαι μετ' ἀγαθῆς τύχης.</u></p>	<p>нашему благополучию приставлен даймон; некоторым поворотам в нашей судьбе даймоны противостоят как чему-то чрезмерно высокому. <u>Хорошие люди всегда должны надеяться, что бог уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит к лучшему теперешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные блага, противоположные прежним бедам.</u></p>
<p>6) Plat. Leg. 792c-793a ΑΘ. Οὐ μικροῦ πέρι νῦν εἶναι νῶν τὸν λόγον. ὄρα δὲ καὶ σύ, συνεπικρινέ τε ἡμᾶς, ὦ Μέγилле. <u>ὁ μὲν γὰρ ἐμὸς δὴ λόγος οὐθ' ἡδονὰς φησὶ δεῖν διώκειν τὸν ὀρθὸν βίον οὐτ' αὖ τὸ παράπαν φεύγειν τὰς λύπας, ἀλλ' αὐτὸ ἀσπάζεσθαι τὸ μέσον, ὃ νυνδὴ προσεῖπον ὡς ἴλεων ὀνομάσας, ἦν δὴ διάθεσιν καὶ θεοῦ κατὰ τινα μαντείας φήμην εὐστόχως πάντες προσαγορεύομεν. ταύτην τὴν ἕξι διώκειν φημί δεῖν ἡμῶν καὶ τὸν μέλλοντα ἔσεσθαι θεῖου, μήτ' οὖν αὐτὸν προπετῆ πρὸς τὰς ἡδονὰς γιγνόμενον ὄλωσ, ὡς οὐδ' ἐκτὸς λυπῶν ἐσόμενον, μήτε ἄλλον, γέροντα ἢ νέον, ἐὰν πάσχειν ταῦτ' οὐθ' ἡμῖν, ἄρρενα ἢ θῆλυν, ἀπάντων δὲ ἡκιστα εἰς δύναμιν τὸν ἀρτίως νεογενῆ· κυριώτατον γὰρ οὖν ἐμφύεται πᾶσι τότε τὸ πᾶν ἦθος διὰ ἔθος. ἔτι δ' ἔγωγ', εἰ μὴ μέλλοιμι δόξειν παιζειν, φαίην ἂν δεῖν καὶ τὰς φερούσας ἐν γαστρὶ πασῶν τῶν γυναικῶν μάλιστα θεραπεύειν ἐκεῖνον τὸν ἐνιαυτὸν, ὅπως μήτε ἡδοναῖς τισὶ πολλαῖς ἅμα καὶ μάργοις προσχρήσεται ἢ κύουσα μήτε αὖ λύπαις, τὸ δὲ ἴλεων καὶ εὐμενὲς πρᾶόν τε τιμῶσα διαζῆσει τὸν τότε χρόνον.</u> ΚΛ. Οὐδὲν δεῖ σε, ὦ ξένε, Μέγιλλον ἀνερωτᾶν πότερος ἡμῶν ὀρθότερον εἶρηκεν· ἐγὼ γὰρ αὐτὸς σοὶ συγχωρῶ τὸν λύπης τε καὶ ἡδονῆς ἀκράτου βίον φεύγειν δεῖν πάντα, μέσον δὲ τινα τέμνειν αἰεὶ. καλῶς τοίνυν εἶρηκάς τε καὶ ἀκήκοας ἅμα.</p>	<p>Афинянин. У нас идет сейчас речь о предмете немаловажном. И ты, Мегилл, рассуди нас. <u>Согласно моему утверждению, в правильной жизни и не надо стремиться к наслаждениям, и в свою очередь не следует совсем избегать страданий.</u> Надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обозначив это как радостное; такое расположение духа все мы, согласно некоему священному откровению, метко приписываем и богу. Я утверждаю, что тот из нас, кто намерен стать божественным человеком, должен стремиться к подобному состоянию, так, чтобы ни самому не стремиться к одним только удовольствиям (ибо не миновать ему и страданий), ни всем нам остальным – старикам и юношам, мужчинам и женщинам – не позволять стремиться к тому же, а всего меньше по мере сил новорожденному ребенку. Ведь главные черты характера каждого человека складываются в силу привычки именно в этом возрасте. И я, если бы не показалось только, что я намерен шутить, сказал бы, что все беременные женщины также должны во время беременности особенно заботиться о том, чтобы не испытывать многочисленных неистовых наслаждений, а равно и страданий; желательно, чтобы этот промежуток времени они прожили в радостном, безмятежном и кротком настроении.</p> <p>Клиний. Тебе, чужеземец, вовсе не надо спрашивать Мегилла, кто из нас обоих более прав. Я сам уступаю тебе: да, в жизни все должны избегать неумеренных страданий и удовольствий и всегда придерживаться середины. Ты это прекрасно сказал, и я с тобой согласен.</p>
<p>7) Epic. Fr. 489 Usener = Porph. Ad Marcellam, 30-31 καὶ τὰ παρὰ τῆς τύχης μικρότερα διδάσκει νομίζειν, καὶ εὐτυχοῦντας μὲν γινώσκειν ἀτυχεῖν, δυστυχοῦντας δὲ μὴ παρὰ μέγα τίθεσθαι τὸ εὐτυχεῖν· καὶ δέχεσθαι μὲν ἀθορύβως τὰ παρὰ τῆς τύχης ἀγαθὰ, παρατετάχθαι δὲ πρὸς τὰ παρ' αὐτῆς δοκοῦντα εἶναι κακά· ὡς ἐφήμερον μὲν πᾶν τὸ τῶν πολλῶν ἀγαθὸν ἐστί, σοφία δὲ καὶ ἐπιστήμη οὐδαμῶς τύχης κοινωνεῖ.</p>	<p>И даруемое случаем [природа] учит считать менее важным: удачливых [она учит] познавать неудачи, а неудачливых не слишком высоко ценить удачу; и как спокойно принимать блага, даруемые случаем, так и подготовиться к исходящему от нее кажущемуся злу; сколь мимолетно все, что есть благо для большинства, мудрость и знание никоим образом не причастны случаю.</p>
<p>8) Plat. Leg. 726a-727c</p>	

<p>ΑΘ. Ακούοι δὴ πᾶς ὅσπερ νυνδὴ τὰ περὶ θεῶν τε ἤκουε καὶ τῶν φίλων προπατόρων· <u>πάντων γὰρ τῶν αὐτοῦ κτημάτων μετὰ θεοὺς ψυχὴ θειότατον, οἰκειότατον ὄν...</u> τιμᾶ δ' ὡς ἔπος εἰπεῖν ἡμῶν οὐδεὶς ὀρθῶς, δοκεῖ δέ... ὁ δ' ἡγούμενος ἢ τισι λόγοις ἢ δώροις αὐτὴν αὖξιν ἢ τισιν ὑπέξεισιν, μηδὲν βελτίω δὲ ἐκ χειρόνος αὐτὴν ἀπεργαζόμενος, τιμᾶν μὲν δοκεῖ, δρᾶ δὲ τοῦτο οὐδαμῶς... <u>οὐδ' ὀπότεν ἡδοναῖς παρὰ λόγον τὸν τοῦ νομοθέτου καὶ ἔπαινον χαρίζεται, τότε οὐδαμῶς τιμᾶ, ἀτιμάζει δὲ κακῶν καὶ μεταμελείας ἐμπιπλὰς αὐτήν. οὐδέ γε ὀπότεν αὐτὰν ἀναντία τοὺς ἐπαινουμένους πόνους καὶ φόβους καὶ ἀλγηδόνας καὶ λύπας μὴ διαπονῆ καρτερῶν ἀλλὰ ὑπέικη, τότε οὐ τιμᾶ ὑπέικων·</u></p>	<p>Да внемлет всякий, кто ныне внимал сказанному о богах и любезных нам прародителях! <u>Из всех достойный человека вслед за богами душа – самое божественное, ибо она ему всего ближе...</u> А между тем <u>никто из нас, можно сказать, не почитает душу по-настоящему, но только по видимости...</u> Кто думает возвеличить душу какими-либо речами, дарами, уступками, <u>но ничуть не старается сделать ее из худшей лучшею, тот почитает ее лишь по видимости, но не на самом деле...</u> Так же и в том случае человек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя злом и раскаянием, <u>когда он предается удовольствиям вопреки наказу и одобрению законодателя. И если, наоборот, он не выдержит до конца одобряемых законодателем трудов, страхов, болей и скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он тоже не окажет почета своей душе. Ибо, поступая подобным образом, он ее только бесчестит.</u></p>
<p>9) Plat. Leg. 782d-783a ΑΘ. Ὅρω πάντα τοῖς ἀνθρώποις ἐκ τριττῆς <u>χρείας καὶ ἐπιθυμίας ἠρτημένα, δι' ὧν ἀρετὴ τε αὐτοῖς ἀγομένοισι ὀρθῶς καὶ τοῦναντίον ἀποβαίνει κακῶς ἀχθεῖσιν. ταῦτα δ' ἐστὶν ἐδωδὴ μὲν καὶ πόσις εὐθύς γενομένοις, ἦν πέρι ἅπασαν πᾶν ζῶον ἐμφυτον ἔρωτα ἔχον, μεστὸν οἴστρου τέ ἐστιν καὶ ἀνηκουστίας τοῦ λέγοντος ἄλλο τι δεῖν πράττειν πλὴν τὰς ἡδονὰς καὶ ἐπιθυμίας τὰς περὶ ἅπαντα ταῦτα ἀποπληροῦντα, λύπης τῆς ἀπάσης ἀεὶ δεῖν σφᾶς ἀπαλλάττειν·</u> τρίτη δ' ἡμῖν καὶ μεγίστη χρεία καὶ ἔρωσ ὀξύτατος ὑστάτος μν ὀρμᾶται, διαπυρωτάτους δ' τοὺς ἀνθρώπους μανίαις ἀπεργάζεται πάντως, <u>ὁ περὶ τὴν τοῦ γένους σποράν ὑβρεῖ πλείστη καόμενος. ἃ δὴ δεῖ τρία νοσημάτων, τρέποντα εἰς τὸ βέλτιστον παρὰ τὸ λεγόμενον ἡδιστον, τρισὶ μν τοῖς μεγίστοις πειροᾶσθαι κατέχειν, φόβω καὶ νόμῳ καὶ τῷ ἀληθεῖ λόγῳ, προσχρωμένους μέντοι Μούσαις τε καὶ ἀγωνίοισι θεοῖς, σβεννύντων τὴν αὖξιν τε καὶ ἐπιρροήν.</u></p>	<p>Афинянин. <u>Я вижу, что у людей все зависит от тройной нужды и вождления.</u> Когда все это идет правильно, рождается добродетель, когда же неправильно – происходит противоположное. <u>Прежде всего это вождление к еде и питью,</u> возникающее с самого дня рождения; всякое живое существо яростно стремится к еде и питью и уже не слушает, если кто советует ему поступать иначе, а <u>не только и делать, что удовлетворять этого рода вождления и наслаждаться, постоянно устраняя всякого рода страдание.</u> Третья же величайшая наша нужда и самое яростное стремление овладевает нами позднее; оно воспламеняет людей неистовством и сжигает их на огне всевозможных бесчинств. <u>Это – стремление к продолжению рода.</u> Три эти болезни надо <u>направить к высшему благу, отвратив их от так называемого высшего наслаждения.</u> Надо попытаться сдержать их с помощью трех могущественнейших средств: <u>страха, закона и правдивого слова,</u> пользуясь при этом также музами и богами – покровителями состязаний, дабы погасить рост и наплыв этих страстей.</p>
<p>10) Plat. Leg. 875a-c ...φύσις ἀνθρώπων οὐδενὸς ἰκανὴ φύεται ὥστε γνῶναί τε τὰ συμφέροντα ἀνθρώποις εἰς πολιτείαν καὶ γνοῦσα, <u>τὸ βέλτιστον ἀεὶ δύνασθαι τε καὶ ἐθέλειν πράττειν...</u> ἀλλ' ἐπὶ <u>πλεονεξίαν καὶ ἰδιοπραγίαν ἢ θνητὴ φύσις αὐτὸν ὀρμήσει ἀεὶ, φεύγουσα μὲν ἀλόγως τὴν λύπην, διώκουσα δὲ τὴν ἡδονήν, τοῦ δὲ δικαιοτέρου τε καὶ ἀμείνονος ἐπίπροσθεν ἄμφω τούτῳ προστήσεται, καὶ σκότος ἀπεργαζομένη ἐν αὐτῇ πάντων κακῶν ἐμπλήσει πρὸς τὸ τέλος αὐτὴν τε καὶ τὴν πόλιν ὅλην</u></p>	<p>...природные свойства человека далеко не достаточны, чтобы распознать все полезное для человеческого общежития или, даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять <u>высшее благо</u> и стремиться к нему... Нет, его смертная природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам. <u>Безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что более справедливо и лучше. Себя самое она ввергнет в мрак и в конце концов преисполнит всяческим злом и себя, и все государство в целом.</u></p>
<p>11) Sen. Epist. 123, 13-14 Quanto satius est rectum sequi limitem et</p>	<p>Насколько лучше идти прямым путем и</p>

<p>eo se perducere <u>ut ea demum sint tibi iucunda quae honesta!</u> Quod adsequi poterimus si scierimus duo esse genera rerum quae nos aut invitent aut fugent. Invitant [ut] divitiae, voluptates, forma, ambitio, cetera blanda et adridentia: fugat labor, mors, dolor, ignominia, victus adstrictior. <u>Debemus itaque exerceri ne haec timeamus, ne illa cupiamus. In contrarium pugnemus et ab invitantibus recedamus, adversus potentia concitemur.</u></p> <p>Non vides quam diversus sit descendentium habitus et escendentium? qui per pronum eunt resupinant corpora, qui in arduum, incumbunt. Nam si descendas, pondus suum in priorem partem dare, si escendas, retro abducere, cum vitio, Lucili, consentire est. In voluptates descenditur, in aspera et dura subeundum est: hic inpellamus corpora, illic refrenemus.</p>	<p>прийти к тому, чтобы только честное и было тебе приятно. Мы и сможем достичь этого, если будем знать, что есть два рода вещей: одни нас привлекают, другие отпугивают. Привлекают богатства, наслаждения, красота, почести, всё вкрадчивое и улыбочное; отпугивает труд, смерть, боль, поношение, скудная пища. <u>Нам нужно упражняться, чтобы не бояться второго и не желать первого. Будем же сопротивляться и тому и другому: от заманчивого отступить, на враждебное нападать.</u> (14) Разве ты не видишь, что под гору и в гору идут по-разному? Кто идет под уклон, откидывается назад, кто взбирается на кручу, тот нагибается вперед. А переносить свой вес вперед на спуске и назад при подъеме — это, мой Луцилий, все равно, что потворствовать порокам. <u>Путь к наслаждениям ведет вниз, к трудностям и тяготам приходится взбираться: так будем тут помогать своему телу, а там его сдерживать.</u></p>
<p>12) Epict. Diss. 3.10.13-14 <u>τί ἐστι καλῶς πυρέσσειν; μὴ θεὸν μέμψασθαι, μὴ ἄνθρωπον, μὴ θλιβῆναι ὑπὸ τῶν γινομένων, εὖ καὶ καλῶς προσδέχεσθαι τὸν θάνατον, ποιεῖν τὰ προστασσομένα· ὅταν ὁ ἰατρός εισέρχεται, μὴ φοβεῖσθαι, τί εἴπη, μὴδ' ἂν εἴπη 'κομφῶς ἔχεις', ὑπερχαίρειν· τί γάρ σοι ἀγαθὸν ἔπεν; ὅτε γὰρ ὑγίαινες, τί σοι ἦν ἀγαθόν; μὴδ' ἂν εἴπη 'κακῶς ἔχεις', ἀθυμείν· τί γάρ ἐστι τὸ κακῶς ἔχειν; ἐγγίξειν τῷ διαλυθῆναι τὴν ψυχὴν ἀπὸ τοῦ σώματος. τί οὖν δεινόν ἐστιν; ἔαν νῦν μὴ ἐγγίσης, ὕστερον οὐκ ἐγγιεῖς; ἀλλὰ ὁ κόσμος μέλλει ἀνατρέπεσθαι σοῦ ἀποθανόντος;</u></p>	<p>Что значит правильно переносить лихорадку? <u>Не жаловаться на бога, не жаловаться на человека, не удручаться происходящим, разумно и правильно относиться к смерти, выполнять предписания.</u> Когда приходит врач, не бояться, что он скажет. <u>И если он скажет: «Прекрасно у тебя», не радоваться чрезмерно. В самом деле, какое благо он сказал тебе? Ведь когда ты был здоров, какое для тебя благо заключалось в этом? И если он скажет: «Плохо у тебя», не поникать духом. В самом деле, что значит быть в плохом состоянии? Приближаться к отделению души от тела. Так что же в этом ужасного? Если ты не приблизишься к этому сейчас, разве не приблизишься позднее? А то мир перевернется, если ты умрешь?</u></p>

B.

<p>1) Epict. Diss. 2.10.4-6 (cp. 2, 6, 9-10 – Хрисипп) <u>τίς οὖν ἐπαγγελία πολίτου; μὴδὲν ἔχειν ἰδίᾳ συμφέρον, περὶ μηδενὸς βουλευέσθαι ὡς ἀπόλυτον, ἀλλ' ὥσπερ ἄν, εἰ ἡ χεὶρ ἢ ὁ πούς λογισμὸν εἶχον καὶ παρηκολούθουν τῇ φυσικῇ κατασκευῇ, οὐδέποτ' ἂν ἄλλως ὠρμησαν ἢ ὠρέχθησαν ἢ ἐπανενεγκόντες ἐπὶ τὸ ὄλον.</u> <u>διὰ τοῦτο καλῶς λέγουσιν οἱ φιλόσοφοι ὅτι εἰ προήδει ὁ καλὸς καὶ ἀγαθὸς τὰ ἐσόμενα, συνήρξει ἂν καὶ τῷ νοσεῖν καὶ τῷ ἀποθνήσκειν καὶ τῷ πηροῦσθαι, αἰσθανόμενός γε, ὅτι ἀπὸ τῆς τῶν ὄλων διατάξεως τοῦτο ἀπονέμεται, κυριώτερον δὲ τὸ ὄλον τοῦ μέρους καὶ ἡ πόλις τοῦ πολίτου. νῦν δ' ὅτι οὐ προγιγνώσκομεν, καθήκει τῶν πρὸς ἐκλογὴν εὐφυεστέρων ἔχεσθαι, ὅτι καὶ πρὸς τοῦτο γεγόναμεν.</u></p>	<p>Каково же назначение гражданина? <u>Ничего не считать частно полезным, ничего не обдумывать как обособленному,</u> но – подобно тому как если бы рука или нога обладали рассудком и понимали природное устройство, они бы никогда не влеклись или стремились иначе, чем соотносаясь с целым.</p> <p>Поэтому прекрасно говорят философы, что, <u>если бы добродетельный человек предвидел будущее, он содействовал бы и тому, чтобы ему болеть, и тому, чтобы ему умирать, и тому, чтобы ему изувечиваться,</u> поскольку сознавал бы, что <u>этот удел назначается в силу распорядка вселенной, а целое главнее части и город главнее гражданина.</u> Ну а раз мы не предвидим, то надлежит придерживаться более естественного для выбора, потому что рождены мы и для этого.</p>
<p>2) Epict. Diss. 4.1.89-90 <u>ἐγὼ δ' οὐπόποτ' οὔτε θέλων ἐκωλύθην οὔτ' ἠναγκάσθην μὴ θέλων καὶ πῶς τοῦτο δυνατόν;</u></p>	<p><u>А я никогда ни помех не испытывал, когда хотел чего-то, ни принуждений не испытывал, когда не хотел чего-то. И как это возможно? Я вверил свое влечение богу. Он хочет, чтобы у меня была</u></p>

<p><u>προσκατατέταχά μου τὴν ὁρμὴν τῷ θεῷ. θέλει μ' ἐκεῖνος πυρέσειν· καὶ γὰρ θέλω. θέλει ὁρμᾶν ἐπὶ τι· καὶ γὰρ θέλω. θέλει ὀρέγεσθαι· καὶ γὰρ θέλω. θέλει με τυχεῖν τινος· καὶ γὰρ βούλομαι. οὐ θέλει· οὐ βούλομαι. ἀποθανεῖν οὖν θέλω· στρεβλωθῆναι οὖν θέλω. τίς ἔτι με κωλύσαι δύναται παρὰ τὸ ἐμοὶ φαινόμενον ἢ ἀναγκάσαι; οὐ μᾶλλον ἢ τὸν Δία.</u></p>	<p>лихорадка, – и я хочу. Он хочет, чтобы я влекся к тому-то, – и я хочу. Он хочет, чтобы я стремился к тому-то, – и я хочу. <u>Он хочет, чтобы я достиг того-то, – и я желаю. Он не хочет, – я не желаю. Значит, умереть – я хочу. Значит, подвергнуться пыткам – я хочу.</u> Кто еще может помешать мне вопреки моему представлению или принудить меня? Не более, чем Зевсу.</p>
<p>3) Epict. Diss. 3, 20, 12 τοῦτ' ἔστι τὸ τοῦ Ἑρμοῦ <u>ραβδίον</u>· 'οὐ θέλεις', φησὶν, 'ἄψαι καὶ χρυσοῦν ἔσται'. οὐ· <u>ἀλλ' ὁ θέλεις φέρε καὶ γὰρ</u> <u>αὐτὸ ἀγαθὸν ποιήσω. φέρε νόσον, φέρε θάνατον, φέρε ἀπορίαν, φέρε λοιδορίαν, δίκην τὴν περὶ τῶν ἐσχάτων· πάντα ταῦτα τῷ ραβδίῳ τοῦ Ἑρμοῦ ὠφέλιμα ἔσται.</u></p>	<p>Вот это и есть палочка Гермеса. «Чего хочешь, – говорит, – коснись, и станет золотым». Нет, <u>что хочешь подавай, и я сделаю по благом.</u> <u>Подавай болезнь, подавай смерть, подавай нужду, подавай поношение, суд, грозящий высшим наказанием, – все это с помощью палочки Гермеса станет полезным.</u></p>
<p>4) Plat. Resp. 612e-613a Τῷ δὲ θεοφιλεῖ οὐχ ὁμολογήσομεν, ὅσα γε ἀπὸ θεῶν γίνονται, πάντα γίνεσθαι ὡς οἶόν τε <u>ἄριστα, εἰ μὴ τι ἀναγκαῖον αὐτῷ κακὸν ἐκ προτέρας ἀμαρτίας ὑπῆρχεν;</u> Πάνυ μὲν οὖν. Οὕτως ἄρα ὑποληπτέον περὶ τοῦ δικαίου ἀνδρός, ἐάντ' ἐν πενία γίγνηται ἐάντ' ἐν νόσοις ἢ τινι ἄλλῳ τῶν <u>δοκούντων κακῶν</u>, ὡς τούτῳ ταῦτα εἰς ἀγαθόν τι τελευτήσει ζῶντι ἢ καὶ ἀποθανόντι. οὐ γὰρ δὴ ὑπὸ γε θεῶν ποτε ἀμελεῖται ὅς ἂν προθυμῆσθαι ἐθέλη δίκαιος γίνεσθαι καὶ ἐπιτηδεύων ἀρετὴν εἰς ὅσον δυνατόν ἀνθρώπῳ ὁμοιοῦσθαι θεῷ.</p>	<p>– Разве не признаем мы, что для того, кто <u>угоден богам, все, что исходит от них, будет величайшим благом, если только не положено им какого-нибудь неизбежного зла вследствие допущенного проступка?</u> – Конечно, признаем. – Стало быть, то же самое надо признать и для <u>справедливого человека, все равно, достигнет ли его нищета, болезни или что иное из кажущихся зол: все это в конце концов будет ему во благо при жизни или после смерти.</u> Ведь боги никогда не оставят Своего попечения о человеке, который стремится быть справедливым и, упражняясь в добродетели, уподобляется богу, насколько это возможно для человека.</p>
<p>5) Bas. Caes. Hom. IX, PG 31, 341 Ταῦτα δὴ οὖν εἰδὼς παρὰ Θεοῦ, καὶ διηρημένα ἔχων παρὰ σεαυτῷ τοῦ κακοῦ τὰ εἶδη, καὶ εἰδὼς τί μὲν τὸ ὄντως κακὸν, ὅτι ἡ ἀμαρτία, ἧς τὸ τέλος ἀπώλεια, τί δὲ τὸ <u>δοκοῦν μὲν κακὸν διὰ τὸ τῆς αἰσθήσεως ἀλγεινὸν, ἀγαθοῦ δὲ δύναμιν ἔχον, ὡς</u> αἱ κακώσεις αἱ πρὸς ἐποχὴν τῆς ἀμαρτίας ἐπαγόμεναι, ὧν οἱ καρποὶ σωτηρία ψυχῶν αἰώνιος, παῦσαι δυσαρεστούμενος ταῖς θεαῖς οικονομίαις...</p>	<p>Итак, наученный сему Богом, получив понятие о <u>раздельных видах зла, зная, что такое – зло действительное, именно, грех, которого конец – гибель, и что такое зло мнимое, зло по болезненности для ощущения, но имеющее силу добра,</u> как, например, злострадания, насылаемые к обузданию греха, которых плоды – вечное спасение душ, - перестань огорчаться распоряжениями Божия домостроительства...</p>
<p>6) Joan. Damasc. Exp. Fid. 92 Ἀλλὰ μὴν καὶ ὅτε φησὶ τὸν θεὸν κτίζειν κακὰ καὶ μὴ εἶναι «ἐν πόλει κακίαν, ἣν ὁ κύριος οὐκ ἐποίησεν», οὐ κακῶν αἴτιον τὸν θεὸν δείκνυσιν, ἀλλ', ἐπειδὴ <u>δισέμφατον τὸ τῆς κακίας ὄνομα, δύο σημαῖνον· ποτὲ μὲν γὰρ τὸ τῆ φύσει κακὸν δηλοῖ, ὅπερ ἐναντίον ἐστὶ τῆ ἀρετῆ καὶ τῆ τοῦ θεοῦ θελήσει, ποτὲ δὲ τὸ πρὸς τὴν ἡμετέραν αἴσθησιν κακὸν καὶ ἐπίπονον ἡγρουν τὰς θλίψεις καὶ ἐπαγωγὰς. Αὗται δὲ τῷ μὲν δοκεῖν κακαὶ εἰσὶν ἀλγεῖναι τυγχάνουσαι, τῇ δὲ ἀληθείᾳ ἀγαθαί· ἐπιστροφῆς γὰρ καὶ σωτηρίας γίνονται τοῖς</u></p>	<p>...и когда оно [Писание] говорит, что Бог зиждет злая (Ис. 45:7) и что не бывает зла во граде, еже Господь не сотвори (Ам. 3:6), оно не показывает Бога причиной зла; но [говорит так], потому что <u>имя зла имеет два значения и обозначает две вещи: ибо иногда оно обозначает зло по природе, которое враждебно добродетели и воле Божией; а иногда то, что есть зло и тягостно для нашего чувства, то есть бедствия и напасти. А они, будучи болезненными, злы по видимости, а в действительности – хороши, потому что для понимающих они становятся причиной обращения и спасения;</u> именно о них Писание говорит, что они происходят через Бога.</p>

<p>συνιοῦσι πρόξενοι· ταύτας διὰ θεοῦ γίνεσθαι φησιν ἡ γραφή.</p>	
<p>7) Joan. Damasc. Contra Man. 15</p> <p>Χρῆ γὰρ εἰδέναι, ὡς διτῶς λέγεται τὸ τε ἀγαθὸν καὶ τὸ κακόν. ἀγαθὸν γὰρ κυρίως λέγεται τὸ ἐκ τοῦ φύσει ἀγαθοῦ θεοῦ δεδωρημένον. Ὡσπερ πᾶν φῶς ἐξ ἡλίου ἤτοι πυρὸς φωτίζεται, οὕτω πᾶν ἀγαθὸν ἐκ τοῦ ἀορίστου καὶ ἀκαταλήπτου πελάγους τῆς ἀγαθότητος τὴν ὑπαρξιν ἔχει καί, ὅσα παρὰ θεοῦ, ἀγαθὰ κυρίως καὶ ἀληθῶς. Λέγεται δὲ ἀγαθὸν οὐ κυρίως, ἀλλὰ καταχρηστικῶς καὶ καθ' ἡμετέραν συνήθειαν τὸ τῆ αἰσθήσει ἡμῶν καὶ τῆ ἐφέσει φαινόμενον ἡδύ, ὃ πρὸς καιρὸν μν τέρπει, ὕστερον δ πικρὸν καρπὸν ἀποδίδωσι, παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος γινόμενον καὶ δοκοῦν <u>ἀγαθὸν εἶναι, ὅπερ οὐκ ἔστιν ἀγαθόν, ἀλλὰ κυρίως κακόν.</u></p> <p>Καὶ τὸ κακὸν ὁμοίως. κυρίως μν κακὸν ἔστι καὶ λέγεται τὸ παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος γινόμενον. Λέγεται κακὸν οὐ κυρίως, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἡμετέραν συνήθειαν τὸ καθ' ἡμετέραν αἰσθησιν ἐπίπονον καὶ ἀλγεινόν, ὅπερ πρὸς μὲν τὸ παρὸν ὀδύνας, ὕστερον δὲ καρπὸν σωτηρίας καὶ ἀεννάου εὐφροσύνης ἀναδίδωσιν.</p>	<p>Ибо следует знать, что и благо, и зло понимается двояко, потому что собственно благом называется дарованное от благого по природе Бога. Как всякий свет освещается от солнца или огня, так и всякое благо имеет существование от безграничной и непостижимой пучины благодати, и все, что от Бога, благо поистине и в собственном смысле. Но благом не собственно, а в переносном смысле и по нашему обыкновению называется то, что представляется приятным нашему чувству и желанию, что до поры услаждает, потом же приносит горькие плоды, происходящее против закона Создателя и <u>кажущееся благом, которое не есть благо, но собственно зло.</u></p> <p>И зло подобным же образом - ибо собственно злом называется происходящее против закона Создателя. Не собственно же, но по нашему обыкновению именуется злом <u>тягостное и болезненное для наших чувств, то, что теперь приносит мучения, а потом - плод спасения и вечной радости.</u></p>

С. – осмысление устройства объективного миропорядка и открываемых им возможностей

<p>1) Sen. Epist. 91, 4-5</p> <p>Ideo nihil nobis inprovisum esse debet; in omnia praemittendus animus cogitandumque non quidquid solet sed quidquid potest fieri. Quid enim est quod non fortuna, cum voluit, ex florentissimo detrahat? quod non eo magis adgrediatur et quatiat quo speciosius fulget? Quid illi arduum quidve difficile est? Non una via semper, ne trita quidem incurrit: modo nostras in nos manus advocat, modo suis contenta viribus invenit pericula sine auctore. <u>Nullum tempus exceptum est: in ipsis voluptatibus causae doloris oriuntur.</u> Bellum in media pace consurgit et auxilia securitatis in metum transeunt: ex amico <fit> inimicus, hostis ex socio. In subitas tempestates hibernisque maiores agitur aestiva tranquillitas. Sine hoste patimur hostilia, et cladis causas, si alia deficiunt, nimia sibi felicitas invenit. Invadit temperantissimos morbus, validissimos pthisis, innocentissimos poena, secretissimos tumultus; eligit aliquid novi casus per quod velut oblitis vires suas ingerat.</p>	<p>Поэтому ничто не должно заставить нас врасплох. Нужно посылать душу навстречу всему и думать не о том, что случается обычно, <u>а о том, что может случиться.</u> Есть ли что-нибудь, чего фортуна при желании не сгубила бы в самом расцвете? на что бы не напала и не ударила тем грознее, чем ярче оно блистало? Есть ли трудное и недоступное для нее? (5) Она налетает не всегда одним путем, не всегда проходит его до конца; иногда она поражает нас нашими же руками, иногда, довольствуясь собственными силами, находит опасности без виновника. <u>Безопасного времени нет. В разгаре наслаждений зарождаются причины боли;</u> в мирную пору начинается война и оплоты безопасности делаются источниками страха; друг становится недругом, союзник — врагом. Летнее затишье разражается внезапной бурей хуже зимней; мы терпим все, что терпят от врагов, хотя их у нас нет, и если не имеется других причин для поражения, их находит в самом себе чрезмерное счастье. Самых воздержных настигает болезнь, самых здоровых — чахотка, самых невинных — кара, самых нелюбимых — смута. Иногда случай избирает нечто новое, чтобы настигнуть своею силой позабывших о нем.</p>
<p>2) Sen. Epist. 91, 7-8</p>	<p>Все непрочно — и частное, и общественное;</p>

<p>Nihil privatim, nihil publice stabile est; tam hominum quam urbium fata voluntur. Inter placidissima terror existit nihilque extratumultuantibus causis mala unde minime expectabantur erumpunt. Quae domesticis bellis steterant regna, quae externis, inpellente nullo ruunt: quota quaeque felicitatem civitas pertulit! Cogitanda ergo sunt omnia et animus adversus ea quae possunt evenire firmandus. Exilia, tormenta [morbi], bella, naufragia meditare. Potest te patriae, potest patriam tibi casus eripere, potest te in solitudines abigere, potest hoc ipsum in quo turba suffocatur fieri solitudo. Tota ante oculos sortis humanae condicio ponatur, nec quantum frequenter evenit sed quantum plurimum potest evenire praesumamus animo, si nolumus opprimi nec illis inusitatis velut novis obstupescere; in plenum cogitanda fortuna est.</p>	<p>судьба городов, как судьба людей, вертится колесом. Среди полного спокойствия встает ужас; нигде нет причин для смятения — а беды налетают, откуда мы их меньше всего ждем. Царства, устоявшие и в междоусобных, и во внешних войнах, рушатся без всякого толчка. Много ли государств благополучно пережили счастье?</p> <p>Значит, нужно думать обо всем и укреплять дух против всего, что может случиться. (8) Держи в мыслях ссылку, пытки, войны, болезни, кораблекрушения. Случай может отнять у тебя родину и тебя — у родины, может бросить тебя в пустыню, может сделать пустыней место, где сейчас задыхаются в толпе. Пусть перед глазами у тебя будет все, что входит в человеческий удел. Будем предвосхищать в душе не то, что происходит часто, а самое худшее, что может произойти, если только мы не хотим пасть духом, поражаясь необычному как небывалому. Нужно иметь в виду все, что под силу фортуне.</p>
<p>невозможность изменить миропорядок, необходимость адаптироваться к нему</p>	
<p>3) Epict. Diss. 1.27.7-14</p> <p>Ὅταν θάνατος φαίνεται κακόν, πρόχειρον ἔχειν ὅτι τὰ κακὰ ἐκκλίνειν καθήκει καὶ ἀναγκαῖον ὁ θάνατος. τί γὰρ ποιήσω; ποῦ γὰρ αὐτὸν φύγω;... καὶ ποῦ φύγω τὸν θάνατον; μηνύσατέ μοι τὴν χώραν, μηνύσατέ ἀνθρώπους, εἰς οὓς ἀπέλθω, εἰς οὓς οὐ παραβάλλει, μηνύσατέ ἐπαοιδίην· εἰ μὴ ἔχω, τί με θέλετε ποιεῖν; οὐ δύναμαι τὸν θάνατον ἀποφυγεῖν· τὸ φοβεῖσθαι αὐτὸν μὴ ἀποφύγω, ἀλλ' ἀποθάνω πενθῶν καὶ τρέμων;</p> <p>αὕτη γὰρ γένεσις πάθους θέλειν τι καὶ μὴ γίνεσθαι. ἔνθεν ἂν <u>μὲν δύναμαι τὰ ἐκτὸς μετατιθεῖν πρὸς τὴν βούλησιν τὴν ἐμαυτοῦ, μετατίθημι·</u> εἰ δὲ μὴ, τὸν ἐμποδίζοντα ἐκτυφλῶσαι θέλω. πέφυκε γὰρ ὁ ἄνθρωπος μὴ ὑπομένειν ἀφαιρεῖσθαι τοῦ ἀγαθοῦ, μὴ ὑπομένειν περιπίπτειν τῷ κακῷ. εἶτα τὸ τελευταῖον, <u>ὅταν μήτε <τὰ> πράγματα μεταθῆναι δυνήθῃ</u> μήτε τὸν ἐμποδίζοντα ἐκτυφλῶσαι, κάθημαι καὶ στένω καὶ ὄν δύναμαι λοιδορῶ, τὸν Δία καὶ τοὺς θεοὺς τοὺς ἄλλους· εἰ γὰρ μὴ ἐπιστρέφονται μοι, τί ἐμοὶ καὶ αὐτοῖς; 'ναί· ἀλλ' ἀσεβῆς ἔση'. τί οὖν μοι χεῖρον ἔσται, ὧν ἔστι μοι νῦν; τὸ σύνολον ἐκείνου μεμνησθαι, ὅτι, ἐὰν μὴ ἐν τῷ αὐτῷ ἢ τὸ εὐσεβὲς καὶ συμφέρον, οὐ δύναται σωθῆναι τὸ εὐσεβὲς ἐν τινι. ταῦτα οὐ δοκεῖ ἐπείγοντα;</p>	<p>Когда смерть представляется злом, нужно руководствоваться тем, что избежать надлежит злу, а смерть – неизбежная необходимость. Что же мне делать? Куда же мне от нее убежать?... И куда мне убежать от смерти? Укажите мне такое место, укажите народ, куда мне уйти, куда она не приближается, укажите заклинание против нее. Если мне некуда, что мне, по-вашему, делать? Избежать смерти я не могу. Разве страха перед ней я не избегаю, а умру сокрушаясь и трепеща?</p> <p>Ведь источник страсти вот в чем: хочу чего-то – и не получается. Отсюда, <u>если я могу изменять в угоду своему желанию то, что относится к внешнему миру, я изменяю, а если не могу, я хочу ослепить препятствующего.</u> Ведь природа человека такова, что он не выносит, когда лишается блага, не выносит, когда его постигает зло. И вот в конце концов, <u>когда я ни положения вещей изменить не могу, ни ослепить препятствующего, я сижу и стенаю и поношу кого могу – Зевса и всех остальных богов.</u> Ведь если они не обращают внимания на меня, какое мне дело до них? «Да, но ты окажешься нечестивцем». – «Так чем же мне будет хуже, чем теперь?» В общем нужно помнить о том, что, если благочестие и польза не совмещены, благочестие не может сохраниться ни в ком. Разве это не кажется действительно необходимым?</p>
<p>4) Epict. Diss. 2.14.7-8</p> <p>καὶ ἐνταῦθα τὸ μὲν ἔργον τοῦ φιλοσοφοῦντος τοιοῦτόν τι φανταζόμεθα, ὅτι <u>δεῖ τὴν αὐτοῦ βούλησιν συναρμόσαι τοῖς γινομένοις,</u> ὡς μήτε τι τῶν γινομένων ἀκόντων ἡμῶν γίνεσθαι μήτε τῶν μὴ γινομένων θελόντων</p>	<p>И здесь, <u>дело занимающегося философией</u> мы представляем себе в общем состоящим в том, что следует привести свою волю в лад со всем происходящим, так чтобы и все происходящее происходило не вопреки нашей воле, и все не</p>

<p>ἡμῶν μὴ γίνεσθαι. ἔξ οὗ περίεστι τοῖς συστησαμένοις αὐτὸ ἐν ὀρέξει μὴ ἀποτυγχάνειν, ἐν ἐκκλίσει δὲ μὴ περιπίπτειν, ἀλύπως, ἀφόβως, ἀταράχως διεξάγειν καθ' αὐτὸν μετὰ τῶν κοινωνῶν τηροῦντα τὰς σχέσεις τὰς τε φυσικὰς καὶ ἐπιθέτους, τὸν υἱόν, τὸν πατέρα, τὸν ἀδελφόν, τὸν πολίτην, τὸν ἄνδρα, τὴν γυναῖκα, τὸν γείτονα, τὸν σύνοδον, τὸν ἄρχοντα, τὸν ἀρχόμενον.</p>	<p>происходящее не происходило не вопреки нашему желанию. Вследствие этого твердо усвоившие его в стремлении не терпят неуспеха, в избегании не терпят неудачи, без печали, без страха, без смятения <u>проводят жизнь</u>, сообразно с собой соблюдая отношения с обществом, природные и приобретенные, в качестве сына, отца, брата, гражданина, мужа, жены, соседа, спутника, облеченного властью, подвластного.</p>
<p>5) Sen. Epist. 107, 3-7 Mori vult? praeparetur animus contra omnia; sciat se venisse ubi tonat fulmen; sciat se venisse ubi Luctus et ultrices posuere cubilia Curae pallentesque habitant Morbi tristisque Senectus. In hoc contubernio vita degenda est. Effugere ista non potes, contemnere potes; contemnes autem si saepe cogitaveris et futura praesumpseris. Nemo non fortius ad id cui se diu composuerat accessit et duris quoque, si praemeditata erant, obstitit: at contra inparatus etiam levissima expavit. <u>Id agendum est ne quid nobis inopinatum sit; et quia omnia novitate graviora sunt, hoc cogitatio adsidua praestabit, ut nulli sis malo tiro.</u> 'Servi me reliquerunt.' Alium compilaverunt, alium accusaverunt, alium occiderunt, alium prodiderunt, alium mulcaverunt, alium veneno, alium criminatione petierunt: quidquid dixeris multis accidit Deinceps quae multa et varia sunt in nos deriguntur. Quaedam in nos fixa sunt, quaedam vibrant et cum maxime veniunt, quaedam in alios perventura nos stringunt. <u>Nihil miremur eorum ad quae nati sumus, quae ideo nulli querenda quia paria sunt omnibus.</u> Ita dico, paria sunt; <u>nam etiam quod effugit aliquis pati potuit.</u> Aequum autem ius est non quo omnes usi sunt sed quod omnibus <u>latum est.</u> Imperetur aequitas animo et sine querella mortalitatis tributa pendamus. Hiems frigora adducit: algendum est. Aestas calores refert: aestuandum est. Intemperies caeli valetudinem temptat: aegrotandum est. Et fera nobis aliquo loco occurret et homo perniciosior feris omnibus. Aliud aqua, aliud ignis eripiet. Hanc rerum condicionem mutare non possumus: illud possumus, magnum sumere animum et viro bono dignum, quo fortiter fortuita patiamur et naturae consentiamus</p>	<p>Он желает смерти? Пусть приготовит душу ко всему, пусть знает, что явился в такое место, где гремит гром, где</p> <p>Скорбь ютится и с ней грызущие сердце заботы, Бледные ликом живут болезни, унылая старость. С ними и приходится проводить жизнь под одной кровлей. Бежать от них ты не можешь, презирать можешь. А презришь ты их, если часто сумеешь предвосхитить мыслью будущее.(4) Всякий смелее подступится к тому, к чему долго приучал себя, и будет стоек в тяготах, если думал о них заранее. А неподготовленный, напротив, испугается пустяков. <u>Вот и надо добиваться, чтобы для нас не было неожиданностей; а так как все кажется тяжелее из-за новизны, то благодаря непрерывному размышлению ты ни в какой беде не будешь новичком.</u> — (5) «Рабы покинули меня!» — А другого они ограбили, обвинили, предали, затоптали, старались погубить ядом или доносом. То, о чем ты говоришь, случалось со многими. Немало стрел, и самых разных, направлено в нас; одни уже вонзились, другие метко посланы и попадут непременно, третьи, хотя попадут в других, заденут и нас. (6) <u>Так не будем дивиться тому, на что мы обречены от рожденья, на что никому нельзя сетовать, так как оно для всех одинаково.</u> Да, так я и говорю, — одинаково: ведь даже избежавший беды <u>мог и не уйти от нее; равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены.</u> Прикажем душе быть спокойной и без жалоб заплатим налог, причитающийся со смертных. (7) Зима приносит стужу — приходится мерзнуть; лето возвращает тепло — приходится страдать от жары; неустойчивость погоды грозит здоровью — приходится хворать. Где-нибудь встретится нам зверь, где-нибудь — человек, опасней любого зверя. Одно отнимет вода, другое — огонь. Изменить такой порядок вещей мы не в силах, — зато в силах обрести величье духа, достойное мужа добра, и стойко переносить все превратности случая, не споря с природой.</p>
<p>6) Marc. Aur. 4, 1 Τὸ ἔνδον κυριεῦον, ὅταν κατὰ φύσιν ἔχη, οὕτως ἔστηκε πρὸς τὰ συμβαίνοντα, ὥστε ἀεὶ πρὸς τὸ δυνατόν καὶ διδόμενον μετατίθεσθαι οὐδὲν...</p>	<p>Главенствующее внутри, когда оно в сообразии с природой, поворачивается к происходящему так, что ему всегда легко перестроиться на то, что возможно и дается ему...</p>

7) Epict. Diss. 2.17.21-22 (о Медее, убивающей детей)	Это сбилась с пути душа, обладающая мощной
---	--

<p>τοῦτ' ἔστιν ἔκπτωσις ψυχῆς μεγάλη νεῦρα ἐχούσης. οὐ γὰρ ἤδει, ποῦ κεῖται τὸ ποιεῖν ἂ θέλομεν, ὅτι τοῦτο οὐκ ἔξωθεν δεῖ λαμβάνειν οὐδὲ τὰ πράγματα μετατιθέντα καὶ μεθαρμοζόμενον. μὴ θέλε τὸν ἄνδρα, καὶ οὐδὲν ὧν θέλεις οὐ γίνεται. μὴ θέλε αὐτὸν ἐξ ἅπαντός σοι συνοικεῖν, μὴ θέλε μένειν ἐν Κορίνθῳ καὶ ἀπλῶς μηδὲν ἄλλο θέλε ἢ ἂ ὁ θεὸς θέλει. καὶ τίς σε καλύσει, τίς ἀναγκάσει; οὐ μᾶλλον ἢ τὸν Δία.</p>	<p>силой. Она ведь не знала, где находится это «делать то, что мы хотим», что это не извне следует брать и не положение вещей изменяя применительно к себе. Не желай мужа, и ничто из того, что ты желаешь, не не получается. Не желай, чтобы он во что бы то ни стало жил с тобой, не желай оставаться в Коринфе, словом, не желай ничего иного, кроме того, что бог желает. Кто тогда помешает тебе, кто принудит тебя? Не более, чем Зевса.</p>
<p>8) Epict. Diss. 3.10.18 δύο γὰρ ταῦτα πρόχειρα ἔχειν δεῖ· ὅτι ἔξω τῆς προαιρέσεως οὐδὲν ἔστιν οὔτε ἀγαθὸν οὔτε κακὸν καὶ ὅτι οὐ δεῖ προηγεῖσθαι τῶν πραγμάτων, ἀλλ' ἐπακολουθεῖν.</p>	<p>Ведь следует руководствоваться двумя этими мнениями: что вне свободы воли ничто не есть ни благо, ни зло и что не направлять нужно положение вещей, а следовать ему.</p>
<p>9) Sen. Epist. 93, 2 Utum, obsecro te, aequius iudicas, te naturae an tibi parere naturam? quid autem interest quam cito exneas unde utique exeundum est? Non ut diu vivamus curandum est, sed ut satis; nam ut diu vivas fato opus est, ut satis, animo.</p>	<p>Молю тебя, рассуди по справедливости: ты ли должен подчиняться природе, или природа тебе? Какая разница, скоро или нескоро уйдешь ты оттуда., откуда все равно придется уйти? Заботиться нужно не о том, чтобы жить долго, а о том, чтобы прожить довольно.</p>
<p>сознание необходимости</p>	
<p>10) Sen. Epist. 61, 2-3 Нoc animo tibi hanc epistulam scribo, tamquam me cum maxime scribentem mors evocatura sit; paratus exire sum, et ideo fruar vita quia quam diu futurum hoc sit non nimis pendeo. Ante senectutem curavi ut bene viverem, in senectute ut bene moriar; bene autem mori est libenter mori. Da operam ne quid umquam invitatus facias: quidquid necesse futurum est repugnanti, id volenti necessitas non est. Ita dico: qui imperia libens excipit partem acerbissimam servitutis effugit, facere quod nolit; non qui iussus aliquid facit miser est, sed qui invitatus facit. Itaque sic animum componamus ut quidquid res exiget, id velimus, et in primis ut finem nostri sine tristitia cogitemus.</p>	<p>И это письмо я пишу тебе с таким настроением, будто смерть в любой миг может оторвать меня от писания. Я готов уйти и потому радуюсь жизни, что не слишком беспокоюсь, долго ли еще проживу. Пока не пришла старость, я заботился о том, чтобы хорошо жить, в старости — чтобы хорошо умереть; а хорошо умереть — значит, умереть с охотой. Старайся ничего не делать против воли! (3) Все предстоящее предстоит по необходимости тому, кто сопротивляется; в ком есть охота, для того необходимости нет. Я утверждаю: кто добровольно исполняет повеленье, тот избавлен от горчайшего в рабской доле: делать, чего не хочется. Несчастен не тот, кто делает по приказу, а тот, кто делает против воли. Научим же нашу душу хотеть того, чего требуют обстоятельства; и прежде всего будем без печали думать о своей кончине.</p>
<p>11) Sen. Epist. 54, 7 Нoc tibi de me recipe: non trepidabo ad extrema, iam praeparatus sum, nihil cogito de die toto. Illum tu lauda et imitare quem non piget mori, cum iuvet vivere: quae est enim virtus, cum eiciaris, exire? Tamen est et hic virtus: eicior quidem, sed tamquam exeam. Et ideo numquam eicitur sapiens quia eici est inde expelli unde invitatus recedas: nihil invitus facit sapiens; necessitatem effugit, quia vult quod coactura est.</p>	<p>Обещаю тебе одно: в последний час я не задрожу — ведь я к нему готов и даже не помышляю о целом дне. Воздавай хвалы и подражай тому, кому не тяжело умереть, хоть жизнь его и приятна. А велика ли доблесть уйти, когда тебя выбрасывают за дверь? Впрочем, и тут есть доблесть: если ты будешь выброшен так, будто сам уходишь. Поэтому мудрого выбросить за дверь невозможно: ведь выбросить — значит, прогнать оттуда, откуда уходишь против воли. А мудрый ничего не делает против воли и уходит из-под власти необходимости, добровольно исполняя то, к чему она принуждает. Будь здоров.</p>

Результат – экзистенциальное согласие: довольствоваться тем, что есть; не желать того, чего нет = не желать невозможного

<p>12) Epict. Diss. 1.1.27 Θρασέας εἰώθει λέγειν Ἑήμερον ἀναίρεθῆναι</p>	<p>Трасея говаривал: «По мне лучше казнь сегодня, чем</p>
---	---

<p>θέλω μᾶλλον ἢ αὐριον φυγαδευθῆναι. τί οὖν αὐτῷ Ροῦφος εἶπεν; 'Εἰ μὲν ὡς βαρύτερον ἐκλέγῃ, τίς ἢ μωρία τῆς ἐκλογῆς; εἰ δ' ὡς κουφότερον, τίς σοι δέδωκεν; οὐ θέλεις μελετᾶν ἀρκεῖσθαι τῷ δεδομένῳ;</p>	<p>изгнание завтра». Что же ему сказал Руф? «Если ты выбираешь это как более тяжелое, что за глупый выбор? А если как более легкое, кто тебе дал выбирать? <u>Не хочешь ли ты приучать себя довольствоваться тем, что дано?</u>»</p>
<p>13) Epict. Diss. 1.12.21 ἔδει δὲ μόνον μένοντα ἡσυχίαν καλεῖν αὐτὸ καὶ ἐλευθερίαν καὶ ὅμοιον τοῖς θεοῖς ἡγεῖσθαι αὐτόν, μετὰ πολλῶν δ' ὄντα μὴ ὄχλον καλεῖν μηδὲ θόρυβον μηδ' ἀηδίαν, ἀλλ' ἑορτὴν καὶ πανήγυριν καὶ οὕτως πάντα εὐαρέστως δέχεσθαι.</p>	<p>Тогда как следовало бы, оставаясь одному, называть это спокойствием и свободой и считать себя подобным богам, а находясь среди множества людей, называть это не сутолокой, суматохой и неприятностью, а праздником и всеобщим празднеством, и вот так все принимать с удовольствием.</p>
<p>14) Epict. Diss. 2.7.11-14 οὕτως ἔδει καὶ ἐπὶ τὸν θεὸν ἔρχεσθαι ὡς ὀδηγόν, ὡς τοῖς ὀφθαλμοῖς χρώμεθα, οὐ παρακαλοῦντες αὐτοὺς ἵνα τὰ τοιαῦτα μᾶλλον ἡμῖν δεικνύωσιν, ἀλλ' οἷα ἐνδείκνυνται τούτων τὰς φαντασίας δεχόμενοι. νῦν δὲ τρέμοντες τὸ ὀρνιθάριον κρατοῦμεν καὶ τὸν θεὸν ἐπικαλοῦμενοι δεόμεθα αὐτοῦ· 'κύριε, ἐλέησον· ἐπίτρεψόν μοι ἐξελεθεῖν'. ἀνδράποδον, ἄλλο γάρ τι θέλεις ἢ τὸ ἄμεινον; ἄλλο οὖν τι ἄμεινον ἢ τὸ τῷ θεῷ δοκοῦν; τί τὸ ὅσον ἐπὶ σοὶ διαφθείρει<ς> τὸν κριτὴν, παράγεις τὸν σύμβουλον;</p>	<p>Вот так следовало бы и к богу обращаться как к путеводителю, <u>как мы пользуемся глазами, не прося их, чтобы лучше они показывали нам такое-то, но какое показывается, об этом принимая представления.</u> А в действительности мы в трепете цепляемся за птицегадателя и, как к богу взывая, просим его: «Господин, сжался. Сделай так, чтобы у меня вышло». <u>Рабское ты существо, разве ты хочешь чего-нибудь иного, кроме лучшего? Так разве что-нибудь иное лучше, чем угодное богу?</u> Зачем ты, насколько зависит от тебя, губишь истолкователя, с пути сбиваешь советника?</p>
<p>15) Epict. Diss. 4.7.19-20 Τίνα οὖν ἔτι φοβηθῆναι δύναμαι; τοὺς ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος; μὴ τί ποιήσωσιν; ἀποκλείσωσί με; ἂν με εὗρωσι θέλοντα εἰσελθεῖν, ἀποκλεισάτωσαν. – Τί οὖν ἔρχῃ ἐπὶ θύρας; – Ὅτι καθήκειν ἐμαυτῷ δοκῶ μενούσης τῆς παιδιᾶς συμπαίξειν. – Πῶς οὖν οὐκ ἀποκλείῃ; – Ὅτι ἂν μὴ τίς με δέχῃται, οὐ θέλω εἰσελθεῖν, ἀλλ' <u>ἀεὶ μᾶλλον ἐκείνο θέλω τὸ γινόμενον. κρεῖττον γὰρ ἡγοῦμαι ὁ ὁ θεὸς θέλει ἢ ὁ ἐγώ. προσκείσομαι διάκονος καὶ ἀκόλουθος ἐκείνω, συνορμῶ, <συν>ορέγομαι, ἀπλῶς συνθέλω.</u></p>	<p>Так кого же еще могу я страшиться? Спальников? что они сделают что-то? что не впустят меня? Если они найдут, что я хочу войти, пусть не впускают. – Так что же ты приходишь к порогу? – Потому что мне надлежит, по-моему, пока игра продолжается, принимать участие в игре. – Так как же не бывает, что тебя не впускают? – Потому что, если меня не принимают, я не хочу входить, но всегда предпочитаю то, что получается. Ведь я считаю, <u>что то, чего бог хочет, лучше, чем то, чего хочу я. Я буду преданным ему служителем и сопровождающим. У меня единые с ним влечения, единые с ним стремления, словом, единые с ним желания.</u></p>
<p>16) Epict. Diss. 4.10.14-17 Ἄν μετὰ τούτων με ὁ θάνατος καταλάβῃ, ἀρκεῖ μοι ἂν δύναμαι πρὸς τὸν θεὸν ἀνατεῖναι τὰς χειρᾶς, εἰπεῖν ὅτι 'ἄς ἔλαβον ἀφορμὰς παρὰ σοῦ πρὸς τὸ αἰσθέσθαι σου τῆς διοικήσεως καὶ ἀκολουθῆσαι αὐτῇ, τούτων οὐκ ἡμέλησα· οὐ κατήσχυνά σε τὸ ἐμὸν μέρος. ἰδοῦ, πῶς κέχρημαι ταῖς αἰσθήσεσιν, ἰδοῦ, πῶς ταῖς προλήψεσιν. <u>μὴ ποτέ σε ἐμεμψάμην, μὴ τι τῶν γινομένων τινὶ δυσηρέστησα ἢ ἄλλως γενέσθαι ἠθέλησα, μὴ τι τὰς σχέσεις παρέβην[αι]; ὁ με σὺ ἐγέννησας, χάριν ἔχω, ὧν ἔδωκας· ἐφ' ὅσον ἐχρησάμην τοῖς σοῖς, ἀρκεῖ μοι. πάλιν αὐτὰ ἀπόλαβε καὶ κατάταξον εἰς ἣν θέλεις χώραν. σὰ γὰρ ἦν πάντα, σὺ μοι αὐτὰ</u></p>	<p>Если смерть застанет меня за этим, то мне достаточно, если я смогу, воздев руки к богу, сказать: «Теми возможностями, которые я получил от тебя для осознания твоего управления и следования ему, я не пренебрег. Лично я не осрамил тебя. Посмотри, как я пользовался чувствами, посмотри, как общими понятиями. <u>Жаловался ли я когда-нибудь на тебя, был ли недоволен чем бы то ни было происшедшим или хотел, чтобы произошло иначе,</u> нарушал ли отношения? Я благодарен тебе за то, что ты породил меня, за все то, что ты дал мне.</p>

<p>δέδωκας'.</p> <p>17) Sen. Epist. 71, 26 <u>Quid est in tormentis, quid est in aliis quae adversa appellamus mali?</u> hoc, ut opinor, succidere mentem et incurvari et subcumbere. Quorum nihil sapienti viro potest evenire: stat rectus sub quolibet pondere. Nulla illum res minorem facit; nihil illi eorum quae ferenda sunt displicet. Nam quidquid cadere in hominem potest in se cecidisse non queritur.</p>	<p><u>Много ли зла в пытках, во всем, что мы называем бедствиями?</u> На мой взгляд, только одно: они подрезают наш дух, сгибают его, придавливают; но с мужем мудрым этого быть не может. Он ни под какой тяжестью не согнется, ничто не сделает его ниже, и все, что приходится сносить, будет ему по праву. Ибо он не жалуется, когда на его долю выпадает что-нибудь из того, что может выпасть человеку.</p>
<p>18) Sen. Epist. 74, 12 <u>Quaeris quare virtus nullo egeat? Praesentibus gaudet, non concupiscit absentia;</u> nihil non illi magnum est quod satis. Ab hoc discede iudicio: non pietas constabit, non fides; <u>multa enim utramque praestare cupienti patienda sunt ex iis quae mala vocantur, multa inpendenda ex iis quibus indulgemus tamquam bonis.</u></p>	<p><u>Ты спросишь, почему добродетель ни в чем не нуждается?</u> — Она довольствуется тем, что есть, не жаждет того, чего нет; если есть, сколько нужно, ей не бывает мало. Откажись от этого суждения — и не останется ни благочестия, ни верности. <u>Ведь желаящему быть и верным, и благочестивым придется вытерпеть многое из того, что принято называть злом, и пожертвовать многим из того, чему мы привержены как благу.</u></p>
<p>19) Marc. Aug. 5, 8 <u>Ὅποιόν τί ἐστι τὸ λεγόμενον, ὅτι· συνέταξεν ὁ Ἀσκληπιὸς τούτῳ ἰππασίαν ἢ ψυχρολουσίαν ἢ ἀνυποδησίαν, τοιοῦτόν ἐστι καὶ τὸ· συνέταξε τούτῳ ἢ τῶν ὅλων φύσις νόσον ἢ πῆρωσιν ἢ ἀποβολὴν ἢ ἄλλο τι τῶν τοιούτων...</u> νοοῦσι δὲ ὁ λέγω καὶ οἱ τέλεον ἰδιῶται· φασι γάρ· “τοῦτο ἔφερον αὐτῷ”. οὐκοῦν τοῦτο τούτῳ ἐφέρετο καὶ τοῦτο τούτῳ συνετάττετο· δεχόμεθα οὖν αὐτὰ ὡς ἐκεῖνα <ᾶ> ὁ Ἀσκληπιὸς συντάττει. <u>πολλὰ γοῦν καὶ ἐν ἐκείνοις ἐστὶ τραχέα, ἀλλὰ ἀσπαζόμεθα τῇ ἐλπίδι τῆς ὑγείας.</u> τοιοῦτόν τί σοι δοκείτω ἄνυσις καὶ συντέλεια τῶν τῇ κοινῇ φύσει δοκούντων, οἷον ἢ σὴ ὑγεία, καὶ οὕτως <u>ἀσπάζου πᾶν τὸ γινόμενον, κἂν ἀπηνέστερον δοκῇ.</u> διὰ τὸ ἐκεῖσε ἄγειν, ἐπὶ τὴν τοῦ κόσμου ὑγίαν καὶ τὴν τοῦ Διὸς εὐοδίαν καὶ εὐπραγίαν. οὐ γὰρ ἂν τοῦτο τι ἐφερον, εἰ μὴ τῷ ὅλῳ συνέφερον· οὐδὲ γὰρ ἢ τυχοῦσα φύσις φέρει τι, ὃ μὴ τῷ διοικουμένῳ ὑπ' αὐτῆς κατάλληλόν ἐστιν. οὐκοῦν κατὰ δύο λόγους στέργειν <u>χρὴ τὸ συμβαῖνόν σοι·</u> καθ' ἓνα μὲν, ὅτι σοὶ ἐγίνετο καὶ σοὶ συνετάττετο καὶ πρὸς σέ πως εἶχεν, ἄνωθεν ἐκ τῶν πρεσβυτάτων αἰτίων συγκλωθόμενον· καθ' ἕτερον δέ, ὅτι τῷ τὸ ὅλον διοικοῦντι τῆς εὐοδίας καὶ τῆς συντελείας καὶ νῆ Δία τῆς συμμονῆς αὐτῆς καὶ τὸ ἰδίᾳ εἰς ἕκαστον ἦκον αἰτιὸν ἐστὶ. πηροῦται γὰρ τὸ ὀλόκληρον, ἐὰν καὶ ὀτιοῦν διακόψης τῆς συναφείας καὶ συνεχείας ὡσπερ τῶν μορίων, οὕτω δὴ καὶ τῶν αἰτίων· <u>διακόπτεις δέ, ὅσον ἐπὶ σοί, ὅταν δυσαρεστής, καὶ τρόπον τινὰ ἀναίρεις.</u></p>	<p><u>Как говорят, что назначил Асклепий такому-то конные прогулки, холодные умывания или ходить босым, точно так скажем: назначила природа целого такому-то болезнь, увечье, утрату или еще что-нибудь такое...</u> То, о чем я говорю, знают и простые обыватели. Говорят же они: вот что принесла ему судьба. А это ему принесла, значит это ему назначено. Примем же это, как то, что назначено Асклепием. <u>Ведь и там немало бывает горького, а мы принимаем — в надежде на здоровье.</u> Так пусть достижение и свершение того, что замыслила о тебе общая природа, мыслится тобой, словно это — твоё здоровье. <u>Вот и приемли все, что происходит, хотя бы оно и казалось несколько отталкивающим, раз уж оно ведет туда, к мировому здоровью, к благому Зевесову пути и благоденствию.</u> Не принесла бы вот это природа, если бы оно целому пользы не принесло. Возьми природу чего бы то ни было — ничего она не приносит такого, что не соответствует тому, чем она управляет. Итак, есть два основания, почему <u>должно принимать с нежностью все, что с тобой случается.</u> Во-первых: с тобой случилось, тебе назначено и находилось в некотором отношении к тебе то, что увязано наверху со старшими из причин. Во-вторых: что относится к каждому в отдельности, также является причиной благоденствия, свершения и, Зевсом клянусь, самого существования того, что управляет целым. Ибо становится увечной целокупность, если хоть где-нибудь порвано сочленение и соединение, в частях ли или в причинах. <u>А ведь когда ропщешь, ты, сколько умеешь, рвешь их и некоторым образом даже уничтожаешь.</u></p>
<p>20) Marc. Aug. 6, 39 <u>Οἷς συγκεκλήρωσαι πράγμασι, τούτοις συνάρμοξε σεαυτόν, καὶ οἷς συνείληξας</u></p>	<p><u>Какие уж привелись обстоятельства, к тем и прилаживайся, и какие выпали люди, тех люби, да искренно!</u></p>

<p>ἄνθρωποις, τούτους φίλει, ἀλλ' ἀληθινῶς.</p>	
<p>21) Marc. Aug. 7, 54 Πανταχοῦ καὶ διηλεκῶς ἐπὶ σοὶ ἐστὶ καὶ τῇ παρούσῃ συμβάσει θεοσεβῶς εὐαρεστεῖν καὶ τοῖς παροῦσιν ἀνθρώποις κατὰ δικαιοσύνην προσφέρεσθαι καὶ τῇ <παρ>ούσῃ φαντασία ἐμφιλοτεχνεῖν, ἵνα μὴ τι ἀκατάληπτον παρεισρῆ.</p>	<p>От тебя везде и всегда зависит и <u>благочестиво принимать как благо то, что сейчас с тобой происходит</u>, и справедливо относиться к тем людям, что сейчас с тобой, и обращаться по правилам искусства с тем представлением, которое у тебя сейчас, для того чтобы не вкралось что-нибудь, что не постигательно.</p>
<p>22) Marc. Aug. 7, 57 Μόνως φιλεῖν τὸ ἑαυτῷ συμβαῖνον καὶ συγκλωθόμενον· τί γὰρ ἀρμοδιώτερον;</p>	<p>Любить только то, что тебе выпало и отмерено. Что уместнее этого?</p>
<p>23) Marc. Aug. 8, 43 Εὐφραίνει ἄλλον ἄλλο· ἐμὲ δέ, ἐὰν ὑγιᾶς ἔχω τὸ ἡγεμονικόν, μὴ ἀποστρεφόμενον μήτε ἀνθρωπὸν τινα μήτε <τι> τῶν ἀνθρώποις συμβαινόντων, ἀλλὰ πᾶν εὐμενέσιν ὀφθαλμοῖς ὄρων τε καὶ δεχόμενον καὶ χρώμενον ἐκάστω κατ' ἀξίαν.</p>	<p>У всякого своя радость. У меня вот — когда здраво мое ведущее и не отворачивается ни от кого из людей и ни от чего, что случается с людьми, а напротив, взирает на все доброжелательным взором, все приемлет и всем распоряжается по достоинству.</p>
<p>24) Marc. Aug. 10, 14 Τῇ πάντα διδούσῃ καὶ ἀπολαμβάνουσῃ φύσει ὁ πεπαιδευμένος καὶ αἰδήμων λέγει· δὸς ὃ θέλεις· ἀπόλαβε ὃ θέλεις. λέγει δὲ τοῦτο οὐ καταθραυσνόμενος, ἀλλὰ πειθαρχῶν μόνον καὶ εὐνοῶν αὐτῇ</p>	<p>Природе, дающей все и все забирающей, человек воспитанный и скромный говорит: дай, что хочешь; бери что хочешь. И говорит это не дерзко, а уважительно всего лишь и преданно.</p>
<p>25) Marc. Aug. 10, 25 Ὁ τὸν κύριον φεύγων δραπέτης· κύριος δὲ ὁ νόμος καὶ ὁ παρανομῶν <ἄρα> δραπέτης. ἅμα καὶ ὁ λυπούμενος ἢ ὀργιζόμενος ἢ φοβούμενος οὐ βούλεται τι γεγονέναι ἢ γίνεσθαι ἢ γενήσεσθαι τῶν ὑπὸ τοῦ τὰ πάντα διοικοῦντος τεταγμένων, ὅς ἐστι νόμος, νέμων ὅσα ἐκάστω ἐπιβάλλει. ὁ ἄρα φοβούμενος ἢ λυπούμενος ἢ ὀργιζόμενος δραπέτης.</p>	<p>Кто бежит от хозяина — беглый раб. А закон это хозяин, и беглый раб тот, кто его преступает. Так же и тот, кто опечален, кто сердится и кто опасается чего-то, что стало, становится, станет — чего-то, что повелел тот, кто управляет всем, а ведь это закон, раз в нем концы всего, что кому уделено. И следовательно, тот, кто опасается, печалится или сердится — беглый раб.</p>
<p>26) Marc. Aug. 10, 28 Φαντάζου πάντα τὸν ἐφ' ὧτινιούν λυπούμενον ἢ δυσαρεστούντα ὅμοιον τῷ θυομένῳ χοιριδίῳ καὶ ἀπολακτίζοντι καὶ κεκραγότη· ὅμοιος καὶ ὁ οἰμῶζων ἐπὶ τοῦ κλινιδίου μόνος σιωπῇ. τὴν ἔνδεσιν ἡμῶν, καὶ ὅτι μόνῳ τῷ λογικῷ ζῳῷ δέδοται τὸ ἐκουσίως ἔπεσθαι τοῖς γινομένοις, τὸ δὲ ἔπεσθαι ψιλὸν πᾶσιν ἀναγκαῖον.</p>	<p>Представляй себе, что всякий, кто чем бы то ни было опечален или недоволен, похож на поросенка, которого приносят богам, а он брыкается и визжит. Таков и тот, кто леж в постели молча оплакивает, как мы связаны с миром. А еще, что только разумному существу дано следовать добровольно за происходящим, потому что просто следовать — неизбежно для всех.</p>
<p>27) Epict. 3, 24, 18-21 – Ἀλλ' <ὁ> Ὀδυσσεὺς ἐπεπόνθει πρὸς τὴν γυναῖκα καὶ ἔκλαιεν ἐπὶ πέτρα[ι]ς καθεζόμενος. – Σὺ δ' Ὀμήρω πάντα προσέχεις καὶ τοῖς μύθοις αὐτοῦ; ἢ εἰ ταῖς ἀλη- θειαῖς ἔκλαεν, τί ἄλλο ἢ ἐδυσ>τύχει; τίς δὲ καλός τε καὶ ἀγαθός δυστυχεῖ; τῷ ὄντι κακῶς διοικεῖται τὰ ὅλα, εἰ μὴ ἐπιμελεῖται ὁ Ζεὺς τῶν ἑαυτοῦ πολιτῶν, ἴν' ὧσιν ὅμοιοι αὐτῷ, εὐδαίμονες. ἀλλὰ ταῦτα οὐ θεμιτὰ οὐδ' ὅσια ἐνθυμηθῆναι, ἀλλ' ὁ Ὀδυσσεὺς, εἰ μὲν ἔκλαεν</p>	<p>Но Одиссей страдал по своей жене и плакал, сидя на скале». А ты во всем питаешь доверие к Гомеру и его басням? Или, если он и вправду плакал, не значит ли это лишь, что он был несчастным? А какой добродетельный человек бывает несчастным? Вселенная действительно плохо управляется, если Зевс не заботится о своих гражданах, чтобы они были такими же, как сам он, счастливыми. Но думать так – недопустимо и кощунственно, а Одиссей, если он, конечно, плакал и горевал, значит, не был добродетельным человеком. В самом деле, кто может быть добродетельным человеком, если он не знает, кто он есть? А кто может знать это, если он</p>

<p><u>καὶ ὠδύρετο, οὐκ ἦν ἀγαθός. τίς γὰρ ἀγαθός ἐστιν ὁ οὐκ εἰδώς, ὅς ἐστιν; τίς δ' οἶδεν ταῦτα ἐπιλελησμένος, ὅτι φθαρτὰ τὰ γενόμενα καὶ ἄνθρωπον ἀνθρώπῳ συνεῖναι οὐ δυνατὸν αἰεὶ; τί οὖν; τῶν μὴ δυνατῶν ἐφίεσθαι ἀνδραποδῶδες, ἠλίθιον, ξένου θεομαχοῦντος, ὡς μόνον οἶόν τε, τοῖς δόγμασι τοῖς ἑαυτοῦ.</u></p>	<p>забыл, что рожденное тленно и человеку с человеком быть вместе невозможно вечно? И так, что же? Делать невозможное значит быть рабским существом, значит быть глупым, значит чужеземцу вести борьбу против бога, как это единственно возможно – своими мнениями.</p>
--	--

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ: не просто неизбежность, но так лучше

<p>28) Epict. Diss. 1.12.17 <u>Таύτης οὖν τῆς διατάξεως μεμνημένους ἔρχεσθαι δεῖ ἐπὶ τὸ παιδεύεσθαι, οὐχ ἴν' ἀλλάξωμεν τὰς ὑποθέσεις (οὔτε γὰρ δίδονται ἡμῖν οὔτ' ἄμεινον), ἀλλ' ἵνα οὕτως ἐχόντων τῶν περὶ ἡμᾶς ὡς ἔχει καὶ πέφυκεν αὐτοὶ τὴν γνώμην τὴν αὐτῶν συνηρμοσμένην τοῖς γινομένοις ἔχωμεν.</u></p>	<p>Так вот, о таком устройстве [мира] памятуя, нужно приходить получать образование, не для того чтобы мы изменили условия (это ведь и не дано нам и не лучше), а для того чтобы при таком положении окружающего нас, как оно есть по своей природе, сами мы сообразовали свое сознание со всем происходящим.</p>
<p>29) Epict. Diss. 4.1.99-102 <u>Πῶς λέγεις προσκατατάξαι; – Ἴν', ὃ ἂν ἐκεῖνος θέλη, καὶ αὐτὸς θέλη καί, ὃ ἂν ἐκεῖνος μὴ θέλη, τοῦτο μὴδ' αὐτὸς θέλη. – Πῶς οὖν τοῦτο γένηται; – Πῶς γὰρ ἄλλως ἢ ἐπισκεψαμένῳ τὰς ὁρμὰς τοῦ θεοῦ καὶ τὴν διοίκησιν; τί μοι δέδωκεν ἐμὸν καὶ αὐτεξούσιον, τί αὐτῷ κατέλ[ε]ιπεν; τὰ προαιρετικά μοι δέδωκεν, ἐπ' ἐμοὶ πεποίηκεν, ἀνεμπόδιστα, ἀκώλυτα. τὸ σῶμα τὸ πῆλινον πῶς ἐδύνατο ἀκώλυτον ποιῆσαι; ὑπέταξεν οὖν τῇ τῶν ὄλων περιόδῳ, τὴν κτῆσιν, τὰ σκεύη, τὴν οἰκίαν, τὰ τέκνα, τὴν γυναικᾶ. τί οὖν θεομαχῶ; τί θέλω τὰ μὴ θελητά, τὰ μὴ δοθέντα μοι ἐξ ἅπαντος ἔχειν; ἀλλὰ πῶς; ὡς δέδοται καὶ ἐφ' ὅσον δύναται. ἀλλ' ὁ δοῦς ἀφαιρεῖται. τί οὖν ἀντιτείνω; οὐ λέγω, ὅτι ἠλίθιος ἔσομαι τὸν ἰσχυρότερον βιαζόμενος, ἀλλ' ἔτι πρότερον ἄδικος. πόθεν γὰρ ἔχω αὐτὰ ἦλθον; ὁ πατήρ μου αὐτὰ ἔδωκεν. ἐκείνῳ δὲ τίς; τὸν ἥλιον δὲ τίς πεποίηκε, τοὺς καρποὺς δὲ τίς, τὰς δ' ὥρας τίς, τὴν δὲ πρὸς ἀλλήλους συμπλοκὴν καὶ κοινωνίαν τίς;</u></p>	<p>– Что ты имеешь в виду, каким это образом «ввериться»? – Так чтобы чего хочет бог, того хотел и он сам, и чего не хочет бог, того не хотел и он сам. – Каким же образом добиться этого? – Да каким иным, как не рассмотрением влечений бога и его управления? Что он дал мне моим и независимым, что оставил за собой? Он дал мне все зависящее от свободы воли, сделал все это зависящим от меня, неподвластным препятствиям, неподвластным помехам. Тело из брения как мог он сделать неподвластным помехам? <u>Так вот, он подчинил его, имущество, утварь, дом, детей, жену круговороту вселенной.</u> Так что же мне вести борьбу против бога? Что мне хотеть того, чего не следует хотеть, того, чего не дано мне иметь во что бы то ни стало? Но как иметь? Как дано и на сколько возможно. Но давший отнимает. Так что же мне противиться? Я не говорю о том, что буду глупцом, оказывая сопротивление более сильному, но прежде всего – несправедливым. В самом деле, откуда имея все это, пришел я? Отец мой дал мне все это. А ему кто? А солнце кто сотворил, а плоды кто, а времена года кто, а соединение друг с другом и жизнь в обществе кто?</p>
<p>30) Sen. Epist. 96, 1-2 <u>Tamen tu indignaris aliquid aut quereris et non intellegis nihil esse in istis mali nisi hoc unum quod indignaris et quereris? Si me interrogas, nihil puto viro miserum nisi aliquid esse in rerum natura quod putet miserum. Non feram me quo die aliquid ferre non potero. Male valeo: pars fati est. Familia decubuit, fenus offendit, domus crepuit, damna, vulnera, labores, metus incucurrerunt: solet fieri. Hoc parum est: debuisset fieri. Decernuntur ista, non accidunt. Si quid credis mihi, intimos adfectus meos tibi cum maxime detego: in omnibus quae adversa videntur et dura sic formatus sum: non</u></p>	<p>А ты все-таки на что-то сердиться или жалуешься и не понимаешь, что <u>во всем этом плохо одно: твое негодование и жалобы.</u> Если ты спросишь меня, то я думаю, что у человека нет никаких несчастий, кроме одного: <u>если он хоть что-то в природе считает несчастьем.</u> Я стану несносен самому себе в тот день, когда не смогу чего-нибудь вынести. <u>Я хвораю? Такова доля человека! Перемерла челядь? задавили долги? стал оседать дом? мучат убытки, раны, труды, тревоги? Обычное дело! Мало того: неизбежное.</u> (2) Все это <u>предопределено, а не случайно.</u> Если ты хоть немного мне веришь, я открою тебе самые</p>

<p>pareo deo sed adsentior; ex animo illum, non quia necesse est, sequor. Nihil umquam mihi incidet quod tristis excipiam, quod malo vultu; nullum tributum invitus conferam. Omnia autem ad quae gemimus, quae exravescimus, <u>tributa vitae sunt: horum, mi Lucili, nec speraveris immunitatem nec petieris.</u></p>	<p>сокровенные мои чувства: ко всему, что кажется враждебным и тягостным, я отношусь так: богу я не повинуюсь, а соглашаюсь с ним и следую за ним не по необходимости, а от всей души. Что бы со мной ни случилось, ничего я не приму с печальным или злым лицом. Нет налога, который я платил бы против воли. А все то, над чем мы стонем, чему ужасаемся, <u>есть лишь налог на жизнь.</u> Так что, <u>мой Луцилий, и не надейся, и не старайся получить от него освобождение.</u></p>
<p>31) Marc. Aur. 12, 5 <u>Πῶς ποτε πάντα καλῶς καὶ φιλανθρώπως διατάξαντες οἱ θεοὶ τοῦτο μόνον παρῆιδον, τὸ ἐνίους τῶν ἀνθρώπων καὶ πάνυ χρηστοὺς καὶ πλεῖστα πρὸς τὸ θεῖον ὡσπερ συμβόλαια θεμένους καὶ ἐπὶ πλεῖστον δι' ἔργων ὀσίων καὶ ἱερουργιῶν συνήθεις τῷ θείῳ γενομένους, ἐπειδὴν ἅπαξ ἀποθάνωσι, μηκέτι αὐθις γίνεσθαι, ἀλλ' εἰς τὸ παντελὲς ἀπεσβηκέναι;</u> <u>τοῦτο δὲ εἶπερ ἄρα καὶ οὕτως ἔχει, εὖ ἴσθι ὅτι, εἰ ὡς ἐτέρως ἔχειν ἔδει, ἐποίησαν ἄν· εἰ γὰρ δίκαιον ἦν, ἦν ἂν καὶ δυνατόν, καὶ εἰ κατὰ φύσιν, ἦνεγκεν ἂν αὐτὸ ἡ φύσις. ἐκ δὴ τοῦ μὴ οὕτως ἔχειν, εἶπερ οὐχ οὕτως ἔχει, πιστεύσθω σοι τὸ μὴ δεῖσαι οὕτως γίνεσθαι.</u> <u>ὁρᾶς γὰρ καὶ αὐτὸς ὅτι τοῦτο παραζητῶν δικαιολογῆ πρὸς τὸν θεόν· οὐκ ἂν δ' οὕτως διελεγόμεθα τοῖς θεοῖς, εἰ μὴ ἄριστοι καὶ δικαιοτάτοι ἦσαν. εἰ δὲ τοῦτο, οὐκ ἂν τι περιεῖδον ἀδίκως καὶ ἀλόγως ἡμελημένον τῶν ἐν τῇ διακοσμήσει.</u></p>	<p>Как же это <u>боги, устроившие все прекрасно и человеколюбиво,</u> не усмотрели единственно того, что некоторые люди — притом самые надежные, как бы вверившие божеству наибольшие залогов и столь сжившиеся с божеством своими праведными делами и священнодействиями — <u>как только умрут однажды, больше уж не родятся, а угасают совершенно?</u> Так вот, <u>ежели оно и так, знай, что если бы надо было, чтоб было как-нибудь иначе, то они бы так и сделали.</u> Потому что если бы это было справедливо, то было бы и возможно; и если бы по природе было, принесла бы это природа. <u>А что это не так, если уж оно не так, это тебе залогом, что и не надо, чтоб было так.</u> Сам же видишь, как в этом лежескании споришь с богом, а ведь мы с богами так не разговаривали бы, не будь они наилучшими и наисправедливейшими. А если так, они вряд ли в мироустроении пропустили несправедливость или безрассудную небрежность.</p>

IV.

A.

<p>1) Marc. Aur. III, 4, 2-4 <u>καὶ ἐθιστέον ἑαυτὸν μόνα φαντάζεσθαι, περὶ ὧν εἰ τις ἄφνω ἐπανέροιο· τί νῦν διανοῆς; μετὰ παρηρησίας παραχρηῖμα ἂν ἀποκρίναιο ὅτι τὸ καὶ τό· ὡς ἐξ αὐτῶν εὐθύς δηλα εἶναι ὅτι πάντα ἀπλᾶ καὶ εὐμενῆ καὶ ζῶου κοινωνικοῦ καὶ ἀμελοῦντος ἡδονικῶν ἢ καθάπαξ ἀπολαυστικῶν φαντασμάτων ἢ φιλονεικίας τινός ἢ βασκανίας καὶ ὑποψίας ἢ ἄλλου τινός ἐφ' ᾧ ἂν ἐρυθρίασειας ἐξηγούμενος, ὅτι ἐν νῶ αὐτὸ εἶχες. ὁ γὰρ τοι ἀνὴρ ὁ τοιοῦτος, οὐκ ἔτι ὑπεριθέμενος τὸ ὡς ἐν ἀρίστοις ἤδη εἶναι, ἱερεὺς τίς ἐστι καὶ ὑπουργὸς θεῶν, χρώμενος καὶ τῷ ἔνδον ἰδουμένῳ αὐτοῦ, ὃ παρέχεται τὸν ἀνθρώπον ἄχραντον ἡδονῶν, ἄτρωτον ὑπὸ παντὸς πόνου, πάσης ὕβρεως ἀνέπαφον, πάσης ἀναίσθητον πονηρίας, ἀθλητὴν ἄθλου τοῦ μεγίστου, τοῦ ὑπὸ μηδενός</u></p>	<p>приучать себя надо только такое иметь в представлении, чтобы чуть тебя спросят: "О чем сейчас помышляешь?", отвечать сразу и откровенно, что так и так; и чтобы вполне явственно было, что все там просто и <u>благожелательно и принадлежит существу общественному,</u> не озабоченному видениями услад или вообще каких-нибудь удовлетворений, а еще - что нет там какой-нибудь <u>вздорности или алчности, или подозрительности,</u> или еще чего-нибудь такого, в чем не сможешь признаться не краснея, что оно у тебя на уме. <u>И вот такой человек, который более уж не откладывает того, чтобы быть среди лучших,</u> есть некий жрец и пособник богов, распоряжающийся и тем, что поселилось внутри его, благодаря чему человек этот <u>наслаждениями не запятнан, не изранен никакой болью, ни к какому насилию не причастен, ни к какому не чувствителен злу; подвижник он подвига великого - ни единой не покорился страсти, справедливостью напоен до дна; от всей принимает души все, что есть и дано судьбой.</u></p>
--	---

<p><u>πάθους καταβληθῆναι, δικαιοσύνη βεβαμμένον εἰς βάθος, ἀσπαζόμενον μὲν ἐξ ὅλης τῆς ψυχῆς τὰ συμβαίνοντα καὶ ἀπονεμόμενα πάντα,</u></p> <p>μὴ πολλάκις δὲ μὴδὲ χωρὶς μεγάλης καὶ κοινωφελούς ἀνάγκης φανταζόμενον τί ποτε ἄλλος λέγει ἢ πράσσει ἢ διανοεῖται. <u>μόνα γὰρ τὰ ἑαυτοῦ πρὸς ἐνέργειαν ἔχει καὶ τὰ ἑαυτῶ ἐκ τῶν ὄλων συγκλωθόμενα διηνεκῶς ἐννοεῖ κάκεινα μὲν καλὰ παρέχεται, ταῦτα δὲ ἀγαθὰ εἶναι πέπεισται· ἢ γὰρ ἐκάστῳ νεμομένη μοῖρα συνεμφέρεται τε καὶ συνεμφέρει. μέμνηται δὲ καὶ ὅτι συγγενὲς πᾶν τὸ λογικόν, καὶ ὅτι κήδεσθαι μὲν πάντων ἀνθρώπων κατὰ τὴν τοῦ ἀνθρώπου φύσιν ἐστὶ, δόξης δὲ οὐχὶ τῆς παρὰ πάντων ἀνθεκτέον, ἀλλὰ τῶν ὁμολογουμένως τῇ φύσει βιούντων μόνων.</u></p>	<p>А представлениями о том, что говорит, делает или думает другой, он себя без крайней и общеполезной надобности не часто займет. То, что при нем, то ему для действия, а что отмерено судьбой, в то он вглядывается непрестанно; в том он поступает прекрасно, а в этом уверился, что оно благо. Ибо удел, отмеренный каждому, несомненно целым и целое несет. А еще он и то помнит, что <u>единородно все разумное, и что попечение о всех людях отвечает природе человека, а славы стоит добиваться не у всех, а у тех только, кто живет в согласии с природой.</u></p>
<p>2) Marc. Aur. III, 7</p> <p>Μὴ τιμήσης ποτὲ ὡς συμφέρον σεαυτοῦ, ὃ ἀναγκάσει σέ ποτε τὴν πίστιν παραβῆναι, τὴν αἰδῶ ἐγκαταλιπεῖν, μισῆσαί τινα, ὑποπτεῦσαι, καταράσασθαι, ὑποκρίνασθαι, ἐπιθυμῆσαί τινος τοίχων καὶ παραπετασμάτων δεομένου. <u>ὁ γὰρ τὸν ἑαυτοῦ νοῦν καὶ δαίμονα καὶ τὰ ὄργια τῆς τούτου ἀρετῆς προελόμενος τραγωδίαν οὐ ποιεῖ, οὐ στενάζει, οὐκ ἐρημίας, οὐ πολυπληθείας δεήσεται· τὸ μέγιστον, ζήσει μῆτε διώκων μῆτε φεύγων, πότερον δὲ ἐπὶ πλεόν διάστημα χρόνου τῷ σώματι περιεχομένη τῇ ψυχῇ ἢ ἐπ' ἔλασσον χρήσεται, οὐδ' ὅτιοῦν αὐτῷ μέλει· κἂν γὰρ ἤδη ἀπαλλάσσεσθαι δέη, οὕτως εὐλυτος ἄπεισιν, ὡς <ἂν> ἄλλο τι τῶν αἰδημόνως καὶ κοσμίως ἐνεργεῖσθαι δυναμένων ἐνεργήσειεν, τοῦτο μόνον παρ' ὅλον τὸν βίον εὐλαβοῦμενος, τὸ τὴν διάνοιαν ἐν τινὶ ἀνοικεῖῳ νοεροῦ πολιτικοῦ ζῶου τροπῇ γενέσθαι.</u></p>	<p>Никогда не расценивай как полезное тебе что-нибудь такое, что вынудит тебя когда-нибудь нарушить верность, забыть стыд, возненавидеть кого-нибудь, заподозрить, проклясть, притворствоваться, возжелать чего-нибудь, что нуждается в стенах и завесах. <u>Право, тот, кто предпочел собственный разум и своего гения, и тайнства его добродетели, тот не разыгрывает трагедию, не стонет, не нуждается ни в одиночестве, ни в многолюдстве. А главное - станет жить, не гоняясь и не избегая, а будет ли он больший отрезок времени распорядиться душой и объемлющим ее телом или же меньший, это ему ничуть не важно. Да хоть бы и пора было удалиться - уйдет так же легко, как на всякое другое дело из тех, которые можно сделать почтительно и мирно. Всю жизнь он будет остерегаться единственно того, как бы мысль его не оказалась в каком-нибудь развороте, не подходящем для разумного государственного существа.</u></p>
<p>3) Marc. Aur. III, 16</p> <p>Σῶμα, ψυχὴ, νοῦς· σώματος αἰσθήσεις, ψυχῆς ὄρμαί, νοῦ δόγματα. τὸ μὲν τυποῦσθαι φανταστικῶς καὶ τῶν βοσκημάτων· τὸ δὲ νευροσπαστεῖσθαι ὀρμητικῶς καὶ τῶν θηρίων καὶ τῶν ἀνδρογύνων καὶ Φαλάριδος καὶ Νέρωνος· τὸ δὲ τὸν νοῦν ἡγεμόνα ἔχειν ἐπὶ τὰ φαινόμενα καθήκοντα καὶ τῶν θεοῦς μὴ νομιζόντων καὶ τῶν τὴν πατρίδα ἐγκαταλειπόντων καὶ τῶν <ὅτιοῦν> ποιούντων, ἐπειδὴν κλείσωσι τὰς θύρας. εἰ οὖν τὰ λοιπὰ κοινὰ ἐστὶ πρὸς τὰ εἰρημένα, λοιπὸν <u>τὸ ἰδίον ἐστὶ τοῦ ἀγαθοῦ φιλεῖν μὲν καὶ ἀσπάζεσθαι τὰ συμβαίνοντα καὶ συγκλωθόμενα αὐτῶ, τὸν δὲ ἔνδον ἐν τῷ</u></p>	<p>Тело, душа, ум; телу - ощущения, душе - устремления, уму - основоположения. Впитывать представления - это и скотское, дергаться устремлениями, - и звериное, и двуполое, и Фаларидово, и Нероново. Руководствоваться умом, когда нечто представилось как надлежащее, - это и для тех, кто в богов не верует, бросает родину или берется действовать, разве что заперев двери. Так вот если остальное - общее с теми, кто назван выше, то <u>свойством собственно достойного человека остается любить и принимать судьбу и то, что ему отмерено, а гения, поселившегося у него внутри, не мारать и не оглушать надоедливими представлениями, а беречь его милостивым, мирно следующим богу, ничего не произносящим против правды и не делающим против справедливости.</u></p>

<p>στήθει ἰδρῦμένον δαίμονα μὴ φύρειν μηδὲ θορυβεῖν ὄχλῳ φαντασιῶν, ἀλλὰ ἴλεων διατηρεῖν, κοσμίως ἐπόμενον θεῶ, μήτε φθειγγόμενον τι παρὰ τὰ ἀληθῆ μήτε ἐνεργοῦντα παρὰ τὰ δίκαια.</p> <p>εἰ δὲ ἀπιστοῦσιν αὐτῷ πάντες ἄνθρωποι, ὅτι ἀπλῶς καὶ αἰδημόνως καὶ εὐθύμως βιοῖ, οὔτε χαλεπαίνει τινὶ τούτων οὔτε παρατρέπεται τῆς ὁδοῦ τῆς ἀγούσης ἐπὶ τὸ τέλος τοῦ βίου, ἐφ' ὃ δεῖ ἐλθεῖν καθαρὸν, ἡσύχιον, εὐλυτον, <u>ἀβιάστως τῇ ἑαυτοῦ μοίρᾳ συνηροσμένον.</u></p>	<p>И если даже не верят ему все люди, что он живет просто, почтительно и благоспокойно, он ни на кого <u>из них не досадует и не сворачивает с дороги, ведущей к назначению его жизни, куда надо прийти чистым, спокойным, легким, приладившимся неприневоленно к своей судьбе.</u></p>
<p>4) Marc. Aur. IV, 25</p> <p>Πείρασον πῶς σοι χωρεῖ καὶ ὁ τοῦ ἀγαθοῦ ἀνθρώπου βίος τοῦ ἀρεσκομένου μὲν τοῖς ἐκ τῶν ὄλων ἀπονεμομένοις, ἀρκουμένου δὲ τῇ ἰδίᾳ πράξει δικαίᾳ καὶ διαθέσει εὐμενεῖ.</p>	<p>Испробуй, не подойдет ли тебе также и жизнь достойного человека, довольного тем, что он получает в удел от целого, довольствующегося справедливостью своего деяния и благожелательностью своего душевного склада.</p>
<p>5) Marc. Aur. V, 15</p> <p>Οὐδὲν τούτων τηρητέον ἀνθρώπῳ, ἂ ἀνθρώπῳ, καθὸ ἀνθρωπός ἐστιν, οὐκ ἐπιβάλλει. οὐκ ἔστιν ἀπαιτήματα ἀνθρώπου οὐδὲ ἐπαγγέλλεται αὐτὰ ἢ τοῦ ἀνθρώπου φύσις οὐδὲ τελειότητές εἰσι τῆς τοῦ ἀνθρώπου φύσεως. οὐ τοίνυν οὐδὲ τὸ τέλος ἐν αὐτοῖς ἐστι τῷ ἀνθρώπῳ κείμενον οὐδέ γε τὸ συμπληρωτικὸν τοῦ τέλους, τὸ ἀγαθόν. ἔτι, εἰ τι τούτων ἦν ἐπιβάλλον τῷ ἀνθρώπῳ, οὐκ ἂν τὸ ὑπερφρονεῖν αὐτῶν καὶ κατεξανίστασθαι ἐπιβάλλον ἦν οὐδὲ ἐπαινετός ἦν ὁ ἀπροσδεῖ τούτων ἑαυτὸν παρεχόμενος, οὐδ' ἂν ὁ ἐλαττωτικὸς ἑαυτοῦ ἐν τινὶ τούτων ἀγαθὸς ἦν, εἴπερ ταῦτα ἀγαθὰ ἦν. νῦν δ', ὅσῳ περ πλείω τις ἀφαιρῶν ἑαυτοῦ τούτων ἢ τοιούτων ἑτέρων ἢ καὶ ἀφαιρούμενός τι τούτων ἀνέχεται, τοσῶδε μᾶλλον ἀγαθός ἐστιν.</p>	<p><u>Не заботиться человеку ни о чем таком, что не есть задание человека, поскольку он человек. Не требуется это человеку, не подразумевает этого сама человеческая природа и не назначено это как совершенство человеческой природы. Нет, не в этом назначение человека, и не в этом то, что составляет его назначение, - благо. К тому же если бы что-нибудь из этого входило в задание человека, то пренебрегать этим или противостоят не было бы заданием, и не ХВАЛЫ был бы достоин тот, кто доволен и без этого; и не был бы благороден тот, кто меньше, чем мог бы, этим пользуется, если бы только благо это было. Между тем, чем больше человек лишает себя этого или чего-нибудь подобного, а то еще сносит, когда его этого лишают, тем он ЛУЧШЕ.</u></p>
<p>6) Marc. Aur. X, 1</p> <p>Ἔση ποτὲ ἄρα, ὦ ψυχῆ, ἀγαθῆ καὶ ἀπλῆ καὶ μία καὶ γυμνή, φανερωτέρα τοῦ περικειμένου σοι σώματος; γεύση ποτὲ ἄρα τῆς φιλητικῆς καὶ στερκτικῆς (στερητικῆς?) διαθέσεως; ἔση ποτὲ ἄρα πλήρης καὶ ἀνευδεῖς καὶ οὐδὲν ἐπιποθοῦσα οὐδὲ ἐπιθυμοῦσα οὐδενός οὔτε ἐμψύχου οὔτε ἀψύχου πρὸς ἡδονῶν ἀπολαύσεις; οὐδὲ χρόνου, ἐν ᾧ ἐπὶ μακρότερον ἀπολαύσεις; οὐδὲ τόπου ἢ χώρας ἢ ἀέρων εὐκαιρίας; οὐδὲ ἀνθρώπων εὐαρμοστίας;</p> <p>ἀλλὰ ἀρκεσθήσῃ <u>τῇ παρουσίᾳ καταστάσει καὶ ἡσθήσῃ τοῖς παροῦσι πᾶσι, καὶ συμπεῖσεις σεαυτὴν ὅτι πάντα σοι παρὰ τῶν θεῶν πάρεστι, καὶ πάντα σοι εὐ ἔχει καὶ εὐ ἔξει, ὅσα φίλον αὐτοῖς καὶ ὅσα μέλλουσι δώσειν ἐπὶ σωτηρίᾳ τοῦ τελείου ζῶου, τοῦ ἀγαθοῦ καὶ δικαίου καὶ καλοῦ καὶ γεννώντος πάντα καὶ</u></p>	<p>Будешь ли ты когда, душа, добротной, простой, единой, нагой, более явственной, чем облакающее тебя тело? отведаешь ли ты когда дружественного и готового к лишению душевного склада? Будешь ли ты когда наполненной, далекой от нужды, ничего не алчущей, не желающей ничего - одушевленного или неодушевленного - ради вкушения наслаждений: ни времени, чтобы вкушать их долее, ни мест каких-либо и краев, ни воздушного благорастворения, ни человеческого благорасположения?</p> <p>Когда удовлетворишься ты тем, что есть, и возрадуешься всему, что здесь, когда уверишься, что и все у тебя хорошо и что все это от богов, и будет хорошо все, что им мило, что дадут они еще во спасение существа совершенного, благого, прекрасного, все порождающего и соединяющего, окружающего, приемлющего то, что распадается, чтобы вновь породить подобное? Ты будешь ли</p>

<p>συνέχοντος καὶ περιέχοντος καὶ περιλαμβάνοντος διαλυόμενα εἰς γένεσιν ἑτέρων ὁμοίων; ἔση ποτὲ ἄρα τοιαύτη, <u>οἷα θεοῖς τε καὶ ἄνθρωποις οὕτως συμπολιτεύεσθαι</u> ὡς μήτε μέμφεσθαι τι αὐτοῖς μήτε καταγινώσκεσθαι ὑπ' αὐτῶν;</p>	<p>когда тою, которая <u>и с богами, и с людьми может в одном граде жить</u>, ни в чем их не укоряя и от них не заслуживая осуждения?</p>
<p>7) Sen. Epist. 74, 12 Quaeris quare virtus nullo egeat? Praesentibus gaudet, non concupiscit absentia; nihil non illi magnum est quod satis. Ab hoc discede iudicio: non pietas constabit, non fides; multa enim utramque praestare cupienti patienda sunt ex iis quae mala vocantur, multa inpendenda ex iis quibus indulgemus tamquam bonis.</p>	<p>Ты спросишь, почему добродетель ни в чем не нуждается? — Она довольствуется тем, что есть, не жаждет того, чего нет; если есть, сколько нужно, ей не бывает мало. Откажись от этого суждения — и не останется ни благочестия, ни верности. Ведь желающему быть и верным, и благочестивым придется вытерпеть многое из того, что принято называть злом, и пожертвовать многим из того, чему мы привержены как благу.</p>
<p>8) Sen. Epist. 76, 23 Virum bonum concedas necesse est summae pietatis erga deos esse. Itaque quidquid illi accidit aequo animo sustinebit; sciet enim id accidisse lege divina qua universa procedunt. Quod si est, unum illi bonum erit quod honestum; in hoc enim positum <est> et parere diis nec excandescere ad subita nec deplorare sortem suam, sed patienter excipere fatum et facere imperata.</p>	<p>Ты согласишься, что человек добра не может не быть благочестив перед богами, а значит, что бы с ним ни произошло, он перенесет это спокойно, ибо знает, что случилось оно по божественному закону, по которому все совершается в мире. Кто так делает, — признает благом только то, что честно; а в нем заключено все — и долг повиноваться богам, и способность не горячиться при внезапных переменах и не оплакивать свою участь, но терпеливо принимать рок и подчиняться его веленьям.</p>
<p>9) Sen. Epist. 120, 11-13 Ex quo ergo virtutem intelleximus? ostendit illam nobis ordo eius et decor et constantia et omnium inter se actionum concordia et magnitudo super omnia efferens sese. Hinc intellecta est illa beata vita secundo defluens cursu, arbitrii sui tota. Quomodo ergo hoc ipsum nobis apparuit? dicam. Numquam vir ille perfectus adeptusque virtutem fortunae maledixit, numquam accidentia tristis excepit, civem esse se universi et militem credens labores velut imperatos subit. Quidquid inciderat non tamquam malum aspernatus est et in se casu delatum, sed quasi delegatum sibi. 'Hoc quaecumque est' inquit 'meum est; asperum est, durum est, in hoc ipso navemus operam.' Necessario itaque magnus apparuit qui numquam malis ingemuit, numquam de fato suo questus est; fecit multis intellectum sui et non aliter quam in tenebris lumen effulsit advertitque in se omnium animos, cum esset placidus et lenis, humanis divinisque rebus pariter aequus.</p>	<p>Но из чего мы поняли, что такое добродетель? Нам показали ее присущие такому мужу последовательность и красота, и постоянство, и согласие во всех делах, и величие, превзошедшее все виденное нами. Отсюда же мы поняли, что такое блаженная жизнь, текущая без бурь и зависимая лишь от собственной воли. (12) Как это стало нам ясно? Я скажу. Никогда тот достигший совершенной добродетели муж не проклинал фортуны, никогда не печалился, принимая удары случая, но считая себя гражданином мира и солдатом, переносил все труды, словно ему приказал начальник. Что бы ни стряслось, он принимал все не с негодованьем, как беду, насланную враждебным случаем, а как нечто ему самому порученное. «Каково бы оно ни было, — говорил он, — но оно мое; пусть оно трудно, пусть тягостно, — будем и в этом деле усердны». (13) И не могло не стать ясно, сколь велик тот, кто ни от каких невзгод не застонал, ни разу на свой рок не пожаловался; многих он заставил понять, каков он, и блистал ярко, словно свет во мраке, а своей кротостью, и мягкостью, и справедливостью во всех делах божественных и человеческих он привлек к себе все души.</p>

В.

<p>1) Plot. Enn. 1, 4, 15 Ἄλλ' εἰ δύο εἶεν σοφοί, τῷ δὲ ἑτέρῳ παρείη ὅσα</p>	<p>Но если бы было два мудреца и у одного имелось бы все то, что называется соответствующим</p>
--	--

<p>_____ , τῷ δὲ τὰ ἐναντία, ἴσον φήσομεν τὸ εὐδαιμονεῖν αὐτοῖς παρεῖναι· φήσομεν, εἴπερ ἐπίσης σοφοί. Εἰ δὲ καλὸς τὸ σῶμα ὁ ἕτερος καὶ πάντα τὰ ἄλλα ὅσα μὴ πρὸς σοφίαν μηδὲ ὄλως πρὸς ἀρετὴν καὶ τοῦ ἀρίστου θέαν καὶ τὸ ἀρίστον εἶναι, τί τοῦτο ἂν εἴη; Ἐπεὶ οὐδὲ αὐτὸς ὁ ταῦτα ἔχων σεμνυνεῖται ὡς μᾶλλον εὐδαίμων τοῦ μὴ ἔχοντος· οὐδὲ γὰρ ἂν πρὸς ἀυλητικὸν τέλος ἢ τούτων πλεονεξία συμβάλλοιτο.</p> <p><u>Ἀλλὰ γὰρ θεωροῦμεν τὸν εὐδαίμονα μετὰ τῆς ἡμετέρας ἀσθενείας φορικτὰ καὶ δεινὰ νομίζοντες, ἃ μὴ ἂν ὁ εὐδαίμων νομίσειεν· ἢ οὐπω οὔτε σοφὸς οὔτε εὐδαίμων εἴη μὴ τὰς περὶ τούτων φαντασίας ἀπάσας ἀλλαξάμενος καὶ οἷον ἄλλος παντάπασι γενόμενος πιστεύσας ἑαυτῷ, ὅτι μηδὲν ποτε κακὸν ἔξει· οὕτω γὰρ καὶ ἀδεῆς ἔσται περὶ πάντα. Ἡ δειλαίων περὶ τίνα οὐ τέλος πρὸς ἀρετὴν, ἀλλὰ ἡμισύς τις ἔσται.</u></p>	<p><u>природе</u>, а у другого – противоположное, скажем ли мы, что им присуще равное счастье? Скажем, если, конечно, они в равной степени мудрецы. Если же один из них <u>прекрасен телом и в отношении всего остального, что не касается ни мудрости, ни в целом добродетели, созерцания высшего блага и того, как быть наилучшим</u>, то что с того? Ведь и сам он, имея все это, не станет превозноситься, словно он счастливее того, кто не имеет; ведь изобилие этих вещей, пожалуй, не могло бы поспособствовать даже такой цели, как игра на флейте. <u>Но мы смотрим на счастливого с [точки зрения] нашей слабости, считая пугающим и ужасным то, что счастливый не счел бы; или же он еще не мудр и не счастлив, не избавившись от всевозможных представлений об этих вещах и словно бы став совершенно другим, доверившись себе, что у него никогда не будет никакого зла; ведь так он и будет во всем бесстрашным. А иначе, испытывая страх из-за чего-нибудь, он будет не совершенным, но половинчатым в отношении добродетели.</u></p>
<p>2) Epict. 3, 24, 18-21 – Ἀλλ' <ὁ> Ὀδυσσεὺς ἐπεπόνθει πρὸς τὴν γυναῖκα καὶ ἔκλαιεν ἐπὶ πέτρα[ι]ς καθεζόμενος. – Σὺ δ' Ὀμήρῳ πάντα προσέχεις καὶ τοῖς μύθοις αὐτοῦ; ἢ εἰ ταῖς ἀληθείαις ἔκλαιεν, τί ἄλλο ἢ ἔδυστύχει; τίς δὲ καλὸς τε καὶ ἀγαθὸς δυστυχεῖ; τῷ ὄντι κακῶς διοικεῖται τὰ ὅλα, εἰ μὴ ἐπιμελεῖται ὁ Ζεὺς τῶν ἑαυτοῦ πολιτῶν, ἴν' ὧσιν ὅμοιοι αὐτῷ, εὐδαίμονες. ἀλλὰ ταῦτα οὐ θεμιτὰ οὐδ' ὅσια ἐνθυμηθῆναι, <u>ἀλλ' ὁ Ὀδυσσεύς, εἰ μὲν ἔκλαιεν καὶ ὠδύρετο, οὐκ ἦν ἀγαθός. τίς γὰρ ἀγαθός ἐστιν ὁ οὐκ εἰδώς, ὅς ἐστιν; τίς δ' οἶδεν ταῦτα ἐπιλελησμένους, ὅτι φθαροτὰ τὰ γενόμενα καὶ ἀνθρώπων ἀνθρώπων συνεῖναι οὐ δυνατόν ἀεὶ; τί οὖν; τῶν μὴ δυνατῶν ἐφίεσθαι ἀνδραποδῶδες, ἠλίθιον, ξένου θεομαχοῦντος, ὡς μόνον οἷόν τε, τοῖς δόγμασι τοῖς ἑαυτοῦ.</u></p>	<p>Но Одиссей страдал по своей жене и плакал, сидя на скале». А ты во всем питаешь доверие к Гомеру и его басням? <u>Или, если он и вправду плакал, не значит ли это лишь, что он был несчастным? А какой добродетельный человек бывает несчастным?</u> Вселенная действительно плохо управляется, если Зевс не заботится о своих гражданах, чтобы они были такими же, как сам он, счастливыми. Но думать так – недопустимо и кощунственно, <u>а Одиссей, если он, конечно, плакал и горевал, значит, не был добродетельным человеком.</u> В самом деле, кто может быть добродетельным человеком, если он не знает, кто он есть? А кто может знать это, если он забыл, что рожденное тленно и человеку с человеком быть вместе невозможно вечно? И так, что же? <u>Домогаться невозможного значит быть рабским существом, значит быть глупым, значит чужеземцу нести борьбу против бога, как это единственно возможно – своими мнениями.</u></p>
<p>3) Orig. Comm. in Mat. 15, 16, 1-57 (комментарий на эпизод из Мф. 19, 21, где Иисус рекомендует богатому юноше раздать свое имение нищим, чтобы достичь совершенства) Ζητήσαι δ' ἂν τις <ἀκολούθως> ὅτι, εἴπερ τέλειός ἐστιν ὁ πάσας ἔχων τὰς ἀρετὰς καὶ μηκέτι <τι> ἀπὸ κακίας πράττων, πῶς τέλειος γένοιτ' ἂν ὁ πωλήσας ἑαυτοῦ τὰ ὑπάρχοντα καὶ δούς τοῖς πτωχοῖς. ἔστω γὰρ τίνα τοῦτο πεποιηκέναι, πῶς δ' αὖ καὶ ἀόργητος γένοιτ' ἂν ἀθρόως, εἰ τύχοι εὐέμπυτος ὦν εἰς ὄργην; πῶς δ καὶ ἄλυπος καὶ κρείττων παντὸς οὐτινοσοῦν συμβῆναι δυναμένου <τοῦ> τὴν λύπην</p>	<p>Кто-нибудь <соответственно> спросит: если <u>совершенным является тот, кто обладает всеми добродетелями и уже не совершает ничего порочного, то как мог бы стать совершенным продавший свое имение и отдавший [его] нищим?</u> Пусть кто-нибудь это и сделает, но, если окажется, что он легко впадает в гнев, то каким образом он сразу же мог бы стать <u>незлобивым</u> [благодаря тому, что отказался от имущества]? И как он [станет] свободным от печали и сильнее всего того, что</p>

<p><u>προκαλουμένου; πῶς δὲ καὶ ἔξω φόβου πάντη ἔσται τοῦ περὶ πόνων ἢ θανάτου ἢ τῶν ὅσα δύναται τὴν ἔτι ἀτελεστέραν ψυχὴν φοβῆσαι; τίνα δὲ τρόπον ὁ ἀποδόμενος τὰ ὑπάρχοντα καὶ διαδοῦς πτωχοῖς ἐκτὸς ἔσται πάσης ἐπιθυμίας; ... εἰ δὲ καὶ ἡ λεγομένη ἡδονή, ἄλογος οὕσα ἔπαρσις τῆς ψυχῆς, πάθος ἐστί, πῶς ἂν τις ἅμα τε ἀποδοῖτο πάντα τὰ ὑπάρχοντα καὶ διαδοίη πτωχοῖς, ἅμα δὲ ἀπαλλαγείη τοῦ ἀλόγως ἐπαίρεσθαι; ...</u></p> <p><u>εἴτε γὰρ παρ' αὐτὸ τοῦτο μόνον φήσομέν τινα τέλειον γεγονέναι, κἂν μὴ ἀναλαβῶν ἢ ἂ ἐξεθέμεθα, ἀτόπῳ περιπεσοῦμεθα λέγοντες εἶναι τινα καὶ τέλειον ἅμα καὶ ἀμαρτωλόν (ἀμαρτωλὸς γὰρ ὁ ὀργίλος καὶ ὁ τὴν τοῦ κόσμου λύπην λυπούμενος καὶ ὁ τὰ ἐπίπονα ἢ θάνατον φοβούμενος καὶ <ὁ> ἐπιθυμῶν τῶν ἀπόντων καὶ <ὁ> ἀλόγως ἐπαιρούμενος τὴν ψυχὴν ὡς ἐπ' ἀγαθοῖς τοῖς οὐκ ἀγαθοῖς).</u></p>	<p>может случиться [в жизни] и вызвать печаль? Как он будет <u>совершенно освобожден от страха перед страданиями, смертью или всем, что может утратить еще весьма не совершенную душу?</u> Каким образом продавший имение и раздавший [его] нищим окажется <u>выше всякого желания?</u>.. Если же и так называемое <u>наслаждение, будучи неразумным возбуждением души, есть страсть, то как кто-либо одновременно отдаст все имение и раздаст [его] нищим, и в то же время освободится от неразумного возбуждения?</u>..</p> <p><u>Ведь если мы скажем, что некто стал совершенным только благодаря этому [т.е. отказу от имения и раздаче его нищим], хотя и не воспринял тех [качеств], что мы перечислили, то мы впадем в нелепость, говоря, что некто является одновременно совершенным [человеком] и грешником (ведь <u>грешен гневливый и печалющийся мирской печалью, и страшющийся мучений или смерти, и желающий того, что отсутствует, и тот, чья душа неразумно возбуждена из-за не благ словно из-за благ</u>)</u></p>
--	---

C.

<p>1) Plat. Resp. 387de <u>φαμέν δὲ δὴ ὅτι ὁ ἐπιεικῆς ἀνὴρ τῷ ἐπιεικεῖ, οὐπερ καὶ ἑταῖρός ἐστιν, τὸ τεθάναι οὐ δεινὸν ἡγήσεται.</u> Φαμέν γάρ. <u>Οὐκ ἄρα ὑπὲρ γ' ἡμέκεινου ὡς δεινὸν τι πεπονθότος ὀδύροιτ' ἕαν.</u> Οὐ δῆτα. <u>Ἀλλὰ μὴν καὶ τότε λέγομεν, αἰὼς ὁ τοιοῦτος μάλιστα αὐτὸς αὐτῷ αὐτάρκης πρὸς τὸ εὖ ζῆν καὶ διαφερόντως τῶν ἄλλων ἤκιστα ἑτέρου προσδεῖται.</u> Ἀληθῆ, αἰετῆ. <u>Ἦκιστα ἄρ' αὐτῷ δεινὸν στερηθῆναι υἱός ἢ ἀδελφοῦ ἢ χρημάτων ἢ ἄλλου του τῶν τοιούτων.</u> Ἦκιστα μέντοι. <u>Ἦκιστ' ἕα ἄρα καὶ ὀδύρεσθαι, φέρειν δὲ ὡς προάτατα, ὅταν τις αὐτὸν τοιαύτη συμφορὰ καταλάβῃ.</u> Πολύ γε</p>	<p>Мы утверждаем, что <u>достойный человек не считает чем-то ужасным смерть другого, тоже достойного человека, хотя бы это и был его друг.</u> – Да, мы так утверждаем. – <u>Значит, он не станет сетовать, словно того постигло нечто ужасное.</u> – Конечно, не станет. – Но мы говорим также, что <u>такой человек больше кого бы то ни было довлеет сам себе, ведя <u>достойную жизнь, и в отличие от всех остальных мало нуждается в ком-то другом.</u></u> е – Это верно. – <u>Значит, для него совсем не страшно лишиться сына или брата, или имущества, или чего-либо другого, подобного этому.</u> – Совсем не страшно. – <u>Значит, он вовсе не будет сетовать и с величайшей кротостью перенесет постигшее его несчастье.</u> – С величайшей.</p>
<p>2) Sen. Prov. 3, 1 <u>Sed iam procedente oratione ostendam quam non sint quae uidentur mala: nunc illud dico, ista quae tu uocas aspera, quae aduersa et abominanda, primum pro ipsis esse quibus accidunt, deinde pro uniuersis, quorum maior dis cura quam singulorum est, post hoc uolentibus accidere ac digno malo esse si nolint. His adiciam fato ista sic ire et eadem lege bonis euenire qua sunt boni. Persuadebo deinde tibi ne umquam boni uiri</u></p>	<p>А теперь я поведу свое рассуждение дальше и докажу тебе, что <u>не все то зло, что злом кажется. Начну с того, что вещи, которые ты зовешь трудностями, превратностями и ужасными бедствиями, не являются таковыми, во-первых, для тех, на чью долю они выпали, во-вторых, для человечества в целом, о котором боги заботятся больше, чем об отдельных людях; что, кроме того, те, кому выпадет подобная злая участь, принимают ее добровольно, а если не желают принимать, то</u></p>

<p>miserearis; potest enim miser dici, non potest esse.</p>	<p>заслуживают такой участи. Затем я покажу тебе, что это приключается с добрыми людьми по воле рока и по тому же самому закону, по которому они добрые люди. Наконец, я постараюсь убедить тебя никогда не жалеть доброго мужа, ибо он может иногда казаться достойным жалости, но не может им быть.</p>
<p>3) Plot. Enn. 1, 4, 7, 32-47</p> <p><u>Εἰ δὲ οἰκεῖοι αὐτῷ αἰχμάλωτοι, οἷον ἐλκόμενοι υἱοὶ καὶ θυγατέρες – τί οὖν, φήσομεν, εἰ ἀποθνήσκοι μηδὲν τοιοῦτον ἑωρακώς; Ἄρ' ἂν οὕτω δόξης ἔχοι ἀπιών, ὡς μὴ ἂν τούτων ἐνδεχομένων γενέσθαι; Ἀλλ' ἀτοπος ἂν εἴη. Οὐκ ἂν οὖν δοξάσειεν, ὡς ἐνδέχεται τοιαύταις τύχαις τοὺς οἰκεῖους περιπεσεῖν; Ἄρ' οὖν διὰ τὸ οὕτως ἂν δόξαι ὡς καὶ γενησομένου ἂν οὐκ εὐδαίμων; Ἦ καὶ δοξάζων οὕτως εὐδαίμων ὥστε καὶ γινομένου. Ἐνθυμοῖτο γὰρ ἂν, ὡς ἡ τοῦδε τοῦ παντὸς φύσις τοιαύτη, οἷα καὶ τὰ τοιαῦτα φέρειν, καὶ ἔπεσθαι χρῆ. Καὶ πολλοὶ δὴ καὶ ἄμεινον αἰχμάλωτοι γενόμενοι πράξουσι. Καὶ ἐπ' αὐτοῖς δὲ βαρυνόμενοις ἀπελθεῖν ἢ μένοντες ἢ εὐλόγως μένουσι καὶ οὐδὲν δεινόν, ἢ ἀλόγως μένοντες, δέον μὴ, αὐτοῖς αἴτιοι. Οὐ γὰρ δὴ διὰ τὴν τῶν ἄλλων ἄνοιαν οἰκειῶν ὄντων αὐτὸς ἐν κακῷ ἔσται καὶ εἰς ἄλλων εὐτυχίας καὶ δυστυχίας ἀναρτήσεται.</u></p> <p>1, 4, 8</p> <p>Τὸ δὲ τῶν ἀλγηδόνων αὐτοῦ, ὅταν σφοδραὶ ὤσιν, ἕως δύναται φέρειν, οἷσει· εἰ δὲ ὑπερβάλλουσιν, ἐξοίσουσι. <u>Καὶ οὐκ ἐλεεινὸς ἔσται ἐν τῷ ἀλγεῖν, ἀλλὰ τὸ αὐτοῦ καίει [τῷ] ἔνδον φέγγος, οἷον ἐν λαμπτήρι φῶς πολλοῦ ἕξωθεν πνέοντος ἐν πολλῇ ζάλῃ ἀνέμων καὶ χειμῶνι. Ἀλλ' εἰ μὴ παρακολουθοῖ, ἢ παρατείνει τὸ ἀλγεῖν ἐπὶ τοσοῦτον αἰρόμενον, ὥστε ἐν τῷ σφοδρῷ ὅμως μὴ ἀποκτινύναι; Ἀλλ' εἰ μὲν παρατείνει, τί χρῆ ποιεῖν βουλευέσεται; οὐ γὰρ ἀφήρηται τὸ αὐτεξούσιον ἐν τούτοις.</u></p> <p>Χρῆ δὲ εἰδέναι, ὡς οὐχ, <u>οἷα τοῖς ἄλλοις φαίνεται, τοιαῦτα καὶ τῷ σπουδαίῳ φανεῖται ἕκαστα</u>, καὶ οὐ μέχρι τοῦ εἶσω ἕκαστα οὔτε τὰ ἄλλα [οὔτε ἀλγεινὰ] οὔτε τὰ λυπηρά. <u>Καὶ ὅταν περὶ ἄλλους τὰ ἀλγεινὰ; ἀσθένεια γὰρ εἴη ψυχῆς ἡμετέρας. Καὶ τοῦτο μαρτυρεῖ, ὅταν λανθάνειν ἡμᾶς κέρδος ἡγώμεθα καὶ ἀποθανόντων ἡμῶν, εἰ γίγνοιτο, κέρδος εἶναι τιθεμένων καὶ οὐ τὸ ἐκείνων ἔτι σκοποῦμένων, ἀλλὰ τὸ αὐτῶν, ὅπως μὴ λυποῖμεθα.</u></p> <p>Τοῦτο δὲ ἡμετέρα ἤδη ἀσθένεια, ἣν δεῖ περιαιρεῖν, ἀλλὰ μὴ ἐῶντας φοβέσθαι μὴ γένηται. <u>Εἰ δὲ τις λέγοι οὕτως ἡμᾶς πεφυκέναι, ὥστε ἀλγεῖν ἐπὶ ταῖς τῶν οἰκειῶν συμφοραῖς, γιγνωσκέτω, ὅτι οὐ πάντες οὕτω,</u></p>	<p><u>И если пленники – его близкие, например, уводимые в плен невестки и дочери, что же, скажем мы, если бы он умер, ничего этого не увидев? Неужели, уходя [из жизни], он держался бы того мнения, что эти [события] не могут произойти? Но тогда он был бы нелеп. Итак, разве он не счел бы, что близкие могут подвергнуться таким случайностям? Неужели из-за того, что он так счел, будто так случится, он несчастен? Да ведь даже и считая так, он счастлив, так что [он счастлив], и если это происходит. Ибо он принял бы во внимание, что природа этой вселенной такова, что следует переносить и такое и покориться.</u> И уж конечно, многие, став пленниками, будут даже более благополучны. И от них зависит уйти [из жизни], если им тяжело; или же, оставаясь, они либо остаются на разумном основании и [тогда в этом нет] ничего ужасного, либо, оставаясь без разумных оснований, когда следует не [оставаться], они [сами] виновны перед самими собой. И уж конечно, [мудрец] не будет сам [пребывать] во зле из-за безрассудства других, если они его близкие, и не будет зависеть от удач и неудач других.</p> <p>Что же касается его собственных болей, когда они окажутся сильны, он будет переносить их, пока сможет переносить; если же они будут чрезмерны, то [это они его] унесут. <u>И он не будет заслуживать жалости, претерпевая боль, но его внутреннее сияние горит, словно свет в лампаде, когда снаружи сильно дует из-за неистовства ветров и бури. Но если он потеряет сознание [сойдет с ума?] или если боль продлится, увеличившись настолько, чтобы, будучи сильной, все же не убить? Но если продлится, он решит, что следует делать; ибо [у него] не отнято свободное произволение в этих [обстоятельствах].</u></p> <p>Следует же знать, что <u>все эти вещи не покажутся достойному [человеку] такими, какими они кажутся остальным, и все они не [проникают] внутрь его, ни остальные, ни болезненные и печальные. И когда болезненные [переживания] касаются других? Ведь это было бы слабостью нашей души. Об этом свидетельствует и то, что мы считаем выгодным, когда [несчастья близких] скрыты от нас, полагая выгодой, если это происходит после нашей смерти, и заботясь уже не об их [выгоде], но о собственной, дабы нам не печалиться.</u></p> <p><u>И это уже есть наша слабость, от которой следует отделаться, а не страшиться, как бы [такое] не случилось, допустив [ее]. Если же кто скажет, что нам по природе свойственно страдать из-за несчастий близких [людей], то пусть знает, что это так не для всех и что добродетели</u></p>

<p>καὶ ὅτι τῆς ἀρετῆς τὸ κοινὸν τῆς φύσεως πρὸς τὸ ἄμεινον ἄγειν καὶ πρὸς τὸ κάλλιον παρὰ τοὺς πολλούς· κάλλιον δὲ τὸ μὴ ἐνδιδόναι τοῖς νομιζομένοις τῇ κοινῇ φύσει δεινοῖς εἶναι. Οὐ γὰρ ἰδιωτικῶς δεῖ, ἀλλ' οἷον ἀθλητὴν μέγαν διακεῖσθαι τὰς τῆς τύχης πληγὰς ἀμυνόμενον, γινώσκοντα μὲν ὅτι τινὶ φύσει ταῦτα οὐκ ἀρεστά, τῇ δ' αὐτοῦ φύσει οἰστά, οὐχ ὡς δεινά, ἀλλ' ὡς παισὶ φοβερά. Ταῦτ' οὖν ἤθελεν; Ἡ καὶ πρὸς τὰ μὴ θελητά, ὅταν παρῇ, <u>ἀρετὴν</u> καὶ πρὸς ταῦτα ἔχει <u>δυσκίνητον</u> καὶ <u>δυσπαθῆ</u> τὴν ψυχὴν <u>παρέχουσαν</u>.</p>	<p><u>свойственно направлять общую природу к лучшему и более прекрасному [состоянию], чем у большинства; а более прекрасное – в том, чтобы не поддаваться тому, что общей природе кажется ужасным.</u> Ибо надо быть расположенным не полюбительски, но словно великий атлет, отражающий удары судьбы, который знает, что чьей-то природе это неприятно, а для его собственной природы переносимо не как [нечто] ужасное, но как детские страшилки. Стало быть, он этого хотел? Ему присуща <u>добродетель</u>, которая делает <u>недвижимой и бесстрашной</u> его душу даже в отношении к нежеланному, когда бы оно ни наступило, и [в том числе] к этому.</p>
---	---

V

<p>1) Porphy. Ad Marcellam, 14 = Sent. Pyth. 110 Chadwick ἀδύνατον τὸν αὐτὸν φιλόθεόν τε εἶναι καὶ φιλήδονον καὶ φιλοσώματον. <u>ὁ γὰρ φιλήδονος καὶ φιλοσώματος, ὁ δὲ φιλοσώματος πάντως καὶ φιλοχρήματος, ὁ δὲ φιλοχρήματος ἐξ ἀνάγκης ἄδικος, ὁ δὲ ἄδικος καὶ εἰς θεὸν καὶ εἰς πατέρας ἀνόσιος καὶ εἰς τοὺς ἄλλους παράνομος.</u> ὥστε κἂν ἑκατόμβας θύῃ καὶ μυρίοις ἀναθήμασι τοὺς νεῶς ἀγάλλῃ, ἀσεβὴς ἔστι καὶ ἄθεος καὶ τῇ προαιρέσει ἱερόσυλος. διὸ καὶ πάντα φιλοσώματον ὡς ἄθεον καὶ μιᾶρὸν ἐκτρέπεσθαι χρή.</p>	<p>Невозможно, чтобы один и тот же человек любил как Бога, так и удовольствие и тело. <u>Ибо любящий удовольствие, любит и тело, любящий тело непременно любит и деньги, а любящий деньги по необходимости несправедлив, несправедливый же нечестив в отношении и к Богу, и к родителям, и беззаконен в отношении к другим.</u> Так что даже если он совершает гекатомбы и украшает храмы бесчисленными приношениями, он нечестивец, безбожник и святотатец по своим намерениям. Потому и следует избегать всякого человека, любящего телесное, как безбожника и преступника.</p>
<p>2) Porphy. De abstin. 3, 26, 5-6 ὁ γὰρ λέγων ὅτι ὁ παρεκτείνων τὸ δίκαιον ἄχρη τῶν ζῶων φθείρει τὸ δίκαιον, ἀγνοεῖ ὡς αὐτὸς οὐ τὴν δικαιοσύνην διασώζει, ἀλλ' ἡδονὴν ἐπαύξει, ἣ ἔστι δικαιοσύνη πολέμιον. ἡδονῆς γοῦν οὐσης τέλους, δείκνυται δικαιοσύνη ἀναιρουμένη. ἐπεὶ ὅτι τὸ δίκαιον συναύξεται διὰ τῆς ἀποχῆς τίτι οὐ δῆλον;</p>	<p>Тот, кто говорит, будто распространение справедливости на животных, уничтожает справедливость, не ведает, что сам он не справедливость сохраняет, а поощряет <u>удовольствие, которое враждебно справедливости.</u> В самом деле, если цель – <u>удовольствие, то справедливость явно уничтожается.</u> Ибо кому не ясно, что <u>справедливость возрастает вместе с воздержанием?</u></p>
<p>3) Porphy. De abstin. 3, 27, 1 οὔτε τοίνυν ἡδονῆς οὐσης τέλους ἢ ὄντως σώζεται δικαιοσύνη, οὔτε τῶν πρώτων κατὰ φύσιν συμπληρούντων τὴν εὐδαιμονίαν, ἢ ἐκκειμένων γε πάντων. ἐν πολλοῖς γὰρ τὰ τῆς ἀλόγου κινήματα φύσεως καὶ αἱ χρεῖαι ἀδικίας κατάρχει. αὐτίκα τῆς ζωοφαγίας ἐδεήθησαν, ἵνα τὴν φύσιν, ὡς φασίν, διαφυλάξωσιν ἀλύπητον καὶ ἀνευδεᾶ ὧν ὀρέγεται. <u>τοῦ δ' ὁμοιοῦσθαι θεῷ ὄντος τέλους ὡς ἐνὶ μάλιστα, σώζεται τὸ ἀβλαβὲς ἐν ἅπασιν.</u></p>	<p>Итак, истинная справедливость не сохраняется ни в том случае, если цель – удовольствие, ни в том, если первые по природе [вещи = неморальные блага] составляют счастье или, <u>по крайней мере, все доступны.</u> Ибо у большинства движения неразумной природы и потребности кладут начало <u>несправедливости.</u> Например, им понадобилось есть животных, чтобы, как они говорят, сохранить свою природу беспечальной и не нуждающейся в тех вещах, к которым она стремится. Если же цель – <u>уподобляться Богу, насколько только возможно, то безвредность сохраняется во всех.</u></p>
<p>4) Epict. Diss. 1.18.13-14 ὁ γείτων σου οὐκ ἔχει· θυρίδα ἔχεις, θέλεις αὐτὰ ψῦξαι. <u>οὐκ οἶδεν ἐκεῖνος τί τὸ ἀγαθὸν ἔστι τοῦ</u></p>	<p>У тебя есть красивые плащи, у соседа твоего их нет. У тебя есть окошко, ты хочешь проветрить их. <u>Тот не знает, в чем благо человека, но по его</u></p>

<p><u>ἀνθρώπου, ἀλλὰ φαντάζεται ὅτι τὸ ἔχειν καλὰ ἱμάτια, τοῦτο ὁ καὶ σὺ φαντάζει. εἶτα μὴ ἔλθῃ καὶ ἄρῃ αὐτά; ἀλλὰ σὺ πλακοῦντα δεικνύων ἀνθρώποις λίχνους καὶ μόνος αὐτὸν καταπίνων οὐ θέλεις ἵνα αὐτὸν ἀρπάσωσι; μὴ ἐρέθιζε αὐτούς, θυρίδα μὴ ἔχε, μὴ ψυχὴ σου τὰ ἱμάτια.</u></p>	<p><u>представлению оно в том, чтобы иметь красивые плащи, так же как и по твоему представлению. Ну как же ему не пойти и стянуть их? А ты, показывая лакомкам лепешку и поглощая ее один, хочешь, чтобы они не стащили ее? Не дразни их, не имей окошка, не проветривай своих плащей.</u></p>
<p>5) 1.22.13-14 <u>ἐνδέχεται οὖν βλαπτόμενον καὶ ἀποτυγχάνοντα τῶν ἀγαθῶν εὐδαιμονεῖν; – Οὐκ ἐνδέχεται. – Καὶ τὴν πρὸς τοὺς κοινωνοὺς οἴαν δεῖ..... ἀναστροφῆν; καὶ πῶς ἐνδέχεται; ἐγὼ γὰρ πέφυκα πρὸς τὸ ἐμὸν συμφέρον. εἰ συμφέρει μοι ἀγρόν ἔχειν, συμφέρει μοι καὶ ἀφελῆσθαι αὐτὸν τοῦ πλησίον· εἰ συμφέρει μοι ἱμάτιον ἔχειν, συμφέρει μοι καὶ κλέψαι αὐτὸ ἐκ βαλανείου. <u>ἐνθεν πόλεμοι, στάσεις, τυραννίδες, ἐπιβουλαί.</u></u></p>	<p><u>Так возможно ли, терпя вред и терпя неуспех в благах, быть счастливым? Невозможно. И вести себя как должно по отношению к обществу? Да как это возможно? Ведь я по природе рожден для своей пользы. Если мне полезно иметь землю, значит, мне полезно и отнять ее у ближнего. Если мне полезно иметь плащ, значит, мне полезно и украсть его из бани. Отсюда войны, междоусобицы, тирании, козни.</u></p>
<p>6) 2.22.9-11 – Τί οὖν; κυνάρια οὐδέποτ' εἶδες σαίνοντα καὶ προσπαίζοντα ἀλλήλοις, ἴν' εἴπῃς 'οὐδὲν φιλικώτερον'; ἀλλ' ὅπως ἴδῃς, τί ἐστὶ φιλία, βάλε κρέας εἰς μέσον καὶ γνώσῃ. βάλε καὶ σοῦ καὶ τοῦ παιδίου μέσον ἀγριδίον καὶ γνώσῃ, πῶς σὲ τὸ παιδίον ταχέως κατορύξει θέλει καὶ σὺ τὸ παιδίον εὖχῃ ἀποθανεῖν. εἶτα σὺ πάλιν οἶον ἐξέθρεψα τεκνίον· πάλαι ἐκφέρει'. βάλε κορασίδιον κομψὸν καὶ αὐτὸ ὁ γέρον φίλει <u>κάκεϊ νος ὁ νέος· ἂν δέ, δοξάριον. ἂν δέ κινδυνεῦσαι δέη, ἐρεῖς τὰς φωνὰς τὰς τοῦ Ἀδμήτου πατρός·</u> [χαίρεις ὄρων φῶς, πατέρα δ' οὐ χαίρειν δοκεῖς;] θέλεις βλέπειν φῶς, πατέρα δ' οὐ θέλειν δοκεῖς; 2.22.15-20 Καθόλου γὰρ–μὴ ἐξαπατᾶσθε–πάν ζῶον οὐδενὶ οὕτως ᾠκείωται ὡς τῷ ἰδίῳ συμφέροντι. ὅ τι ἂν οὖν πρὸς τοῦτο φαίνεται αὐτῷ ἐμποδίζειν, ἂν τ' ἀδελφὸς ἢ τοῦτο ἂν τε πατὴρ ἂν τε τέκνον ἂν τ' ἐρώμενος ἂν τ' ἐραστής, μισεῖ, προβάλλεται, καταρᾶται. οὐδὲν γὰρ οὕτως φιλεῖν πέφυκεν ὡς τὸ αὐτοῦ συμφέρον· τοῦτο πατὴρ καὶ ἀδελφὸς καὶ συγγενεῖς καὶ πατρίς καὶ θεός. <u>ὅταν γοῦν εἰς τοῦτο ἐμποδίζειν ἡμῖν οἱ θεοὶ δοκῶσιν, κάκεινους λοιδοροῦμεν</u> καὶ τὰ ἰδρύματα αὐτῶν καταστρέφομεν καὶ τοὺς ναοὺς ἐμπιπρῶμεν, ὥσπερ Ἀλέξανδρος ἐκέλευσεν ἐμπρησθῆναι τὰ Ἀσκληπεία ἀποθανόντος τοῦ ἐρωμένου. διὰ τοῦτο ἂν μὲν ἐν ταύτῳ τις θῇ τὸ συμφέρον καὶ τὸ ὄσιον καὶ τὸ καλὸν καὶ πατρίδα καὶ γονεῖς καὶ φίλους, σῶζεται ταῦτα πάντα· ἂν δ' ἀλλαχοῦ μὲν τὸ συμφέρον, ἀλλαχοῦ δὲ τοὺς φίλους καὶ τὴν πατρίδα καὶ τοὺς συγγενεῖς</p>	<p>– Что же, разве ты не видел никогда, как ласкаются и играют друг с другом собачата, так что мог сказать: «Нет ничего дружелюбнее!»? <u>Но чтобы ты увидел, что такое дружба, брось между ними кусок мяса, и узнаешь. Брось и между собой и своим дитятею клочок земли, и ты узнаешь, как твое дитя хочет поскорее похоронить тебя, а сам ты молишь о смерти своего дитяти. И вот, ты, в свою очередь: «Какое чадушко я взрастил! Он давно выносит меня хоронить».</u> Брось между вами смазливую девчонку, и полюби ее ты, старик, и он, молодой. А то – брэнную славу. А если надо будет подвергнуться опасности, ты скажешь те слова, которые произнес <u>отец Адмета:</u> Ты видеть хочешь свет, не хочет ужель – отец? Да и вообще, – не обманывайтесь, – всякое живое существо ни к чему так не привязано, как к своей личной пользе. Поэтому все, что представляется ему препятствием к этому, будь то брат, будь отец, будь чадо, будь любимый, будь любящий, оно ненавидит, обвиняет, проклинаят. Ведь оно по природе рождено ничего так не любить, как свою пользу: в ней и отец, и брат, и родные, и отечество, и бог. И вот когда нам кажется, что в этом препятствуют нам боги, мы и их поносим, опрокидываем их статуи, сжигаем храмы, как Александр велел сжечь святилище Асклепия из-за того, что его любимый умер. Поэтому если кто положит пользу и святость, прекрасное, отечество, родителей, друзей в одном и том же месте, то все это сохраняется, если же положит пользу в одном месте, а друзей, отечество, родных и само справедливое в другом месте, то все это, перевешиваемое пользой, отступает прочь.</p>

<p>καὶ αὐτὸ τὸ δίκαιον, οἴχεται πάντα ταῦτα καταβαρούμενα ὑπὸ τοῦ συμφέροντος. ὅπου γὰρ ἂν τὸ 'ἐγὼ' καὶ τὸ 'ἐμὸν', ἐκεῖ ἀνάγκη ρέπειν τὸ ζῶον· εἰ ἐν σαρκί, ἐκεῖ τὸ κυριεῦον εἶναι· εἰ ἐν προαιρέσει, ἐκεῖ[νο] εἶναι· εἰ ἐν τοῖς ἐκτός, ἐκεῖ[νο]. εἰ τοίνυν ἐκεῖ εἰμι ἐγὼ, ὅπου ἢ προαίρεσις, οὕτως μόνως καὶ φίλος ἔσομαι οἷος δεῖ καὶ υἱὸς καὶ πατήρ. τοῦτο γὰρ μοι συνοίσει τηρεῖν τὸν πιστόν, τὸν αἰδήμονα, τὸν ἀνεκτικόν, τὸν ἀφεκτικόν καὶ συνεργητικόν, φυλάσσειν τὰς σχέσεις.</p>	<p>Ведь где «я» и «мое», туда неизбежно должно склоняться живое существо: если в плоти, главенствующее неизбежно должно находиться там; если в свободе воли, то – там; если в том, что относится к внешнему миру, то – там. Стало быть, если я там, где свобода воли, то только так буду я и другом, каким должен быть, и сыном, и отцом. Это ведь будет мне <u>польза</u> – сохранять в себе честного, совестливого, терпимого, воздержного и способного к содействию, соблюдать отношения.</p>
<p>2.22.28 οὐ γὰρ ἀνθρωπικὸν δόγμα ἐστὶ τὸ πο<ι>οῦν δάκνειν ἀλλήλους καὶ λοιδορεῖσθαι καὶ τὰς ἐρημίας καταλαμβάνειν ἢ τὰς ἀγορὰς ὡς τὰ ὄρη καὶ ἐν τοῖς δικαστηρίοις ἀποδείκνυσθαι τὰ ληστῶν· οὐδὲ τὸ ἀκρατεῖς καὶ μοιχοὺς καὶ φθορεῖς ἀπεργαζόμενον οὐδ' ὅσ' ἄλλα πλημμελοῦσιν ἄνθρωποι κατ' ἀλλήλων δι' ἓν καὶ μόνον τοῦτο δόγμα, τὸ ἐν τοῖς ἀπροαιρέτοις τίθεσθαι αὐτοὺς καὶ τὰ ἑαυτῶν.</p>	<p><u>Это ведь не человеческое мнение заставляет кусаться и поносить друг друга, занимать уединенные места или площади собраний, как разбойники горы, и в судах выказывать разбойничьи нравы, и это не оно превращает в невоздержных, в прелюбодеев, в растлителей, и все остальные проступки, которые люди допускают друг против друга, проистекают от одного и только одного этого мнения – полагать самих себя и все свое в том, что не зависит от свободы воли.</u></p>
<p>7) 3.3.5-10 Διὰ τοῦτο πάσης οἰκειότητος προκρίνεται τὸ ἀγαθόν. οὐδὲν ἐμοὶ καὶ τῷ πατρί, ἀλλὰ τῷ ἀγαθῷ. 'οὕτως εἰ σκληρός;' οὕτως γὰρ πέφυκα· τοῦτό μοι τὸ νόμισμα δέδωκεν ὁ θεός. διὰ τοῦτο, <u>εἰ τοῦ καλοῦ καὶ δικαίου τὸ ἀγαθὸν ἕτερόν ἐστιν, οἴχεται καὶ πατήρ καὶ ἀδελφός καὶ πατέρις καὶ πάντα τὰ πράγματα.</u> ἀλλ' ἐγὼ τὸ ἐμὸν ἀγαθὸν ὑπερίδω, ἵνα σὺ σχῆς, καὶ παραχωρήσω σοι; ἀντί τίνος; 'πατήρ σου εἰμί.' ἀλλ' οὐκ ἀγαθόν. 'ἀδελφός σου εἰμί.' ἀλλ' οὐκ ἀγαθόν. <u>ἐὰν δ' ἐν ὀρθῇ προαιρέσει θῶμεν, αὐτὸ <τὸ> τηρεῖν τὰς σχέσεις ἀγαθὸν γίνεται·</u> καὶ λοιπὸν ὁ τῶν ἐκτός τινων ἐκχωρῶν, οὗτος τοῦ ἀγαθοῦ τυγχάνει. 'αἶρει τὰ χρήματα ὁ πατήρ.' ἀλλ' οὐ βλάπτει. 'ἔξει τὸ πλεόν τοῦ ἀγροῦ <ὁ ἀδελφός>.' ὅσον καὶ θέλει. μή τι οὖν τοῦ αἰδήμονος, μή τι τοῦ πιστοῦ, μή τι τοῦ φιλαδέλφου; ἐκ ταύτης γὰρ τῆς οὐσίας τίς δύναται ἐκβαλεῖν; οὐδ' ὁ Ζεὺς. οὐδὲ γὰρ ἠθέλησεν, ἀλλ' ἐπ' ἐμοὶ αὐτὸ ἐποίησεν καὶ ἔδωκεν οἶον εἶχεν αὐτός, ἀκώλυ[σ]τον, ἀνανάγκαστον, ἀπαραπόδιστον.</p>	<p>Поэтому благо предпочитается всякому родству. Мне нет никакого дела до отца, а только – до блага. «Ты так черств?» Я так ведь по природе рожден. Эту дал мне монету бог. <u>Поэтому, если благо отлично от прекрасного и справедливого, то отступают прочь и отец, и брат, и отечество, и все дела.</u> А разве я пренебрегу своим благом, чтобы им обладал ты, и уступлю его тебе? За что? «Я твой отец», Но не благо. «Я твой брат». Но не благо. <u>А если мы положим его в правильной свободе воли, то соблюдение отношений становится благом.</u> Стало быть, кто отказывается от притязаний на то, что относится к внешнему миру, тот достигает блага. «Отец лишает имущества». Но он не причиняет этим вреда. «Брат будет иметь большую часть земли». Да сколько ему угодно. Так разве совестливости, разве честности, разве братолюбия? Из этого-то владения кто может изгнать? Даже Зевс не может. Он ведь и не пожелал этого, но сделал это зависящим от меня и дал, каким имел сам, неподвластным помехам, неподвластным принуждениям, неподвластным препятствиям.</p>
<p>8) 3.7.12-17 τὸ γὰρ κλέψαι οὐδ' αὐτὸς Ἐπίκουρος ἀποφαίνει κακόν, ἀλλὰ τὸ ἐμπεισεῖν· καὶ ὅτι πίστιν περὶ τοῦ λαθεῖν λαβεῖν ἀδύνατον, διὰ τοῦτο λέγει 'μὴ κλέπτετε'. ἀλλ' 'ἐγὼ σοι λέγω, ὅτι ἐὰν κομψῶς καὶ περιεσταλμένως γίνηται, λησόμεθα· εἶτα καὶ 'φίλους ἐν τῇ Ῥώμῃ ἔχομεν δυνατοὺς καὶ φίλ[ι]ας' καὶ 'οἱ Ἕλληνες ἀδρανεῖς εἰσιν· οὐδεὶς τολμήσει ἀναβῆναι τούτου ἕνεκα'. <u>τί ἀπέχη τοῦ ἰδίου ἀγαθοῦ; ἄφρον ἐστὶ τοῦτο,</u></p>	<p>Ведь украсть и сам Эпикур не объявляет злом, но зло – попасться. И так как невозможно получить уверенность в том, что никто не узнает об этом, потому он говорит: «Не крадите». Но я тебе говорю, что, если это будет делаться искусно и тайно, никто не узнает об этом. Да потом у нас есть в Риме друзья могущественные и дружеские связи, и эллины бессильны: никто из них не осмелится обратиться туда по этому делу. <u>Что ты воздерживаешься от своего собственного блага?</u></p>

<p>ἡλίθιον ἔστιν. ἀλλ' οὐδ' ἂν λέγῃς μοι, ὅτι ἀπέχῃ, πιστεύσω σοι. ὡς γὰρ ἀδύνατόν ἐστι τῷ ψευδεὶ φαينوμένῳ συγκαταθέσθαι καὶ ἀπὸ τοῦ ἀληθοῦς ἀπονεῦσαι, οὕτως ἀδύνατόν ἐστι τοῦ φαينوμένου ἀγαθοῦ ἀποστήναι. ὁ πλοῦτος δ' ἀγαθὸν καὶ οἰοναεὶ τὸ ποιητικώτατόν γε τῶν ἡδονῶν. διὰ τί μὴ περιποιήσῃ αὐτόν; διὰ τί δὲ μὴ τὴν τοῦ γείτονος γυναῖκα διαφθειρώμεν, ἂν δυνώμεθα λαθεῖν, ἂν δὲ φλυαρῇ ὁ ἀνὴρ, καὶ αὐτὸν προσεκτραχηλίσωμεν; εἰ θέλεις εἶναι φιλόσοφος οἷος δεῖ, εἴ γε τέλειος, εἰ ἀκολουθῶν σου τοῖς δόγμασιν·</p>	<p>Глупо это, бессмысленно. Но даже если ты будешь говорить мне, что воздерживаешься, я не поверю тебе. Ведь как невозможно согласиться с тем, что представляется ложным, и отвергнуть истинное, так невозможно отказаться от того, что представляется благом. А богатство – благо и, во всяком-то случае, наиболее действенное средство для достижения удовольствий. Почему бы тебе не присвоить его? А почему бы нам не совращать жену соседа, если мы можем сделать это так, чтобы никто не узнал, а если муж начнет молотить вздор, почему бы к тому же не отрубить ему голову? Если хочешь быть философом, каким он должен быть, если уж совершенным, если следующим своим мнениям. А иначе ты ничем не будешь отличаться от нас, так называемых стоиков.</p>
<p>9) 4.5.29-32 Ἐτεοκλέα καὶ Πολυνεΐκη τὸ πεποικῶς οὐκ ἄλλο ἢ τοῦτο, τὸ δόγμα τὸ περὶ τυραννίδος, τὸ δόγμα τὸ περὶ φυγῆς, ὅτι τὸ μὲν ἔσχατον τῶν κακῶν, τὸ δὲ μέγιστον τῶν ἀγαθῶν. φύσις δ' αὕτη παντός, τὸ διώκειν τὸ ἀγαθόν, φεύγειν τὸ κακόν· τὸν ἀφαιρούμενον θατέρου καὶ περιβάλλοντα τῷ ἐναντίῳ, τοῦτον ἠγείσθαι πολέμιον, ἐπίβουλον, κἂν ἀδελφὸς ᾦ, κἂν υἱός, κἂν πατήρ. τοῦ γὰρ ἀγαθοῦ συγγενέστερον οὐδέν· λοιπὸν εἰ ταῦτα ἀγαθὰ καὶ κακὰ, οὔτε πατήρ υἱοῖς φίλος οὔτ' ἀδελφὸς ἀδελφῶ, πάντα δὲ πανταχοῦ μεστὰ πολεμίων, ἐπιβούλων, συκοφαντῶν. εἰ δ' οἷα δεῖ προαίρεσις, τοῦτο μόνον ἀγαθόν ἐστιν, καὶ οἷα μὴ δεῖ, τοῦτο μόνον κακόν, ποῦ ἔτι μάχη, ποῦ λοιδορία; περὶ τίνων; περὶ τῶν οὐδὲν πρὸς ἡμᾶς; πρὸς τίνας; πρὸς τοὺς ἀγνοοῦντας, πρὸς τοὺς δυστυχοῦντας, πρὸς τοὺς ἠπατημένους περὶ τῶν μεγίστων;</p>	<p>Этеокла и Полиника сделало врагами друг друга не что иное, как это, мнение о тирании, мнение об изгнании, что одно – предельное из зол, а другое – величайшее из благ. А такова природа всякого: добиваться блага, избегать зла; того, кто лишает блага и ввергает в противоположное, считать врагом, злоумышленником, будь то брат, будь то сын, будь то отец. Ведь роднее блага нет ничего. Стало быть, если все это есть благо и зло, то ни отец сыновьям не друг, ни брат брату, а все повсюду полно врагов, злоумышленников, изветчиков. Если же только свобода воли, какой она должна быть, есть благо, и только свобода воли, какой она не должна быть, есть зло, то где тут еще спор, где брань? По поводу чего? По поводу того, что не имеет никакого отношения к нам? С кем? С незнающими, с злополучными, с заблуждающимися в самом важном.</p>
<p>10) Marc. Aug. 6, 16 Οὔτε τὸ διαπνεῖσθαι ὡς τὰ φυτὰ τίμιον οὔτε τὸ ἀναπνεῖν ὡς τὰ βοσκήματα καὶ τὰ θηρία οὔτε τὸ τυποῦσθαι κατὰ φαντασίαν οὔτε τὸ νευροσπαστεῖσθαι καθ' ὄρμην οὔτε τὸ συναγελάζεσθαι οὔτε τὸ τρέφεσθαι· τοῦτο γὰρ ὅμοιον τῷ ἀποκρίνειν τὰ περιττώματα τῆς τροφῆς. τί οὖν τίμιον; τὸ κροτεῖσθαι; οὐχί. οὐκοῦν οὐδὲ τὸ ὑπὸ γλωσσῶν κροτεῖσθαι· αἱ γὰρ παρὰ τῶν πολλῶν εὐφημία κρότος γλωσσῶν. ἀφήκας οὖν καὶ τὸ δοξάριον· τί καταλείπεται τίμιον; δοκῶ μὲν τὸ κατὰ τὴν ἰδίαν κατασκευὴν κινεῖσθαι καὶ ἰσχεσθαι, ἐφ' ᾧ καὶ αἱ ἐπιμέλειαι ἄγουσι καὶ αἱ τέχναι... οὐ παύση καὶ ἄλλα πολλὰ τιμῶν; οὔτ' οὖν ἐλεύθερος ἔση οὔτε αὐτάρκης οὔτε ἀπαθής· ἀνάγκη γὰρ φθονεῖν, ζηλοτυπεῖν, ὑφορᾶσθαι τοὺς ἀφελέσθαι ἐκεῖνα δυναμένους, ἐπιβουλεύειν τοῖς ἔχουσι τὸ τιμώμενον ὑπὸ σοῦ· ὅλως πεφύρθαι ἀνάγκη τὸν ἐκείνων τινὸς ἐνδεῆ, προσέτι δὲ</p>	<p>Не дорого дышать, как растения, вдыхать, как скоты и звери, впитывать представления, дергаться в устремлении, жить стадом, кормиться, потому что это сравнимо с освобождением кишечника. Что ж дорого? Чтоб трубили? Нет. Или чтоб языками трубили? ведь хвалы людей - словесные трубы. Значит и славу ты бросаешь. Что ж остается дорогого? Мне думается - двигаться и покоиться согласно собственному строю; то, к чему ведут и упражнения, и искусства... Неужели не перестанешь ты ценить и многое другое? Тогда не бывать тебе свободным, самодостаточным, нестранным, потому что неизбежно станешь завидовать, ревновать, быть подозрительным к тем, кто может отнять это, или еще станешь злоумышлять против тех, кто имеет это ценное тобой. Вообще неизбежно в совершенное замешательство прийти тому, кто нуждается хоть в чем-нибудь таком, да и в богохульство впасть. А вот трепет перед собственным разумением и почитание его сделают, что и сам себе будешь нравиться, и с сотоварищами ладить, и с богами жить в согласии, то есть славить все, что они</p>

<p>πολλὰ καὶ τοῖς θεοῖς μέμφεσθαι. ἡ δὲ τῆς ἰδίας διανοίας αἰδῶς καὶ τιμῆ σεαυτῶ τε ἀρεστόν σε ποιήσει καὶ τοῖς κοινωνοῖς <u>εὐάρμοστον</u> καὶ τοῖς θεοῖς σύμφωνον, <u>τούτέστιν ἐπαινοῦντα ὅσα ἐκείνοι διανέμουσι καὶ διατετάχασιν.</u></p>	<p>уделяют и устрояют.</p>
<p>11) Marc. Aug. 6, 41 <u>Ὅ τι ἂν τῶν ἀπροαιρέτων ὑποστήσῃ σαυτῶ ἀγαθόν ἢ κακόν, ἀνάγκη κατὰ τὴν περίπτωσιν τοῦ τοιούτου κακοῦ ἢ τὴν ἀπότευξιν τοῦ τοιούτου ἀγαθοῦ μέμψασθαι σε θεοῖς καὶ ἀνθρώπους δὲ μισῆσαι τοὺς αἰτίους ὄντας ἢ ὑποπτευομένους ἔσεσθαι τῆς ἀποτεύξεως ἢ τῆς περιπτώσεως· καὶ ἀδικοῦμεν δὴ πολλὰ διὰ τὴν πρὸς ταῦτα διαφορὰν. ἐὰν δὲ μόνα τὰ ἐφ' ἡμῖν ἀγαθὰ καὶ κακὰ κρῖνωμεν, οὐδεμία αἰτία καταλείπεται οὔτε θεῶ ἐγκαλέσαι οὔτε πρὸς ἄνθρωπον στήναι στάσιν πολεμίου.</u></p>	<p><u>Если положишь себе за благо или зло что-нибудь, что не в твоей воле, то, как только будешь ввергнут в такую беду или не дается тебе такое вот благо, неизбежно станешь бранить богов, а людей ненавидеть</u> за то, что стали или, как ты подозреваешь, могут стать причиной того, что ты ввергнут или не далось. <u>И много же мы творим несправедливостей из-за такого различия. Если же будем заниматься только тем благом и злом, что зависят от нас, то нет никакой причины ни бога винить, ни на человека восстать как на врага.</u></p>
<p>12) Marc. Aug. 9, 1, 3-4 καὶ μὴν καὶ ὁ τὰς ἡδονὰς ὡς ἀγαθὰ διώκων, τοὺς δὲ πόνους ὡς κακὰ φεύγων ἀσεβεῖ· ἀνάγκη γὰρ τὸν τοιοῦτον μέμφεσθαι πολλάκις <u>τῇ κοινῇ φύσει ὡς παρ' ἀξίαν τι ἀπονεμούσῃ τοῖς φαύλοις καὶ τοῖς σπουδαίοις, διὰ τὸ πολλάκις τοὺς μὲν φαύλους ἐν ἡδοναῖς εἶναι καὶ τὰ ποιητικὰ τούτων κτᾶσθαι, τοὺς δὲ σπουδαίους πόνῳ καὶ τοῖς ποιητικοῖς τούτου περιπίπτειν. ἔτι δὲ ὁ φοβούμενος τοὺς πόνους φοβηθήσεται ποτε καὶ τῶν ἐσομένων τι ἐν τῷ κόσμῳ, τοῦτο δὲ ἤδη ἀσεβές· ὁ τε διώκων τὰς ἡδονὰς οὐκ ἀφέξεται τοῦ ἀδικεῖν, τοῦτο δὲ ἐναργῶς ἀσεβές·</u> χρηρὴ δὲ πρὸς ἃ ἡ κοινὴ φύσις ἐπίσης ἔχει (οὐ γὰρ ἀμφότερα ἂν ἐποίει, εἰ μὴ πρὸς ἀμφότερα ἐπίσης εἶχε), πρὸς ταῦτα καὶ τοὺς τῇ φύσει βουλομένους ἐπεσθαι, ὁμογνώμονας ὄντας, ἐπίσης διακεῖσθαι· <u>ὅστις οὖν πρὸς πόνον καὶ ἡδονὴν ἢ θάνατον καὶ ζωὴν ἢ δόξαν καὶ ἀδοξίαν, οἷς ἐπίσης ἡ τῶν ὄλων φύσις χορῆται, αὐτὸς οὐκ ἐπίσης ἔχει, δῆλον ὡς ἀσεβεῖ.</u></p>	<p>Ну а тот, кто гонится за наслаждениями, словно они благие и словно зла избегает мучения, нечестив, потому что такой неизбежно будет часто бранить общую природу, что она-де не по достоинству что-либо делит между негодными и достойными, ибо негодные часто наслаждаются и располагают тем, что производит наслаждение, а достойным выпадает мучение и то, что производит его. Кроме того -- кто боится мучения, когда-нибудь убоится и чего-нибудь такого, чему должно произойти в мире – а это уже нечестие: также и тот, кто гонится за наслаждениями, не удержится от несправедливости -- тут нечестие очевидно. Между тем к тому, что равно для общей природы (она же не производила бы как то, так и другое, если бы не равно ей было), должно так же ровно расположиться тем, кто хочет следовать природе, храня единомыслие с нею. Так вот, для кого не равны мучения и наслаждения, жизнь и смерть, бесславие или слава, которыми равно распоряжается природа, тот уж явственно нечестив.</p>
<p>13) Marc. Aug. 11, 10 Οὐκ ἔστι χείρων οὐδεμία φύσις τέχνης· καὶ γὰρ αἱ τέχναι τὰς φύσεις μιμοῦνται. εἰ δὲ τοῦτο, ἡ πασῶν τῶν ἄλλων τελεωτάτη καὶ περιληπτικωτάτη φύσις οὐκ ἂν ἀπολείποιο τῆς τεχνικῆς εὐμηχανίας. πᾶσαι δὲ γε τέχναι τῶν κρειττόνων ἔνεκεν τὰ χείρω ποιοῦσιν· οὐκοῦν καὶ ἡ κοινὴ φύσις. καὶ δὴ ἔνθεν μὲν γένεσις δικαιοσύνης, ἀπὸ δὲ ταύτης αἱ λοιπαὶ ἀρεταὶ ὑφίστανται· οὐ γὰρ τηρηθήσεται τὸ δίκαιον, ἐὰν ἦτοι διαφερώμεθα πρὸς τὰ μέσα ἢ εὐεξαπάτητοι καὶ προπτωτικοὶ καὶ μεταπτωτικοὶ ὦμεν.</p>	<p>"Искусства выше всякое природное" -- оттого искусства и подражают природам. А если так, то уж совершеннейшая и самая многообъемлющая из природ не уступит, думается, хотя бы и самой искусной изобретательности. И как все искусства делают более низкое ради высшего, так же точно и общая природа. Вот, вот где рождается справедливость, а из нее возникают остальные доблести -- ведь не уследить нам за справедливым, если станем небезразличны к средним вещам или же будем легковёрны, опрометчивы и переменчивы.</p>

<p>14) Marc. Aur. 11, 18, 3 Ἐβδομον, ὅτι οὐχ αἱ πράξεις αὐτῶν ἐνοχλοῦσιν ἡμῖν· ἐκεῖναι γάρ εἰσιν ἐν τοῖς ἐκείνων ἡγεμονικοῖς· ἀλλὰ αἱ ἡμέτεραι ὑπολήψεις. ἄρον γοῦν καὶ θέλησον ἀφεῖναι τὴν ὡς περὶ δεινοῦ κρίσιν καὶ ἀπῆλθεν ἡ ὀργή. πῶς οὖν ἀρεῖς; λογισάμενος ὅτι οὐκ αἰσχροῦν· ἐὰν γὰρ μὴ μόνον ἢ τὸ αἰσχροῦν κακόν, ἀνάγκη καὶ σὲ πολλὰ ἁμαρτάνειν καὶ ληστὴν καὶ παντοῖον γίνεσθαι.</p>	<p>Седьмое: что не деяния их нам досаждают, потому что их деяния -- в их ведущем, а признания наши. Так что убери их, соизволь оставить суждение, как, мол, это ужасно -- и гнев прошел. Как убраться? Сообразив, что не постыдно. Потому что если не одно только постыдное -- зло, то ты обречен на множество погрешений, на то, чтоб и разбойником стать и кем угодно.</p>
<p>15) Sen. De vita beata 15, 4 Non das uirtuti fundamentum graue, immobile, sed iubes illam in loco uolubili stare; quid autem tam uolubile est quam fortuitarum expectatio et corporis rerumque corpus adficientium uarietas? <u>Quomodo hic potest deo parere et quidquid euenit bono animo excipere nec de fato queri casuum suorum benignus interpres, si ad uoluptatum dolorumque punctiunculas concutitur?</u> Sed ne patriae quidem bonus tutor aut uindex est nec amicorum propugnator, si ad uoluptates uergit.</p>	<p>Ты не хочешь водрузить добродетель на твердое, неподвижное основание; ты оставляешь ей лишь шаткую почву под ногами, ибо нет ничего более шаткого и ненадежного, чем надежда на случай, чем изменчивое тело со всеми его способностями и потребностями. <u>Как может человек повиноваться богу, как может благодушно принимать все, что бы с ним ни случилось, не жаловаться на судьбу и толковать все свои несчастья в лучшую сторону, если самые ничтожные уколы наслаждения или боли заставляют его содрогаться?</u> Из него не выйдет ни добрый защитник родины, ни борец за своих друзей, если он покорился наслаждению.</p>